

СКВОЗЬ ВРЕМЯ

ИЗ ИСТОРИИ КУНЬИНСКОГО КРАЯ

Автор-составитель

Наделко О.В.

СКВОЗЬ ВРЕМЯ

ИЗ ИСТОРИИ КУНЬИНСКОГО КРАЯ

П. Кунья, 2017 г.

Содержание

Часть первая

Бусинка Риги-Москвы	5
Появление поселка Кунья	5
Предвоенные и военные годы	7
Послевоенное время	10
Кунья в живых воспоминаниях	12

Часть вторая

Пять месяцев гнета	44
Тревожное ожидание	44
Месяцы гнета	47
Освобождение	53
В память о героях	58
Судьбы улиц	58
Имена героев войны в названиях улиц поселка Кунья	59

Часть третья

С войною в сердце	76
Так рождается ненависть (рассказ)	76
За что? (рассказ)	78
По следам истории	84
Первые шаги поисковиков	84
Успехи поисковой работы	90

Часть четвертая

Навечно молодой	103
Живой, пока помним	103

Предисловие

Постепенно уходят в историю происходящие сегодня события. Остаются только в воспоминаниях и люди, которые еще вчера находились рядом с вами. Жизнь не стоит на месте, и каждый из нас прекрасно это понимает. Наши дети, внуки уже не будут знать многого из существующего сегодня. Но им нужно об этом рассказывать. Они должны сохранить в памяти то, чем сейчас живём мы. Так же и нам, живущим ныне, необходимо хоть немного прикоснуться к прошлому...

Данная книга содержит воспоминания людей о произошедших событиях, информацию из материалов краеведческого музея Куньинского района, статей районной газеты «Пламя». Благодаря этому можно перенестись сквозь время и узнать многое о жизни наших земляков много лет назад.

В книгу вошли материалы из исследовательских работ обучающихся Куньинской средней школы: Наделко Максима, Колядинской Александры, Наделко Ульяны, Мальченко Жанны.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

БУСИНКА РИГИ-МОСКВЫ

(Из материалов исследования обучающегося МБОУ «Куньинская средняя общеобразовательная школа Наделко Максима. Руководитель – Белова И.Г.)

У каждого человека его малая Родина навсегда остается в сердце. И мысли о ней постоянно преследуют любого, где бы он ни находился, куда бы ни направлялся. Без любви к своей малой Родине невозможно представить ни одного человека.

Любовью к родному краю пронизаны произведения и куньинского краеведа Вячеслава Анатольевича Гринева, который в своей «Песне о Кунье» написал такие строки:

*«...Кунья любимая, прежняя Кунья,
Ты в шелесте нежной листвы,
Как дорогая бусинка
На нитке Риги-Москвы...»*

Чтобы еще больше любить свой край, нужно знать его историю, уважительно относиться к его прошлому, людям, которые здесь жили и благодаря которым появились мы...

В 2016 году исполняется 115 лет со дня основания поселка Кунья. Сегодня он является центром района, имеет разнообразные учреждения и предприятия, насчитывает более двух с половиной тысяч человек. А каким он был более ста лет назад? Чем занимались его жители, где работали, как отдыхали? И как он менялся в разные периоды своей истории?..

Появление поселка Кунья

По материалам районного краеведческого музея, куньинская земля в разные исторические периоды входила в состав Киевского государства (IX-X вв.), Новгородской боярской республики (XII-XV вв.), Московского государства (с 1478 года). С 1796 года она принадлежала Псковской губернии, состоящей из восьми уездов, в том числе Великолукского и Торопецкого. Территория современного района была поделена между этими уездами. Дальнейшую историю куньинской земли (а именно – территории, которую занимает современный поселок Кунья) кратко, по данным архивного отдела Администрации Куньинского района, можно представить таким образом:

до 1917 года - Клинская волость Торопецкого уезда Псковской губернии;

1924 год - Куньинская волость Великолукского уезда Псковской губернии;

1 октября 1927 года - Куньинский район Великолукского округа Ленинградской области (в соответствии с Постановлением ВЦИК от 18 июля 1927 года);

23 июля 1930 года – Куньинский район Западной области;

1 января 1932 года – Великолукский район Западной области;

10 февраля 1935 года – Куньинский район Великолукского округа Калининской области;

май 1938 года - Куньинский район Калининской области;

22 августа 1944 года – Куньинский район Великолукской области;

7 октября 1957 года – Куньинский район Псковской области;

22 декабря 1962 года – Великолукский район Псковской области;

14 января 1965 года – Куньинский район Псковской области.

Поселок Кунья, по данным районного краеведческого музея, образовался после строительства здесь железной дороги в 1901 году. В книге А.А.Сычева «Из истории одной станции» содержится следующая информация: «21 мая 1897 года Николаем II был издан указ о строительстве дороги Москва – Крейцбург. Строило эту дорогу общество Московско – Виндаво – Рыбинской железной дороги. Предварительно проводили изыскания в трех направлениях: через город Сычевку Смоленской губернии, через город Белый в Тверской губернии или через Великие Луки. Самым выгодным оказалось Великолукское направление, так как железнодорожному обществу бесплатно передали землю под строительство железнодорожных объектов. Летом 1898 года был заложен первый камень в фундамент мастерских, и началось строительство Великолукского участка новой железнодорожной магистрали. Хотя работы велись в две смены, сооружение этого участка продолжалось около трех лет. Строятся станции Жижица и Кунья. Название ее произошло от реки Кунья – правого притока Ловати. Станция дала название и населенному пункту. Поселок возник на месте бывших деревень Обляпышево, Жеботицы, Андосовка. Осень 1901 года началась эксплуатация линий Москва – Крейцбург, Туккум – Виндава...» В районном музее имеется копия доклада министра путей сообщения от 1897 года о строительстве «Московско-Виндаво-Рыбинской железной дороги протяженностью около 1030 верст, соединяющей возможно кратчайшим путем Москву с Виндавою через Великие Луки...»

Куньинский краевед В.А. Гринев рассказывает следующее: «Кунья образовалась в 1901 году как железнодорожный разъезд на только что построенной железной дороге. В конце XVIII - начале XX века в России строилось большое количество железных дорог, чтобы перебрасывать людей, грузы, товары, военную технику, солдат в случае войны. Царь тратил на строительство огромные деньги. В том числе делалась дорога из Москвы до Риги. Но сначала она шла не до Риги, а до железнодорожной станции Виндаво. Ее построили в 1901 году. Одновременно делали через каждые 15 км разъезды, чтобы поезда разъезжались, так как дорога была однопутная. Здесь, на месте сегодняшней Куньи, был хороший ровный участок, поэтому именно здесь сделали разъезд. Но в этом месте и до появления железной дороги находились населенные пункты...»

Из материалов публикаций районной газеты «Пламя», предоставленных краеведческим музеем, следует, что поселок Кунья образовался из слияния деревень Обляпышево, Жеботицы, Спичино, Ендасовка (Виндасовка). Гринев В.А. поясняет: «Деревня Спичино располагалась от реки Лусня через железную дорогу до Базарной улицы. Была деревня Обляпышево, там находился барский дом. Он был построен помещиком около 150 лет назад. В состав поселка Кунья вошла и деревня Жеботицы – там, где сейчас улица Жеботицы, за мостом через Лусню...»

Версий появления названия поселка две. Первая – от названия реки Кунья, в честь которой называли станцию. Река получила свое название от изобилия водящихся на ней куниц. Вторая следующая: железную дорогу строили не только местные крестьяне, но и бригады, которые нанимались издалека, даже татары. Когда они строили мост через наш котлован, им пришлось насыпать огромную гору земли. Делать это было очень трудно, везли землю на тележках. Они сердились и называли это место по-татарски «ямой» - на их языке – «кунья». После них так стали называть это место и жители. Начальство железной дороги оставило это название...»

В статьях «Годы, события, перемены» от 13 марта 2001 года, «Тогда не отступали перед трудностями» от 2 апреля 2001 года описываются первые годы появления станции

Кунья: «28 сентября (по новому стилю – 10 октября) 1901 года станция была официально открыта. Рядом с вокзалом были построены первые дома – для начальника станции, телеграфиста, продавца билетов. Для стрелочников, путейских рабочих возвели барак. За станцией в то время росли вековые сосны и ели, по ночам к ней даже приходили волки и медведи, но, услышав шум приближающегося паровоза, убегали с испуга в сторону деревни Борок, где можно было спрятаться в густых лесных чащобах, зарослях и оврагах. Население ближайших деревень Обляпышево, Жеботицы, Виндасовка, Харитоново и других населенных пунктов железной дороги страшилось. Правда, любопытства брало верх и сельчане появились на станции Кунья, с удивлением рассматривали вагоны. Из Клина, Федорцево, покидая помещицья усадьбы, потянулись в Кунью люди. Они надеялись здесь найти себе работу. Однако возможности были минимальными. Кое-кому все же посчастливилось устроиться рабочим на железную дорогу. Плотники возводили пристанционные постройки, склады. К 1914 году, когда началась Первая мировая война, возле станции Кунья, где теперь обозначена улица Советская, уже стояло, по разным данным, более четырех десятков домов. Все они были деревянной постройки. Неподалеку от железнодорожной станции возвели водонапорную башню. Ее сейчас нет, в годы Великой Отечественной войны она была взорвана. А стояла эта башня на территории нынешнего посёлкового парка. В конце февраля 1917 года телеграфист станции Кунья принял ошеломляющее сообщение: в Петрограде (а тогда так назывался Санкт – Петербург) от престола отрекся царь Николай II, и власть перешла к Временному правительству. Начальник станции приказал телеграфисту спрятать депешу и никому о ней не говорить, пока все детально не прояснится. Газеты в поселок не приходили. Их получали только помещики, жившие в деревнях Бараново, Ущицы, Федорцево, Пухново, Холм, Харитоново, Усмынь. А простому люду они были недоступными. Крестьяне, в том числе и жители станции Кунья, побывавшие в Великих Луках, видели там многолюдную демонстрацию с красными флагами, приветствовавшую Февральскую революцию. Жители поселка Кунья установление Советской власти приняли благосклонно. Ведь они получали в свое распоряжение землю. А она для них была главным богатством...»

«До 1917 года поселок рос очень медленно. И после революции строительства здесь не наблюдалось. Было не до этого. В стране разразилась гражданская война. Под Псковом шли бои, наша местность становилась прифронтовой. Поля некому было обрабатывать, так как мужчины находились на фронтах. Дело дошло до голода. К началу двадцатых годов жизнь в поселке постепенно налаживалась. Начало бурно развиваться сельское хозяйство, оживилась лесная отрасль. В Кунье появилась первая лесопилка и кожевенный завод. Правда, на нем работало всего пять человек. Вокруг поселка шумели сосны и ели. Лес пилили и вывозили на станцию Кунья, отсюда в вагонах отправляли в Москву, Петроград и даже в европейские страны... Летом 1927 года было принято решение об образовании Куньинского района. Это известие обрадовало жителей поселка. Нужны были помещения для размещения районных служб и квартиры для их работников. Застучали топоры, запели пилы. В темпе возводились здания в поселке, возникали новые улицы...»

Предвоенные и военные годы

К столетию поселка Кунья в районной газете «Пламя» был издан ряд статей о его истории, подписанных И. Быстровым. Статьи «Происходили большие перемены», «Время было суровое и назидательное», «Приближается юбилей» рассказывают о жизни поселка в предвоенные годы: «...В начале 30-х годов появилось много жилых домов. Так, для служащих по улице Октябрьской в строй вступило общежитие, для учителей – два дома. В конце 20-х – начале 30-х годов большое внимание уделялось образованию, ведь на 1917 год неграмотность среди населения составляла 75-80 процентов. Открылись школы, в том числе и в Кунье. Учились не только дети и молодежь. Мужчины и женщины среднего

возраста и даже пожилые куньинцы посещали ликбезы (по ликвидации безграмотности). Многие научились писать и читать. К концу 30-х годов в Кунье действовало три школы. Одна из них – средняя.

В 1935 году начала выходить районная газета «Сталинский путь», редактировала ее Елена Степановна Стулова. В Кунье открылся врачебный участок. Население поселка постепенно увеличивалось. Оно работало не только в районных учреждениях, но и на маслосырзаводе, льнозаводе, лесопилке, пекарне, на стройках. В райцентре действовали различные мастерские: сапожная, по пошиву одежды, ремонту обуви и т.д. Начала работать баня. В строй вступили несколько магазинов, столовая. Торговлей в поселке занималось сельпо. Открылся клуб. Жители поселка потянулись к очагу культуры. Именно там они увидели впервые в своей жизни кинофильмы.

В тридцатых годах в поселке начала работать телефонная станция. Набирала силу машинно-тракторная станция (МТС). Осваивались куньинцами доселе неизвестные профессии: тракторист, комбайнер, шофер. МТС вела обработку полей, принимала участие в заготовке сена, уборке урожая. Она была одной из лучших в Калининской области.

В центре поселка было возведено двухэтажное кирпичное здание, в котором тогда разместились райком партии, райисполком и некоторые другие службы. А самым удивительным для жителей поселка стало то, что улицы начали выкладывать брусчаткой. В 1940 году многие куньинцы справили новоселье, так как в конце 30-х годов быстро возводилось жилье...»

С 22 июля 1941 года по 30 января 1942 года Куньинский район был оккупирован немецкими войсками. Об этом периоде уже неоднократно писалось в краеведческой литературе и на страницах районной газеты «Пламя», поэтому мы не будем подробно останавливаться на этих событиях. Чтобы дополнить имеющийся материал, было решено обратиться к очевидцу событий Великой Отечественной войны и газетам военной поры.

О том, чем жил поселок Кунья в военное время, рассказала Столярова Евгения Дмитриевна, 1926 года рождения, проработавшая всю свою жизнь в Куньинской средней школе: «Родилась я в д. Антухово Груздовской волости. Сначала ходила в свою школу, Золотухинскую, потом, с пятого класса, пошла в Куньинскую. В 41-м году я закончила семь классов. В школе учились в две смены. Сначала маленькие, потом – те, что постарше. Я в то время ходила во вторую смену. Обычно шли все вместе, целой гурьбой, по железной дороге.

Летом сорок первого года я была в Кунье. Попала под первую бомбежку. Удивительно, что это произошло 22-го числа. 22 июня началась война, 22 июля первый раз бомбили Кунья, 22 августа немцы заняли Кунью, 22 января они ушли из Куньи. В то время льнозавод считался военного значения. Мой отец там работал. Льноволокно отгружали сразу, говорили, что оно идет на производство пороха (не знаю, так ли это). В тот день, 22 июля 1941 года, почему-то осталось неотгруженное льноволокно. Оно было сложено кипой на вокзале. Рядом со стрелками на перроне был заборчик, и оно там было сложено. Отец отдежурил ночь, а волокно опять не отгрузили. В то время в Кунье было много красноармейцев. Отец пришел и говорит: «Иди, смотри волокно, а то много солдат, кто-нибудь бросит окурки, и все загорится». Отправили меня. Я пошла, забралась на волокно и сижу, книжку читаю. И вдруг самолет летит – низко-низко, и такие огромные черные кресты на крыльях прямо надо мной. Что-то завизжало. Все красноармейцы стали прятаться по кюветам, под вагоны полезли, и я под брезент спряталась. Начались взрывы, и я полезла под брезентом на землю и легла. И тишина... Я выглянула: никого нигде. А там, где сейчас Администрация (это как раз было напротив), солдат поднялся и кричит

мне: «Дочка, сюда, сюда!» Ну я и туда, к нему. Он говорит: «Посмотри, как все ваши побежали». С Новой, с Советской улицы люди с детьми бежали под Красную горку. Там рожь была посеяна, бежали через эту рожь. И я туда. Бегали до двух часов ночи. Потом я вернулась. Отец, как началась бомбежка, сразу побежал на вокзал – меня нет, одна книжка лежит. Он сразу в милицию, пошли меня искать, не нашли, никто ничего не знает. И я пришла только в два часа ночи...

Накануне того, как пришли немцы, по дороге через мою деревню Антухово шли наши раненые. Это была дорога на Торопец. Шли так долго и плотно, что женщины не могли перейти через дорогу коров подоить. И мы их всё поили, носили воду. А через два-три дня в деревню пришли немцы. Это было наверно, двадцать четвертое июля. Причем пришли они со стороны Торопца. Но об этом и пишут всегда, что нашу Кунью немцы занимали в обхват, что сначала ту сторону захватили, по Западной Двине.

Во время войны работал и льнозавод, и маслосырзавод...»

О военном времени Куньинского района рассказывают и статьи газеты «Сталинский путь» от 1942 года, копии которых хранит краеведческий музей. Показательно «Обращение ко всем женщинам-колхозницам Куньинского района от колхозниц колхоза «Красный самолет», Серебряницкого сельсовета», вышедшее 19 апреля 1942 года подписанное Екатериной Семеновой, Екатериной Астафьевой, Ольгой Елаженковой, Пелагеей Борововой, Анной Солдатенковой, Прасковьей Фроловой: «Дорогие подруги! Скоро исполнится год, как советский многомиллионный народ ведет великую отечественную войну с самым жестоким врагом человечества – фашизмом. Вместе с рабочим классом и советской интеллигенцией тысячи колхозников на фронтах отечественной войны, с оружием в руках, защищают нашу родную землю, наш мирный труд, нашу жизнь.

Теперь решающей силой в колхозах остались мы, женщины, и все работы, выполняемые раньше мужчинами, возлагаются на нас. Особенно велики и ответственны стоят задачи перед нами в весенне-посевную кампанию, когда проводятся основные работы по выращиванию высокого урожая.

Самой трудной работой, считавшейся раньше исключительно мужской, является пахота. Но нас это не пугает. Мы, женщины, будем пахарями. Дружно, сорок самых физически здоровых женщин, выедем в поле с плугами, заменим ушедших на фронт пахарей – мужчин... Правильно организуем труд на поле: с рассветом, до позднего вечера будем трудиться на поле, делая трехкратных перерыв на отдых и кормление лошадей. Чтобы не изнурять лошадей излишними перегонами, в обеденный перерыв кормление лошадей будем производить на борозде, не гоняя их домой. Себе создадим походную кухню... Закончив пахоту и сев, мы обязуемся стать косарями, машиноводами, овладеть различными мужскими работами. Пусть наши мужчины яростно бьют врага! Пусть их не беспокоят колхозные дела... Призываем всех женщин нашего Куньинского района последовать нашему примеру, также активно выйти на поля, полностью овладеть профессиями пахарей, косарей, машиноводителей, оправдать исторические слова вождя народов товарища Сталина о том, что женщины в колхозах – большая сила...»

Стране не хватало денег, выходом из тяжелой ситуации стали займы. Как это происходило, можно понять из заметки «Вносят наличными деньгами» газеты «Сталинский путь» того же номера: «14 апреля при Груздовском сельсовете состоялось расширенное заседание актива, на котором выступил председатель колхоза «Красные Нивы» товарищ Логинов, который сказал, что каждая копейка, данная государству взаймы – это удар по врагу, - и подписался на 300 рублей. Председатель сельхозартели «Светлая жизнь» товарищ Галахов подписался на 500 рублей и тут же внес все наличными. К 5

часам вечера 15 апреля по сельсовету подписка выросла до 36345 рублей. Наличными деньгами поступило 24695 рублей».

Столярова Евгения Дмитриевна добавляет: «...В сельском совете давали разнарядку на займы. Народ выплачивал этот займ: кто продаст яйцо, кто сметану. А по молоку тоже нужно было выработать норму. Займ брался для восстановления народного хозяйства. Никто не роптал. Все считали, что так нужно, это правильно...»

Большим событием для всего поселка и даже района стала пришедшая в мае 1944 года в Куньинскую среднюю школу телеграмма от товарища Сталина: «Калининская область, Куньинская средняя школа. Директору тов. Кирилловой, председателю учкома тов. Данилович, секретарю комитета ВЛКСМ тов. Журавлевой. Прошу передать учащимся и учителям Куньинской средней школы, собравшим 25500 рублей на строительство танков «Юный мопровец», - мой горячий привет и благодарность Красной Армии». По этому поводу 12 мая в школе состоялся митинг. «Громом аплодисментов ответили участники митинга на слова тов. Кирилловой, которая призвала учеников написать письмо товарищу Сталину, в котором принять обязательства усилить помощь фронту, повысить качество учебной работы», - пишет газета «Сталинский путь».

Военное время стало тяжелым испытанием для всего населения района, как и для всей страны. Люди верили в то, что в последующие годы жизнь станет лучше...

Послевоенное время

«В конце сороковых годов вид Куньи не очень радовал глаз – в основном были деревянные постройки, улицы не асфальтировались, площадь перед вокзалом заросла травой и лопухами, - сообщается в статье И. Быстрова «Приближается юбилей» от 2001 года. – Но зато парк очистили от зарослей кустов, сделали дорожки. Разбитое в годы войны здание водоканки разобрали. Бульжником мостили улицу Советскую. Отремонтировали капитально двухэтажное здание райисполкома. Вместо МТС создали ремонтно-техническую станцию. Действовали маслосырзавод, лесоперерабатывающее предприятие, мастерские службы быта, районный узел связи. Поселок был полностью радиофицирован, появилось электричество в домах. Работали клуб, библиотека. По вечерам в летнее время на танцплощадке проводили вечера отдыха...»

Н. Никитина в своей статье «В недалеком прошлом», изданной в газете «Пламя» в 1977 году, пишет о районе в 50-х – 60-х годах: «...В 1950 году я стала работать в исполкоме райсовета. В то время особое внимание уделялось подъему сельского хозяйства. Нужно было не только достичь показателей довоенного уровня, но и перекрыть их. Так как малочисленным колхозам (а каждая деревня была колхозом) такая задача была не под силу, встал вопрос об их укрупнении. Второй задачей, которую требовалось решить, было строительство. Ведь война разрушила много жилых и ведомственных домов. А застраивался район заново с трудом. Все средства шли, в основном, на подъем сельского хозяйства. Да и строительной организации постоянной не было. И только в шестидесятых годах стали строить интенсивнее...В 1968 году район был полностью электрифицирован. Одна за другой улучшались дороги, связывающие колхозы и совхозы с центром, совершенствовалась телефонная связь...»

Из статьи И. Быстрова «Добрые дела не забываются» (13 августа 2001 года): «...В конце пятидесятых годов было принято решение о ликвидации Куньинского района. Закрылись многие учреждения, организации. Строительство жилья сократилось до минимума. Продолжали работать больница, Дом культуры, библиотека, сельская потребительская кооперация...»

Но вместе с тем в газете «Путь Октября» за 1959 год в статьях «Верный путь к высшему образованию», «Устранить недостатки в кинообслуживании населения» говорится: «Когда ученики дневных классов с веселым шумом покидают школу, на смену им приходит молодежь, учащиеся вечерней школы. Все они поставили перед собой цель – получить образование. Чувствуя внутреннюю потребность в приобретении знаний, они используют свое свободное время для учебы... Бывшие учащиеся вечерней школы становятся студентами-заочниками... Вечерние школы рабочей и сельской молодежи сейчас будут получать самое широкое распространение, так как это подчеркивается в тезисах ЦК КПСС и Совета Министров СССР...» «Заканчивается 1959 год... Одним из самых могучих средств коммунистического воспитания и повышения культурного уровня людей является кино, которое сейчас стало необходимой потребностью каждого человека. Достаточно сказать, что только в этом году посещаемость кинозрителей увеличилось в два раза. За 11 месяцев текущего года дано 9164 киносеанса, которыми обслужено 337 тысяч зрителей. Повысилась культура кинообслуживания. Выросли хорошие кадры кинофикаторов...»

В продолжении статьи И. Быстрова «Добрые дела не забываются»: «...В 1965-м году Куньинский район был восстановлен. Пришлось заново организовывать районные учреждения, подбирать кадры. Была закончена электрификация района. В каждом доме установили радиоточку. Началось асфальтирование улиц и прежде всего центральных – Дзержинского, Советской. Укреплялась база бывшей МТС, ставшей теперь не ремонтно-технической станцией, а райобъединением «Сельхозтехника». Появилась «Агропромхимия». Возвели склады, башни для приема минеральных удобрений. Туда проложили специальную железнодорожную ветку. Мощной организацией стала «Сельхозхимия»: у нее было много различной техники, предприятие выполняло различные работы для хозяйств – доставляло колхозам и совхозам туки, проводило известкование полей, вывозило торф и органические удобрения.

В районе возвели аптеку, прекрасный Дом культуры. Действовал Государственный банк, для него построили хорошее здание. Районный суд и прокуратура тоже получили помещения. Удобно расположился отдел внутренних дел. Заработал комбинат бытового обслуживания населения. В нем можно было пошить костюм, обувь, отремонтировать бытовые приборы и т.д.

Дорожный ремонтно-строительный участок приводил в порядок площади, улицы и переулки райцентра. Строительные организации возводили многие жилые дома. Гордостью Куньи стал льнозавод. Предприятие оснастили по тем временам самыми современными машинами и оборудованием. Большим событием для жителей поселка было возведение Куньинской средней школы. Открылась детская музыкальная школа. Набирало темпы потребительское общество. В Кунье открыли несколько магазинов: продовольственные, промтоварный, книжный, мебельный, хозяйственных. Возвели двухэтажный ресторан. Работали несколько буфетов, столовая, хлебозавод. Бурно развивался районный узел связи. Постоянных успехов добивались коллективы линейно-технического участка, телеграфной службы, почты. Построили три детских сада. Несмотря на это, они не могли принять всех малышей. Рождаемость в райцентре в 1970 – 1980 годах была высокой. В Кунье действовали станция по борьбе с болезнями животных, райтопсбыт, маслосырзавод, межхозяйственное объединение по производству кормов, комбинат коммунальных предприятий и многое другое.

Железнодорожная станция, которая и дала жизнь поселку, как бы приобрела свое второе дыхание. В лучшую сторону изменился вид вокзала. Перрон заасфальтировали. В здании станции Кунья установили телефон-автомат междугородной связи. Через станцию в сутки проходило более 50 товарных составов и 12 пассажирских, пригородных поездов.

Райцентр из года в год рос. Появились многоэтажные строения. Было высажено много деревьев, кустарников. Кунья стала поселком городского типа.

С 1965 по 1990 год жизненный уровень населения вырос в шесть раз. За последние перед реформами двадцать пять лет райцентр достиг наибольшего расцвета. Именно за те годы было построено, сделано то, чем мы и сегодня пользуемся, чем гордимся...»

Кунья в живых воспоминаниях

О том, какой была Кунья в прежнее время, вспоминают жители поселка. У каждого из них свое видение произошедших событий, которое помогает воссоздать картины прошлого. Из их воспоминаний видно, как постепенно разрастался поселок, появлялись новые улицы, какой была духовная жизнь людей...

Столярова Евгения Дмитриевна, 1926 года рождения, вспоминает: «...Все мы были пионерами. Была железная дисциплина. Помню, как однажды нужно было идти в Борок. Иду, уже темнеет, страшно. Не знаю, как пойду назад, одна. Тогда отпросилась у пионервожатой и уже по-темному прибежала домой. Всё было очень строго. Помню, как в деревне появился первый трактор – и я бегала за ним смотреть; как проводили первые электрические столбы.

Народ был очень дружный. Много работали. После войны работали с утра до вечера, денег не платили, писали трудодни. А займ был какой? Но сама жизнь, сама обстановка заставляли верить в лучшее будущее. В детские сады приносили детей еще трехмесячных – сразу выходили на работу, потому что это было в то время главным. Труд был в основе всего. И человека ценили за работу. Была районная Доска Почета – на площади около вокзала.

Очень весело отмечали праздники. Люди много пели, все вместе. Были очень приветливыми, общительными, радушными. Особенно большими праздниками были 1 сентября, 7 ноября, Новый год, 23 февраля, 8 Марта, 1 Мая, День Победы.

После войны у нас был филиал великолукского радиозавода. Была типография, несколько строительных организаций. В д. Жеботицы находился маслосырзавод. А за рекой были горелыши – обгорелое болото.

Школа во время войны находилась на том же месте, что и сейчас. Это было двухэтажное деревянное здание. С 63-го года я стала там работать. Ниже находилась музыкальная школа. Она была одноэтажная, зеленого цвета.

Библиотека тоже была. Я ходила туда, брала и Жюль Верна, и Дефо. А как прочитала «Всадник без головы», так он мне всю ночь снился. Детская библиотека находилась отдельно. Стояло радио. Около «молочного» магазина (у братских захоронений) был огромный столб еще до войны, на нем рупор. В 6 часов – гимн, потом говорят, что возвели, что построили, что открыли, чего достигли, потом о людях труда.

В Обляпышеве находилась деревня с Белым домом барыни. Где-то в конце 20-х - начале 30-х годов она уехала. В ее доме прислуживали молодые парни. Девки были сенные – прислуживали на улице. Некоторые из моих родственников служили у этой барыни. Она их обучала грамоте. И даже благодаря ей один из них в Луках был секретарем Горкома...»

О деревне Обляпышево подробно рассказал Гринев Вячелав Анатольевич, куньинский краевед: «Здесь в прошлом располагалось барское имение, которое было построено помещиком около 150 лет назад. Последней в нем жила помещица Мария Александровна Цехановская. Она родилась в Литве приблизительно в 1880-1885 годах в

семье генерала. Высокая, стройная, по словам старожил, около 180 сантиметров ростом, очень веснучатая. Детей у нее не было. Может, потому она содержала около десятка собак – больших, породистых, с черными, коричневыми, серыми пятнами. Один кобель все время был при барыни – охранял. Для того, чтобы прокормить такую свору, с западной стороны от барского дома выстроили собачью кухню с двумя большими медными котлами. Барыня была очень набожной и увлекалась благотворительностью. Она восстановила каменную церковь, построили две деревянные часовни – одну перед деревней Волково, другую на берегу реки Феневка (недалеко от памятного знака, установленного в наши дни на месте немецкого концлагеря) Между барским домом и церковью на месте нынешнего жилого дома стояла кирпичная часовня. Барский дом, часовню и церковь соединяли дорожки, вымощенные кирпичом. Недалеко от церкви располагалось небольшое кладбище.

На мощном каменном фундаменте барыня построила двухэтажную деревянную богадельню – приют. В имении располагались также каретный сарай и конюшня. Особняком от дома стояла барская кухня, выстроенная из камня. Современная улица Дальняя при барыне была большим фруктовым садом. Сад со всех сторон окантовывали клено-ясенево-аллеи с пешеходными дорожками.

Съехала барыня из своего особняка, по словам очевидцев, примерно в 1924-1925 годах в деревню Волково, а приблизительно в 1933 году она уехала в Литву...

В шестидесятые годы в барском имении находилась МТС – машинно-тракторная станция. В ней находилась техника, которую колхозы заказывали за деньги для обработки полей и перевозки урожая. В доме располагалось общежитие для работников МТС на 13 семей. А в постройках барского дома были гаражи и мастерские МТС. В начале 60-х годов в Кунье еще не было электричества, оно было только здесь. В доме барыни стоял агрегат, который вырабатывал электрический ток. Больше в Кунье света нигде не было. Потом он появился на пекарне. Эта пекарня – не нынешний «Псковский каравай», на его месте в то время были одни хутора...»

В современный поселок Кунья вошла и деревня Виндасовка. Из рассказа В.А.Гринева: «После открытия железной дороги появилась деревня Виндасовка, в которой жил то ли железнодорожный инженер, то ли купец Виндас. В доме, где он жил, потом находился магазин «Надежда» (за современным магазином «Заречный»). Дом был двухэтажный. Нижний этаж кирпичный, верхний-деревянный. Потом в этом здании размещалась Куньинская школа и дом для учителей. 20 лет назад этот дом сгорел. Вдоль дороги стояли бараки, в которых этот купец размещал товары. Но в 80-е годы их тоже не стало. А к 30-м годам в Кунье уже было где-то 127 человек. В конце 80-х уже насчитывалось 4300 чел. Приезжали сюда большей частью из близлежащих деревень, чтобы работать на предприятиях поселка. Приезжали и студенты по распределению, врачи, учителя, инженеры, прорабы на стройке... Постепенно поселок разрастался. Появлялась промышленность, молокозавод, льнозавод, сельхозтехника, сельхозхимия, стройучасток, ПМК, садик, школа, больница, где работало много людей. Для них стало строиться жилье. Образовывались целые новые улицы. Например, в годы войны не было ни одного строения от барского дома и до моста через реку Лусня. На этом месте был густой еловый лес, он назывался Борок. Из этого леса люди и строили здания поселка Кунья. От этого гигантского леса остался только участок на Риге-Москве. И по-прежнему этот лес называется Борок. Дорогу, связывающую барский дом с мостом, назвали улицей Дзержинского, это главная улица поселка. Уже к 70-м годам были улицы Пионерская, Комсомольская, Дзержинского. Потом, когда построили АТС, появилась улица Зеленая. После 70-х годов стали строить улицу Полевая. Она за стадионом, а в то время там не было ни одного здания. Тогда были только дома около ветлечебницы на горе, других не было. В эти же годы появилась улица, параллельная улице Дзержинского, она называлась

Дальняя. Потом появилась и улица Песочная. Самые молодые улицы – Полевая, Стадионная, Песочная. Улица Жиботицы образовалась около 20-30 лет назад. Она самая молодая. До этого там были колхозные поля, на которых впоследствии приезжающие люди сами строили себе дома...»

Столярова Евгения Дмитриевна вспоминает: «Там, где район ПМК, раньше ничего не было. Только улица Базарная. Улицы Советская, Новая были еще до войны. В 80-е годы я с ребятами часто ездила по деревням с художественной самодеятельностью. В каждой деревне был клуб. Всё натоплено, тепло. Народу полным-полно. Вообще в каждом колхозе был скотник, лошади, а в тех, где деревни побольше, водились и свиньи. В каждой семье было хозяйство, и по две корове держали.

Летом на предприятиях работали и школьники. Помню, как они на маслозаводе мыли сырные головы, а на следующий год на выпускной им подарили головку сыра. Масло в то время было очень качественное. В 83-м году моим ученикам (8 класс) нужно было кормить телят. Ходили по 5 человек. Пошла и я с ними. Прихожу – стоят телята, в центре – контейнерная лента. Поилки автоматические. И ребятам очень понравилось там работать. А потом нам пришла благодарность, и нам ее объявили на линейке...»

Из воспоминаний Павловой Раисы Ивановны: «Я помню Кунья 1964-65 годов. Улицы Строителей в эти годы не существовало. Там было чистое поле, и всегда проводили районные мероприятия: соревнования санитарных дружин района. На месте, где сейчас стоит прокуратура, четырехэтажка, двухэтажка, был частный сектор: стояли одноэтажные маленькие домики на две семьи. Где сейчас стоит магазин «Мясокомбинат», было двухэтажное деревянное здание, когда-то там был школьный интернат, а потом его ликвидировали, и помещение занимали разные организации. Где банк, была аптека – небольшое деревянное здание, с одной стороны которое занимала аптека, а с другой жили люди. Потом это здание сгорело.

На месте церкви был деревянный одноэтажный детский сад, потом к нему пристроили еще группу. Там работала воспитателем и я. Детей было много, около 80 человек. Дальше было здание детской комнаты милиции. Сейчас это место пустое. На месте магазина «Зернопродукт» был Дом культуры, а позже - машиносчетная станция, которая обрабатывала документацию. Слева в Доме культуры был танцевальный зал и сцена, а справа – разные помещения, которые тоже относились к ДК.

Напротив комбината бытового обслуживания (сейчас это библиотека и музыкальная школа) стояли два дома. Они сдавались в 1969-м и 1970-м году осенью. На горе за библиотекой дома появились попозже.

Я приехала в Кунью жить осенью 1970-го года. В то время постройка бани уже была. Около нее стоял многоквартирный деревянный дом.

Работал льнозавод, мы ходили с ребятами на экскурсию, давали там концерты, нам показывали машины, рассказывали о льне, его качестве, куда он идет, мы видели льняное полотно – было очень большое производство.

Маслозавод давал очень качественное молоко и сыр, они шли на Ленинград.

ПМК был сначала в Клину, потом построили дома, и сюда переехала бухгалтерия и жители. Люди в то время получили очень много жилья. На месте Обляпышева были поля. Строиться начали здесь в 80-е годы».

Окунькова Валентина Александровна и Гордеева Александра Семеновна вспоминают: «Я приехала в Кунью в 1964-м году. В то время Куньинского района не было, он назывался Великолукским. В Кунье был детский дом, находился в здании

Администрации, где сейчас отдел образования. Было около двухсот детей. Я была там старшим воспитателем. Но проработала там мало – с января по сентябрь. В сентябре 65-го я перешла в Куньинскую школу. В том году детдом ликвидировали, снова сделали район. Жила я на переулке Советском. Больших двухэтажных домов, где потом был райком, а сейчас Администрации, тогда не было. На том месте были деревянные дома. Их потом снесли. Тут вообще почти ничего не было. Привозили песок, вбивали сваи и на них строили, потому что там было болото. Все эти дома стоят на сваях. Я даже помню, как между этими деревянными домами стояла мельница. Это была Новая улица. Здание, где Пенсионный фонд, уже было. В нем находились магазины. Наверху был магазин одежды, обуви, галантерея, а внизу - ткани и продовольственные товары. Возле магазинов РАЙПО, где сейчас ритуальный, было большое длинное деревянное здание, в котором тоже были магазины: продовольственный, уцененных товаров, книжный и хлебный. В хлебном всегда была очередь.

Улица Первомайская в то время была, но наших домов там не было. Потом там сельхозтехника начала строить дома. Первым домом был наш, потом стали строить на горе – двухэтажные дома, обложенные кирпичом. В этот дом мы переехали в 1978 году.

Праздников было много. Отмечали День молодежи. Приезжали со всего района на разукрашенных машинах, на площади устраивали концерты. На Зеленой улице были массовые гуляния. Потом их стали проводить в Обляпышеве, на поле, на горе возле концлагеря.

Помню, как к 40-летию Победы наш учительский коллектив написал обращение в райком, чтобы переименовали улицы. Одну назвали в честь полковника Докучаева, другую – Лобова.

В 64-м году памятник Ленину уже стоял. Его часто мыли из пожарной машины – ко всем праздникам. За братскими захоронениями ухаживали школьники: убирали и куньинское захоронение, и крестовское, и боталовское».

Из воспоминаний Макаренко Любови Николаевны: «В 80-е годы активно шло строительство. Появились дома на Новой улице и в районе сельхозтехники. Для переселенцев создали четырехэтажку. Дом на Дзержинского, 31 построился не сразу. Он был сделан наполовину, потом строительство было заморожено. Галина Викторовна Шавш поехала в Москву к Лобову, который работал где-то в Министерстве. Благодаря ему денег добавили, и строительство было окончено. Примерно в то же время достраивалась больница, детские сады, район Мелиорации. В деревнях появлялись целые улицы, дороги. Сильными организациями тогда считались сельхозтехника, сельэнерго.

В конце 60-х – начале 70-х годов появилась площадь Ленина. Памятник Ленину сначала был в парке. Около него проходил ежегодный слет пионеров. Как только благоустроили площадь, памятник перенесли туда.

Интересно проводились праздники. На предприятиях проходил День семьи, к которому собирали характеристики семей, потом давали концерт. В колхозах обязательным был День райкома. К 8 Марта проводился большой концерт, на котором чествовали женщин-передовиков. На 1 Мая, 9 Мая, 7 ноября проходили демонстрации. В каждой организации был свой праздник с торжественным заседанием, вручением грамот, премий каждому передовику. Во время демонстрации шла колонна из улицы Дальней, в которую по расписанному графику вливались небольшие колонны от разных организаций с транспарантами, лозунгами, цветами и шариками. На 7 ноября колонну открывали мотоциклисты и дети. Она шла от здания милиции на площадь Ленина».

Из этих воспоминаний можно представить прежнюю Кунью: расположение и появление ее улиц, жизнь ее жителей. Именно благодаря им история поселка станет известной и тем, кто еще не жил здесь в то время, но любит свой поселок, свою малую Родину.

Закладка парников 9 марта 1941 года
(из архива районного краеведческого музея)

Уборка ржи в 40-х годах (из архива районного краеведческого музея)

Обучение в Куньинской школе в 50-е годы (из архивов Столяровой Е.Д.)

На уборке льна, 1955 год (из архива районного краеведческого музея)

Молокозавод, 60-70-е годы
(материалы архивного отдела Администрации Куньинского района)

Полевые работы в 60-70-е годы
(материалы архивного отдела Администрации Куньинского района)

Полевые работы в 70-е – 80-е годы
(материалы архивного отдела Администрации Куньинского района)

«Лесхоз», 1975 год (из архива районного краеведческого музея)

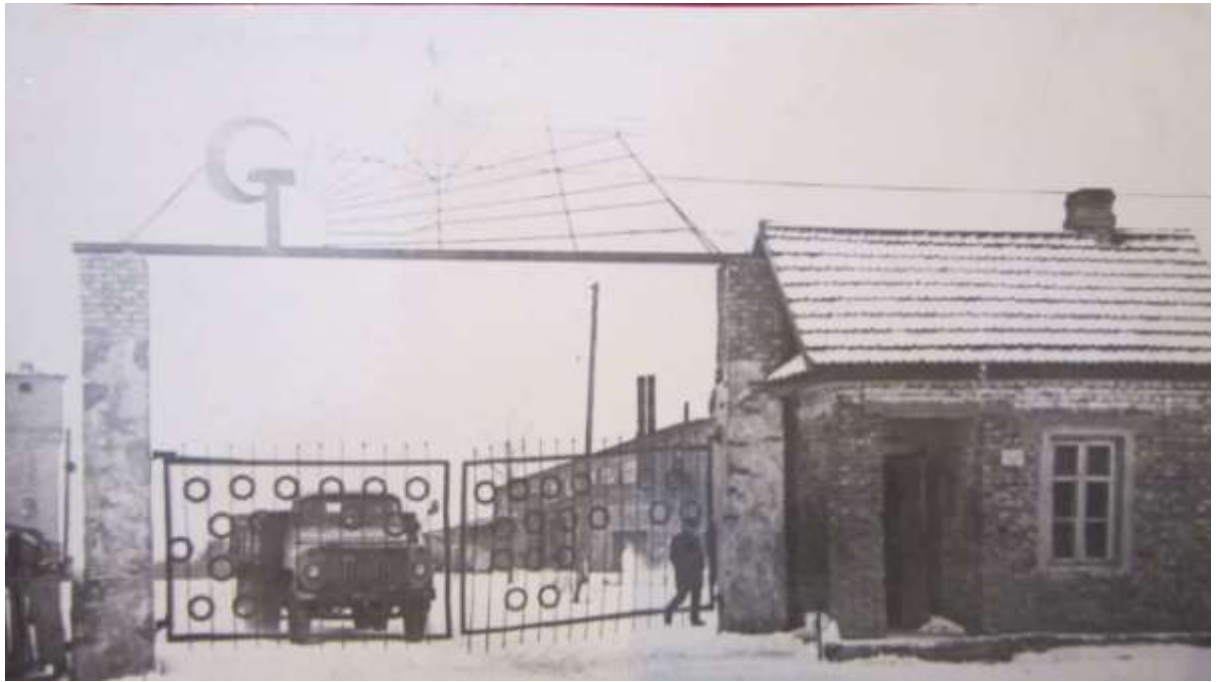
«Лесхоз», 1975 год (из архива районного краеведческого музея)

Столярный цех в 60 - 70-е годы (из архива районного краеведческого музея)

«Сельхозтехника» в 60 - 70-е годы (из архива районного краеведческого музея)

«Сельхозтехника» в 70-е годы (из архива районного краеведческого музея)

ПМК-12, мелиоративные работы (из архива районного краеведческого музея)

1 сентября 1973 года в Куньинской школе (из архива районного краеведческого музея)

«Сельхозхимия» в 70-80-е годы (материалы краеведческого музея)

«Сельхозхимия» в 70-80-е годы (материалы краеведческого музея)

Отделение связи в 80-е годы (материалы краеведческого музея)

Парикмахерская в 80-е годы (материалы краеведческого музея)

Пошив одежды в комбинате бытового обслуживания в 80-е годы
(материалы краеведческого музея)

Обувной цех в комбинате бытового обслуживания в 80-е годы
(материалы краеведческого музея)

Коллектив льнозавода в 80-е годы (материалы краеведческого музея)

Маслосырзавод в 80-е годы (материалы краеведческого музея)

Коллектив аптеки в 80-е годы (материалы краеведческого музея)

Здание вокзала в 50-е годы (из архива районного краеведческого музея)

Здание вокзала в 60-70-е годы (из архива районного краеведческого музея)

Здание райисполкома в 70 - 80-х годах (сегодня – здание Администрации района)
(материалы архивного отдела Администрации Куньинского района)

Строительство нового жилого дома на ул. Дзержинского, 1992 г.
(материалы архивного отдела Администрации Куньинского района)

Улица Дзержинского, конец 80-х – начало 90-х годов
(материалы архивного отдела Администрации Куйбышевского района)

Улица Полевая в конце 80-х – начале 90-х годов
(материалы архивного отдела Администрации Куньинского района)

Демонстрация 1 Мая 1977 года (материалы краеведческого музея)

9 мая в 80-е годы
(материалы архивного отдела Администрации Куньинского района)

Культурная жизнь поселка (материалы МБУ «Районный культурный центр»):

Года...
Мы говорим о них с волнением,
Забыть их невозможно никогда...
Пусть в памяти живут они грядущих поколений.
Л.В.Горюнова

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

ПЯТЬ МЕСЯЦЕВ ГНЁТА

(Из материалов исследования обучающегося МБОУ «Куньинская средняя общеобразовательная школа Наделко Максима. Руководитель – Белова И.Г.)

Великая Отечественная война оставила неизгладимый след на нашей, куньинской, земле. Еще и сегодня живут воспоминания о ней в ее непосредственных участниках, ее свидетелях и в нас - потомках тех, кто видел ее своими глазами. Пять месяцев оккупации стали тяжелым испытанием для всех жителей Куньинского района, в том числе для населения поселка Кунья.

Тревожное ожидание

Поселок Кунья в 1941 году имел важное стратегическое значение, поскольку через него проходило железнодорожное сообщение, он находился в непосредственной близости от города Великие Луки и был расположен на прямом пути следования в Москву. Поэтому занять его для гитлеровской Германии было очень важно. Уже через месяц после начала Великой Отечественной войны немецкие войска пытаются оккупировать наш район.

Из материалов районного краеведческого музея:

«Война, развязанная гитлеровской Германией, обрушив на мирные города и села град бомб и снарядов, в июле 1941 года подошла и к нашему поселку Кунья. Второго июля бомбили станцию Великополье нашего района. Под натиском превосходящих сил врага, ведя тяжелые оборонительные бои, наша армия отступала. Многие из местных жителей, покидая родные места, шли добровольцами на фронт. Эшелоны дивизий из 22-й армии еще за 10 дней до начала войны, 12 июня, отправляли к месту назначения через нашу станцию Кунья и Великополье. Полевое управление армии к 25-му июня было размещено в г. Великие Луки, командовал 22-й армией генерал-лейтенант Ершов, а 179-я стрелковая дивизия полковника Гвоздева расположилась вблизи Куньи и Ущиц. В Псковской области немцы раздвоили удар: одно направление через Остров было на Ленинград, центральное — на Москву через Невель, Смоленск, Великие Луки, Торопец, Западную Двину. Нужно было всеми силами защищать Смоленский большак. Смоленский большак — это древняя дорога на Смоленск-Сиверст-Хрущели-Встеселово, а дальше Груздово-Торопец-Москва. Кроме того, железная дорога через Кунью имело большое стратегическое значение. Город Великие Луки был очень хорошо укреплен: 29 стрелковый корпус, 48 танковая дивизия, 95 и 96 танковый полки, 48 гаубичный артиллерийский полк, 48 отдельный разведывательный батальон. Поэтому немцы должны были обойти город Великие Луки. Рубеж обороны был между Хрущелями-Балычами.

В начале июля фашисты совершали налеты на наш поселок, надеясь уничтожить железнодорожное полотно, составы, стоящие там. В путевом журнале начальника восстановительного поезда Яна Генриховича Оя, начатого 1 июля 1941 года, записано: «14.07.1941 год. Станция Кунья. От бомбежек разбито 2 пути, свалено 3 вагона, засыпано 3 воронки». Были и человеческие жертвы. Одна из бомб угодила в дом Пуховиковых,

погибли трое людей (хозяева) и два солдата, бывших там. Уже 10 июля по сельским Советам были созданы отряды народного ополчения, принято решение об эвакуации населения, имущества и скота вглубь страны. Беженцев отправляли со ст. Кунья, Великополье, Назимово...»

О первых бомбежках поселка Кунья подробно написано в книге В.А.Гринева «Куньинский район. Природа, история, современность»:

«...На основании опроса куньинцев — очевидцев событий... удалось установить, что Кунья подвергалась бомбардировке 4 раза до ее оккупации. О бомбежках на радиоузел сообщал солдат, дежуривший на крыше райисполкома.

Первая бомбежка, по утверждению старожилов, была 1 июля. Самолет прилетел со стороны д. Носово с северо-запада. Погода была пасмурная. Солдат-наблюдатель его не заметил. Он сбросил 4 бомбы. Одна попала в хозяйственные постройки железнодорожной казармы на ул. Советская напротив нынешнего ресторана, погибли домашние животные. Вторая перелетела через железную дорогу и упала в пруд в привокзальном саду. Третья угодила в привокзальный туалет, четвертая в дом Пуховиковых на ул. Пионерская...

...Вторая бомбежка, по опросам очевидцев, состоялась 12 июля (по литературным источникам — 14 июля). Одна бомба прошла через здание райисполкома и застряла в подвале, не взорвавшись. Начальник ДОСААФ Котов Василий Иванович позже вызывал саперов ее обезвреживать. В эту бомбежку убило Митрофанова Бориса Дмитриевича...

Из воспоминаний Гринева Анатолия Арсентьевича, бывшего директора КБО 1936 года рождения, уроженца деревни Кожино:

«...Одна из бомб при бомбардировке поселка Кунья точно попала в двухэтажное здание его администрации и пробила его от крыши да подвала. Но при этом никто не пострадал. Так как тяжелая бомба была без запала. Вместо запала была вставлена записка: «Чем можем, тем поможем. Антифашисты». Бомбу обезвреживали саперы во главе с тогдашним председателем ДОСААФ Котовым. Опасный боеприпас отвезли в сторону деревни Желтилово в овраг. Котов приказал всем присутствующим отойти на безопасное расстояние и поджег бикфордов шнур. Он только что купил новый велосипед и собирался на нем стремительно уехать от подрываемого боеприпаса. Но широкие брюки впопыхах тут же попали в велосипедную цепь. Он вначале попытался освободить штанину - это не удалось. Затем побежал вместе с застрявшим велосипедом - не получалось. Тогда сорвал с себя штаны и убежал. Тут же раздался взрыв, и его новый велосипед и штаны взлетели на воздух и разлетелись в клочья, но сам Котов остался жив...»

Из книги В.А.Гринева «Куньинский район. Природа, история, современность»:

«...Во время третьей бомбежки бомбили комплекс административных и хозяйственных зданий в районе нынешней улицы Октябрьская: райисполком, узел связи, сырзавод, железную дорогу. При бомбежке ранило несколько человек, в том числе начальника почты Васильева Максима Максимыча, Климентьева Николая, рабочую сырзавода Коведяеву Екатерину тяжело в ногу. Одна бомба упала возле дома Колоницких на ул. Октябрьская и не взорвалась, вторая возле райкомзема райисполкома — никто не погиб, еще одна — в парке возле бывшей столовой - бомба не взорвалась: говорят, в запале были найдены записки, что это работа антифашистов.

Четвертая бомбежка была 22 августа перед захватом Куньи. Более десятка самолетов бомбили и обстреливали позиции защитников поселка...»

Из материалов районного краеведческого музея:

«... 22 августа после продолжительной бомбежки, когда налетело 20 самолетов, в час дня в пустынный поселок вошли немцы. Двигались они со стороны деревень Встеселово и Коврыжкино. Затем в поселок вступила колонна немецких танков. Вражеские танки двигались колонной, не ожидая встретить отпор. Врагу сходу взять Кунью не удалось. Отделение Сергея Бакалова вело бой вместе с артиллеристами А.В. Чапаева, недалеко от Куньи. Солдатам нашей армии пришлось отступить, потому что фашисты обладали превосходящими силами и техникой...»

Из воспоминаний Егоровой Марии Дмитриевны, бывшей учительницы литературы и русского языка Куньинской средней школы, 1928 года рождения, уроженки деревни Жиботицы:

«Запомнилось мне, когда немцы вошли в Кунью. Это было неожиданно, потому что все говорили, что их не пустят в Великие Луки. За день до этого мы теребили лен недалеко от центральной нашей улицы. Шли наши молодые солдаты твердым шагом. Девушки - санинструкторы в красивой одежде. Мы смотрели, бросили работать. И не могли понять, почему они идут. Потом услышали день и ночь канонаду. Они шли от фронта - отступали. Шли молча и не переговаривались, как будто о чем-то тяжело думали, не обращая на нас внимания. Через день-два появились самолеты. Началась бомбежка, где-то в Обляпышево - несколько самолетов. Мы добежали до реки, спрятались у обрыва и ждали, когда бомбежка закончится. Потом заскрежетали танки и стало ясно, что немцы уже в Кунье. Зря скрывали, что наши отступают, потому что народ бы подготовился. Мы жили тогда в Казарницево (сейчас это деревня Кресты).

Мальчишки и брат побежали в Кунью. Разбомбили аптеку. Дед Евстигней принес спирта, лекарства валялись в грязи. Через несколько дней от Харитоново пришел наш конный отряд. Их всех покосили. А похоронили погибших перед бывшим сырзаводом где-то на территории нынешней базы райпо... Мне тогда было 13 лет - окончила 6 классов...»

Из воспоминаний Пятерневой Антонины Павловны, 1929 года рождения (в 1941 году проживала на ул. Набережная п. Кунья):

«Это было 22 августа 1941 года. Моя мама взяла меня с собой на работу — она работала на предприятии, которое в то время называлось «Красный завод», там изготавливали клюквенный лимонад, варили хлебный квас и клюквенное варенье, а также пекли хлеб, уже для военных, вкусный, круглый. Всё было тихо и хорошо. Был теплый день. К заводу подъезжали грузовые военные машины, нагруженные мешками с мукой. Ребята военные, молодые, шутили, смеялись, разгружая мешки, меня на руках подбрасывали в воздух и хохотали.

Вдруг в небе появился немецкий истребитель: шел в пике и строчил из пулемета. Все, конечно, очень испугались и побежали кто куда. Мы с мамой попали в «ледник», там стояли деревянные бочки, бутылки с лимонадом и многое другое. И тут заговорили... Немцы!... Да, по дороге (видимо, от Торопца) шли немецкие танки. Шли так: танк, сзади мотоциклист (мотоцикл с люлькой) и так вся вереница. Но никто не стрелял. Все стали разбегаться кто куда. Ребята военные, пригнувшись, бежали через железную дорогу в лес, в сторону деревни Красная Горка, мы с мамой выскочили в окно и прыгнули в длинную траншею, которая была вырыта рядом с заводом — сидели и ждали момент, чтобы выскочить и перейти дорогу к дому. Потом, в страхе перебежав дорогу, дома с собою схватили буханку хлеба и почему-то ватное одеяло и побежали в деревню Матушкино (недалеко от Куньи). Там проживала мамина сестра с семьей тетя Оля. Пробежав через школьный участок, мы без памяти добежали до речки. Босиком, прячась у берега, мы бежали по воде до поляны. А немцы уже бомбили Кунью, в основном бросали бомбы на железную дорогу (потом говорили, что было 16 бомбардировщиков). Прибежав в

деревню, рухнули в окоп, где спрятались жители деревни. Я тут же потеряла сознание. Так, в окопе, мы жили в страхе всю неделю. Вечером выйдем из окопа — всё кругом горит, слышится обстрел, немцы прочесывали леса... Страшно...»

Из воспоминаний Селезневой Лидии Ивановны, 1935 года рождения (в 1941 году проживала на ул. Набережная п. Кунья):

«Как объявили войну, люди стали выходить на дорогу, стали разговаривать, куда уходить, где спрятаться. Ну а потом пришли и немцы. Началась бомбежка... Как начали самолеты летать, как стали бомбы кидать — страшно было... И мы ушли в деревню. У моей мамы был брат. Через реку была деревня Заречье, в которой было всего три или четыре дома, и мы думали, что нас там немцы не найдут. А немцы и туда пришли, и там нашли нас... Я была совсем маленькая, потому почти не боялась их. А вот в соседнем доме жила девочка, лет четырнадцати, так немец наставил на нее автомат и всё что-то спрашивал по-немецки, а мы ничего не понимали... Поняли только, что он что-то про партизан спрашивал, где их найти. Она ему ничего не говорила, все молчала. Он ее не тронул. И вообще, мне повезло - на моих глазах никого немцы не стреляли. Только когда они наступали в Кунью, был большой бой, много жертв. Наши солдатики погибали, и с немецкой стороны тоже....»

Из воспоминаний Горюновой Лидии Васильевны, уроженки деревни Тетеркино, находящейся рядом с поселком Кунья:

«1941 год, год оккупации нашей местности... Задолго до оккупации враг с воздуха готовился уничтожить наш поселок, каждый день бомбил, посылая, как мы тогда говорили, страшные бомбардировщики «Рама». Часто бомбы падали не на станцию Кунья (им нужно было уничтожить железную дорогу), а на нашу деревню Тетеркино, что рядом с Куньей. К счастью, бомбы взрывались рядом с деревней, и наши деревянные дома готовы были развалиться: такой сильной была взрывная волна... В один из дней мы услышали со стороны Обляпышева скрежет машин — немцы двигались к поселку Кунья...»

Месяцы гнёта

Пять месяцев оккупации — с 22 августа 1941 года по 22 января 1942 года — остались тяжелым отпечатком в истории как всего Куньинского района, так и его центра — поселка Кунья.

О непрекращающейся борьбе наших войск с немецко-фашистскими захватчиками в первые дни оккупации поселка Кунья рассказывают воспоминания Фролова Павла Максимовича, заслуженного учителя Литовской ССР, поделившегося ими с музеем боевой славы одной из литовских школ.

Из материалов музея боевой славы средней школы №37 г. Вильнюс:

«В ночь на 23 августа 1941 года лейтенант Л.Жолудев летал на разведку. Вернулись, немного отдохнули и днем получили приказ вылететь к станции Кунья. Лейтенант был командиром звена в 150-м скоростном бомбардировочном полку, и повел он на боевое задание семь бомбардировщиков бомбить вражеские войска — живую силу и автомашины в районе станции Кунья.

Много там в тот день было войск гитлеровцев. Экипаж лейтенанта бомбил врагов с высоты в 600 метров. Вражеским зенитчикам удалось повредить самолет командира звена, был выведен из строя правый мотор.

Но лейтенант продолжал полет. Он еще больше спустился, чтобы дать возможность штурману вести огонь из пулемета по войскам противника. Сделали три захода и израсходовали все боеприпасы и тогда полетели домой на одном моторе. Перелетели линию фронта и сделали удачную посадку...»

Из материалов районного краеведческого музея:

«...Дни оккупации были тяжелыми для нашего района. Сегодня трудно представить, что пять месяцев в районе был режим кровавого террора и насилия. Расстреливали, вешали как мирных граждан, так и военнопленных, угнали 273 человека на работы в Германию. За время оккупации на территории района расстреляли 83 человека, повешено 3 человека, умерло после истязаний в застенках гестапо 5 человек, убито во время боев 14 мирных граждан, растерзано и расстреляно 139 военнопленных. Всего в районе замучено, расстреляно и повешено почти 300 человек. Немцы уничтожили 353 жилых дома, 11 клубов, 335 хлевов и скотных дворов, 297 сараев и навесов. Полностью было уничтожено колхозное животноводство.

На территории поселка Кунья в районе деревни Обляпышево немцы разбили лагерь для военнопленных (с августа до середины сентября по официальным данным). Туда были согнаны 4000 солдат и офицеров. Условия содержания были очень жестокими, многие умирали от голода, многих расстреляли, часть военнопленных погибла по дороге в Великие Луки. По воспоминаниям очевидцев, обочины дороги до города были усеяны трупами. Неслучайно сами пленные называли этот лагерь «Долиной смерти...»

Из воспоминаний Горюновой Лидии Васильевны:

«...Попавшие в окружение наши солдаты стали пленными, их расположили рядом с дорогой в низине у деревни Обляпышево. Местные жители близлежащих деревень шли к лагеря военнопленных, надеясь найти среди них своих родственников. Часто пленных водили в поселок Кунья на работу (там у немцев были склады с оружием). Сопровождали их фашисты, а мы, жители, подходили к дороге, по которой их вели, чтобы хоть чем-то их подкормить. Был август, на огородах уже поспела свекла, капуста, и мы бросали овощи и ботву под ноги идущим нашим солдатам. Ведь они были голодные, спали прямо в земле в вырытых ямах, а было уже холодно. Солдаты голодали и с жадностью подбирали даже ботву, чтобы не умереть от голода...»

Из статьи «Лагерь смертников» газеты «Известия» от 7 августа 1942 года:

«... Убивали непосильной работой. Пленные валили лес, надрываясь, срывали горы, срывая дорогу. Доведенные до крайнего истощения, обессиленные люди падали. Таких конвоиры до смерти забивали палками. Для «провинившихся» была изобретена особая пытка. На горе возле бывшего здания немецкой комендатуры до сих пор зияют двенадцать глубоких и узких ям. Это называлось «карцером». Фашистские истязатели сталкивали пленных в ямы и заставляли выстаивать на ногах по несколько суток, не давая ни пить, ни есть. Ежедневно в лагере умирало по несколько десятков человек. Пленные гибли от голода, побоев, дизентерии и лихорадки.

Незадолго до бегства из захваченного района немцы погнали оставшихся в живых пленных к Великим Лукам. Тех, кто не мог быстро идти, пристреливали на месте... В пути на протяжении 12 километров... гитлеровцы прикончили 83 человека...»

О том, что происходило в поселке Кунья в первые дни оккупации, вспоминает бывшая разведчица партизанского отряда М.Я.Козлова-Журавлева:

«Шли первые дни немецкой оккупации. Фашистские орды рвались к Москве. На центральных улицах (теперь Дзержинского и Новая) появились немецкие приказы на

русском языке. Они зловеще предупреждали: за оказание сопротивления немецкому командованию — расстрел, за оказание помощи красноармейцам — расстрел, за предоставление ночлега неизвестным лицам — расстрел. Приказы были, вероятно, отпечатаны заранее, еще в типографии Германии. Слово «расстрел» было напечатано крупным жирным шрифтом и видно издали каждому прохожему. А на окраинах Куньи пестрели обращения с предложениями сдать красноармейцам в плен. Немецкое командование обещало спокойную жизнь в Германии. И бойцы, попавшие в окружение, «откликались» на обращение гитлеровцев: каждый день в окрестностях Куньи слышалась перестрелка - красноармейцы завязывали бои с немцами, пытаясь пробиться к своим. Гитлеровцы несли потери, хоронили убитых тайком около деревень Гречухино и Иванцово. Были убитыми и советские воины, но их тела немцы не разрешали хоронить — всё делали для того, чтобы утрашить народ...»

Из воспоминаний Ефросиньи Петровой, размещенных в Книге Памяти Псковской области Куньинского района:

«Страшным для нас, куньинцев, было время оккупации фашистами района и поселка... Горяхватило на всех. Трудно вспоминать о том времени. Жили без радио, газет, писем. Магазины не работали. Но жизнь-то продолжалась. Угнетало то, что ничего не знали мы о событиях на фронте. На заборах появились немецкие листовки примерно такого содержания: «В скором времени Москва будет взята доблестными войсками фюрера». К счастью, однажды удалось подобрать листовку, сброшенную нашим самолетом. Радости-то было! Узнали правду о положении на фронте...»

Пять месяцев оккупации поселка Кунья подробно описаны в воспоминаниях Елены Колоницкой, работавшей после Великой Отечественной войны в районной газете. Принадлежность ее семьи к еврейской национальности представляла смертельную опасность для всех членов семьи, поскольку отношение фашистов к евреям широко известно.

Из воспоминаний Елены Колоницкой:

«22 августа 1941 года немцы вошли в поселок Кунья Псковской области, где жила я вместе с родителями и младшей сестрой. Брат добровольно ушел на фронт, прибавив себе годы, а старшая сестра училась в Ленинграде и впоследствии оказалась в блокаде. До прихода немцев мы уехали на лошади в сторону города Торопца Калининской области, но немцы оказались впереди нас, и нам ничего не оставалось делать, как вернуться в поселок Кунья, но уже пешком, так как лошадь и телегу с вещами у нас отобрали. Один только Бог знает, как мы дошли эти 90 километров пешком, полуголодные, боясь немцев и местного населения, хотя не очень мы отличались от других беженцев, и по чертам лица невозможно было определить кто мы. Мы шли по проселочным дорогам, просили у крестьян еду. Что могли нести на себе, с тем и пришли в свой дом, который уже был разграблен немцами и местными жителями. Правда, часть вещей и мебели некоторые соседи возвратили нам, за что мы им были благодарны.

В поселке обосновалась немецкая комендатура и местное самоуправление с полициями. Сначала нас никто не выдал немцам, но вскоре появились и предатели, и пособники фашистов. Мне, отцу и матери пришлось явиться в местное самоуправление также, как и другим четырем семьям евреев. Нам было приказано носить белые повязки на рукаве с изображением звезды Давида. Всех евреев из этих пяти семей, что были в поселке, заставляли работать отдельно от русских. Мы выполняли тяжелые работы, рыли окопы, пока еще не было морозов, потом работали на железнодорожной станции, перегоняли вручную товарные вагоны с одного пути на другой. Морозы были лютые - 35-42 градуса, таких морозов никто в наших краях не помнил. Работая на железной дороге,

мы часто обмораживали лица, руки, ноги, а теплой одежды у нас не было, ведь все было разграблено. Однажды мы с подругой остановились, я хотела растереть ей щеку, которая была обморожена, но немец так сильно ударил меня прикладом винтовки по пояснице, что я чувствую боль до сих пор.

Жили мы впроголодь, так как никаких запасов продуктов у нас не было. Хлеб и картофель нам приносили соседи и знакомые из ближайших деревень. Мама ходила по дворам в поселке и в деревнях просить милостыню. У папы был стеклорез, и люди просили его придти и нарезать стекла для окон, за что расплачивались мукой, хлебом, льняным растительным маслом, картофелем. Отец мог заниматься нарезкой стекол, когда нас не выгоняли на работу.

Я хорошо помню председателя колхоза Петрова И.П., который принес нам хлеб и сказал: «Ничего, скоро придут наши, все будет хорошо!» Когда папа сказал ему, что нам нечем рассчитаться, председатель ответил - будем живы, рассчитаемся. Надо отдать должное местным жителям, они просто спасли нас от голода.

По приказу местного самоуправления колхозники привозили картофель для немецкого гарнизона. Однажды картофель привезли в очень сильный мороз, и картофель подмерз. Немцы этот картофель не приняли. Тогда колхозники принесли нам несколько мешков картофеля и высыпали посередине комнаты, делали это быстро, боялись, что их могут увидеть полицаи и немцы. И когда папа сказал этим крестьянам, что нечем рассчитываться, так они ответили: «Ничего, Колоницкий, будем живы, придут наши — рассчитаемся!». Папа раньше работал в системе потребкооперации, часто ездил по району, поэтому его знали везде. И эти крестьяне тоже были его знакомыми.

Через два дома от нашего до войны был дом, где размещалась редакция районной газеты. В этом доме расположилась какая-то немецкая воинская часть, их было немного. Однажды к нам зашел немец и сказал по-немецки: «Здесь будет кухня для офицера». Я только закончила среднюю школу и хорошо его поняла. Этот немец был денщиком, звали его Лёви Котс. Он ежедневно приходил с продуктами, а мама в его присутствии готовила. Папа говорил с ним на идиш, денщик отвечал по-немецки. И они понимали друг друга. Иногда денщик приносил нам хлеб, запечатанный в целлофан, на обертке было написано - 1939 год. Фашисты давно готовились к войне. Хлеб был черствый, но для нас и это было счастьем. Немец-денщик знал, что мы евреи, но не сказал об этом своему офицеру. Бывало заходили и другие немцы в дом, хотели чем-либо поживиться, но Лёви Котс выгонял всех, говорил: «Здесь кухня для офицера, а не склад». Мама готовила почти два месяца, а потом эти немцы внезапно уехали также быстро, как и появились. Начался разгром немецких войск под Москвой. Об этом мы узнали от соседей, которые буквально на минуту забежали к нам, чтобы сообщить новости, они опасались, чтобы кто-то не увидел, что они зашли к евреям.

Все пять месяцев пребывания в оккупации мы не раздевались, боялись каждый день, что в любую минуту могут придти за нами и повести на расстрел. Некоторые жители поселка имели свои бани, иногда приходили к нам, говорили: «Как стемнеет, приходите тихонечко в баню, помоемся, только быстро».

Такое же доброе отношение местных жителей было и к другим семьям евреев, папа наш был хорошим хозяином, у нас всегда были в запасе дрова, поэтому мы могли истопить печь, сварить скудный обед или пожарить «драники» из мерзлого картофеля. Я до сих пор помню вкус и красивый цвет этих «драников».

Соседи и знакомые помогали нам, чем могли. Но не все сочувствовали нам, были и такие, кто не прочь был поиздеваться над беззащитными. Однажды папа шел по улице, и какой-то мерзавец указал немцу, что вот, мол, идет еврей, так этот немец так избил отца,

что отец едва добрался до дома. Мама, как могла, лечила отца, состояние его было тяжелым, а на следующий день все равно нужно было отцу идти на работу. Мы работали помногу и быстро, немцы все время подгоняли нас, куда-то спешили. Где фронт, как там идут дела - мы почти ничего не знали...

...Всего пять месяцев прожили мы в оккупации, но сколько нам пришлось пережить унижений и оскорблений! Эти пять месяцев протянулись, как долгие жестокие годы, мы потеряли здоровье, но остались живы, и за это слава Богу...»

Информация, собранная во время работы над исследованием, дополняет картину происходившего в период оккупации и в деревнях, расположенных в непосредственной близости к поселку Кунья, и в самом поселке.

Из воспоминаний Пятерневой Антонины Павловны:

«...Через неделю после захвата Куньи в деревню Матушкино, где мы с мамой скрывались у ее сестры Ольги, приехал немецкий мотоцикл, и немец вывесил объявление на доме, что через час в деревню приедет немецкий штаб - «приготовьте яйца-масло». Так и было. Через час взвыли немецкие огромные машины. Немцы стали располагаться по домам. Играла губная гармошка, они что-то говорили. Вечером того же дня вышел из лесу молодой высокий парень и хотел сдать в плен. Немцы вывели его на бугор и расстреляли. Мы все очень плакали...

В доме тети Оли (где были и мы) расположилась комендатура. Затрещали пишущие машинки, заговорил телефон. Во дворе в бане была расположена немецкая кухня, повар часто нас угощал крупным белым горохом с тушенкой. И еще нас, ребят, штабной офицер угощал леденцами. В день, когда они уехали, нас — всех ребят деревни — собрали на крыльце и сфотографировали.

Позже к нам в деревню нагрянули финны. Это были очень жестокие люди. Всё кругом громили, всё что-то искали...

Мы с мамой вернулись домой в Кунью. В тот же день к нам пришел немецкий танкист, взял меня за руку, повел в сарай и показал, чтобы я полезла на верх сарая по лестнице - ему нужно одно или два «яйца». Сам полез за мною. Мы осмотрели все куриные гнезда, но яиц не было. И так он ушел. Вечером пришел к нам второй немец и попросил, чтобы мама продала ему два гуся — для русских раненых нужен был бульон, и дал маме немецкие марки.

В один день мама меня отправила в деревню Матушкино к тете. Я забежала уже за Кунью, как в воздухе появился немецкий истребитель. Я испугалась и рухнула в лозовый куст, а немец спустился так низко и стал строчить из пулемета... Пули ложились рядом со мной, но я осталась жива...

Все это время, пока у нас стояли немцы, было очень голодно. Мама варила оставшуюся рожь, и мы ее ели. Пекла какие-то лепешки из крапивы, в поле собирали струки... Всё это время хотелось есть...

Зима 41-го - 42-го годов была суровой, всё заметало снегом. Нас, взрослых и детей, гоняли чистить на дорогах снег. Почти ежедневно мы раскапывали в рост человека снежные завалы. Отмерзали руки и ноги, но деваться было некуда... »

Из воспоминаний Горюновой Лидии Васильевны:

«...К нам в деревню Тетеркино фашисты шли за едой себе. У нас заранее для себя были вырыты ямы-окопы, чтобы прятаться от врага. О приближении немцев из Куньи мы всегда узнавали по реакции кур: услышав немецкую речь еще издали, они спешно

прятались в картофельную ботву. Это на какое-то время их спасало, пока немцы не догадались, где ловить наших кур, поживиться, унося их с собой. Так фашисты уничтожили всю нашу живность в хозяйстве... Но самыми злыми были финны, которые тоже пришли на территорию поселка и близлежащих деревень...

Мама моя решила, что немцы заняли только наш поселок, а рядом их в деревнях нет, и поэтому собралась к родственникам, которые жили в деревнях Золотухино, Захарцево, Почаево. Мы собрались (а вместе с нами и бывший прокурор поселка Кунья, фамилию не помню) и отправились к Торопцу. Вскоре мы поняли, что вся территория района и близлежащие земли заняты фашистами: лес, через который мы шли, прочесывали немцы с собаками, разыскивая наших окруженных солдат. Мы с мамой вернулись в деревню Захарцево. В деревне была немецкая моточасть. Деревенские жители собирали жалкие продукты, что могли, и передавали нам, детям, а мы по окопам (их было много в лесу рядом с деревней) носили в лес, чтобы передать нашим окруженным бойцам. Не обошлось без горя: в одну из ночей кто-то из окруженных застрелил немецкого часового. Утром на краю деревни собрали всех жителей, отобрали несколько мужчин и на глазах у собравшихся расстреляли... Среди них был Николай Забойников, бывший секретарь комсомольской организации в Кунье...»

Из воспоминаний Селезневой Лидии Ивановны:

«...Немцы жили у нас в Кунье пять месяцев. Что у нас было — всё забрали: и продукты, и всё остальное. Увозили скот: грузили в товарные вагоны коров, и у кого овцы были - всё. Отправляли в Германию. Курам голову открутят, и в мешок. Всё-всё забрали немцы... Ничего абсолютно не было. Я помню, пришли к нам несколько немцев, а я была дома с бабушкой. Бабушка у меня уже старая была, под 80 лет. Немец что-то спрашивает, а бабушка ничего не понимает, стоит и всё, меня за спину прячет. Тогда он ее толкнул и пошел что-то искать. Что были в доме продукты, всё забрал. Пошел в кладовочку, а там стояла соль в мешке, с пуд. Соль последнюю забрали и ушли.

Пять месяцев жили мы с немцами. Потом пришли финны. Мы их очень боялись, они были очень жестокими. Но на моих глазах никого не убивали...

Как-то летит самолет, и сыпется что-то с него. Я подбегаю, руки выставила: думала, что это игрушки какие кидают (игрушек же у нас никаких не было), и начали взрываться бомбы... Мне показалось, что это совсем близко, а это было, конечно, далеко. Я — назад, бегом домой. И так часто были налеты самолетов: не один, а много, очень много. Как начнут бомбить Кунью, всё разбили. Вокзал был очень хороший...»

Любое сопротивление фашистам было смертельно опасным. Но несмотря на это, в поселке Кунья образуется подпольная молодежная группа - ученики старших классов Куньинской средней школы.

Из статьи А. Николаева «Это было в Кунье» районной газеты «Пламя» от 13.12.2001 года:

«...Это ребята, которым было по 16-18 лет. Среди них: братья Иван и Алексей Павловы, Александр Мотылев, Михаил Козлов, Николай Гуцо, Сергей Русаков, Александр Деревянкин, братья Петуховы, Владимир Иванов, Александр Герасимов, Владимир Новиков, Иван Коздуров, Михаил Невдачина, Михаил Журавлев, Надежда Баранова, Мария Журавлева. К ним примкнули и те, кто был постарше: Дмитрий Краснов, Виктор Кочаревский, Иван Алешин. Сюда следует также отнести Марию Козлову, Евгению Ткачеву, Василия Зуба... Молодежная группа была тесно связана с партизанским отрядом, которым командовал бывший председатель Куньинского райисполкома Федор Семенович Иванов. По его заданию они собирали разведданные о противнике, проводили

диверсии, пропагандистскую работу среди жителей поселка, ближних и дальних деревень. Они доставляли захваченное продовольствие у оккупантов в партизанский отряд, которым командовал майор Марсов...

Некоторые из конкретных действий молодых патриотов можно перечислить. Например, спасение раненых бойцов Красной Армии из госпиталя, которые находились в нем на лечении и которых не смогли эвакуировать при отступлении наших войск. Именно эти юные ребята сумели найти одежду и переправить их в лес к партизанам, а тяжело раненых разместить по домам. Если бы этого не сделали, то фашисты уничтожили бы всех. Или расклейка в райцентре листовок «Смерть немецким оккупантам!». Они распространяли сводки Советского Информбюро о разгроме немецких войск под Москвой, принятые по радиоприемнику. За все это патриоты подвергались смертельной опасности.

Постоянно велся сбор разведанных о движении поездов через станцию Кунья, поступающим немцам вооружении. Юная Женя Ткачева устроилась переводчицей к куньинскому коменданту, собирала партизанам самые секретные сведения. Женя Ткачева выводила численность куньинского гарнизона немцев, их вооружение, точное расположение казарм, складов оружия и продовольствия. И все это патриоты сумели передать в партизанский отряд Марсова.

Юным подпольщикам удалось определить маршрут движения большого немецкого обоза и недалеко от деревни Аннино разгромить его. Эту операцию возглавил Дмитрий Краснов.

Они же увели у немцев две подводы, груженные патронами, гранатами, и отправили к партизанам.

Подпольщики из засад убивали захватчиков, атаковали даже их казармы перед приходом в Кунью частей Красной Армии и партизанского отряда. Погибли комсомолец Володя Иванов и разведчик Василий Зуб...

Тогда никто из них не думал о подвиге, тем более о наградах. Они, юные подпольщики, прежде всего шли на самопожертвование ради освобождения родной земли от оккупантов...»

Освобождение

В середине декабря 1941 года началось контрнаступление советских войск под Москвой. За месяц наступления была освобождена значительная часть Московской, Калининской, Тверской и Смоленской областей. В период с 21 по 31 января 1942 года 3-я и 4-я Ударные армии освобождали Куньинский район.

Из воспоминаний Горюновой Лидии Васильевны, находившейся во время отступления немецких войск в деревне Захарцево у родственников:

«...Вскоре, как мы поняли по поведению врагов, наша армия стала освобождать район. Фашисты готовились отойти, наша авиация бомбила с воздуха зажигательными бомбами, от которых всё вокруг горело (даже земля), мычали коровы. А всех жителей немцы согнали в колхозный сарай и закрыли. Мы понимали по работе моторов мотоциклов врага, что они готовятся к отходу, торопятся. Вот эта спешка отступления и налеты нашей авиации спасли нам жизнь: вдруг наступила тишина, немцы отошли, и мы остались живы...»

Из воспоминаний Елены Колоницкой:

«... Вдруг 20 января 1942 года стало очень тихо, и мы поняли, что немцы удрали из поселка. Оставаться в своем доме было опасно, мы ушли в ближайшую деревню за два километра от поселка. Там нас приютил в бане один крестьянин, мы пробыли там два дня, а потом решили вернуться в поселок, в свой дом. В этот день в поселок пришли первые разведчики - наши красноармейцы. Немцы, по-видимому, ночью отступили по железной дороге в сторону Великих Лук...»

Из воспоминаний Пятерневой Антонины Павловны:

«...В день, когда отступали фашисты, было очень-очень страшно. Это было утром. Немцы поджигали, что могли: горели цистерны с горючим на железной дороге, дома, была взорвана водонапорная, очень красивая, башня у вокзала...»

Из воспоминаний Столяровой Евгении Дмитриевны:

«...Когда немцы уходили из Куньи, они взорвали водокачку, испортили стрелки, шпалы. Они были на лошадях. Мы жили тогда на Набережной. Отец пришел с работы на пекарне: «Выходите на улицу - немцы уезжают из Куньи». Был морозный день. Немцы на санях скрипят. Громко разговаривают. Какое-то время никого не было. Потом немцы приехали из Лук на разведку. Говорят, их встретили огнем наши бывшие полицейские (их человек 5 было)... Потом пришли партизаны...»

Из воспоминаний М.Я.Козловой-Журавлевой, бывшей разведчицы партизанского отряда Куньинского района:

«В ночь на 22 января 1942 года группа партизан на семи подводах двигалась на Кунью, занятую фашистами. Обстановка была до некоторой степени ясной. Еще 19-20 января в районном центре побывали несколько партизан (Ф.Ильинский, В. Ильинский, В. Барляев и другие). По их мнению, с фашистским гарнизоном партизаны справиться сумеют.

И вот группа в пути. Недолгим был привал в Овечково. Партизаны зашли в дом колхозника Василия Сергеева. Весть о прибытии в деревню вооруженных людей вмиг облетела односельчан. В считанные минуты наполнился дом...

До рассвета 22 января мы были уже в деревне Клин, в трех километрах восточнее Куньи. Староста Ершов успел предупредить гитлеровцев, которые ночевали в Желтилове, что появились партизаны. Фашистов как ветром сдуло.

И вот — окраина Куньи. Несколько наших выстрелов остались без ответа. Двинулись дальше. Взяли в плен четырех фашистов. Может быть тех, которые только что взорвали водокачку и подожгли Дом советов...

В тот день, выступая перед собравшимися на митинге жителями поселка, партизаны дали слово не допустить больше врага в райцентр. Нужно было быстро собрать всех, кто может сражаться, иначе небольшая группа партизан будет разбита.

23 января во все основные населенные пункты были посланы нарочные, которые призывали всех, кто может держать оружие, присоединиться к группе. И уже 25 января в группе было 600 человек. Вооружение оказалось, конечно, самым разнообразным. Припрятать или захватить у немцев жители сумели не только винтовки и автоматы, нашлись даже пулеметы и минометы.

Бойцов распределили на две группы, во главе которых были поставлены лейтенанты Горлов и Хмара. Командовать всей группой было поручено майору Марсову.

Боевое крещение приняли уже на следующий день. Один из постов доложил, что у железнодорожной будки, что за семафором, замечена группа неизвестных, сопровождающая обоз. Шла она по полотну дороги со стороны Великих Лук. Нужно сказать, что на этом направлении «гостей» не ждали. Выработали такой план действий: если это фашисты, то ближе ста метров к переезду их не допускать и разгромить на открытом месте. Сигналом к бою должна была послужить длинная очередь пулемета «максим», установленного у окна дома, где раньше размещался потребсоюз. Сразу должны были вступить в бой те, кто находился в засаде на улице Дзержинского и у взорванной водокачки.

Но вот показались пришельцы: несколько больших с высокими бортами саней, а спереди и сзади до двух десятков фигур, не похожих на военных. Все закутаны то ли в одеяла, то ли еще в какое-то тряпье.

Сомнений не было — это фашисты. Партизаны открыли огонь. Быстро смело врагов с полотна железной дороги под откос. Вести дальнейший огонь было бесполезно. Нужно было менять позиции, чтобы вновь достать до врага. А уцелевшие фашисты опомнились и укрылись в железнодорожной водосточной трубе, откуда стали огрызаться огнем. Но продержались они недолго и вскоре выскочили в сторону Загорной улицы, пытались уйти вдоль железнодорожной насыпи. Их догоняли меткие пули народных мстителей... В тот же день во второй половине на поселок совершила налет вражеская авиация...

27 января серьезная обстановка сложилась в районе Ущиц. Два дня шли ожесточенные бои. 28 января немецкая группировка отошла и закрепилась в деревне Корнилово. Несколько раз поднимались в атаку наши бойцы, но захватить позиции врага, имевшего ощутимый перевес в боевой технике, не удалось.

Зато на следующий день пришла большая радость. Из Назимова прибыли три лыжника, сообщившие о подходе стрелковой бригады Советской Армии под командованием Горбунова. Отряд выстоял и дождался своих!»

Из воспоминаний Пятерневой Антонины Павловны:

«...Когда пришли наши войска, военных размещали по домам. У нас был дом большой, и к нам поместили взвод солдат с командиром Кибиреком по фамилии Снулицкий. Кормить солдат было нечем, командир получил на взвод сухой паек — полмешка ржаной муки. Он попросил меня, эту хрупкую девочку, испечь им лепешки, и я всю эту муку перепекла на лепешки в русской печке и накормила взвод.

По ночам они все уходили на какое-то задание, а мне оставляли солдата в помощь, и я мыла в доме полы.

Шли страшные бои под Великими Луками, в деревне Корнилово. После боя взрослые ездили на саночках и ходили пешком, чтобы привезти убитых лошадей (так как есть было нечего). Мясо разрубали и складывали в бочки, потом пекли котлеты и варили суп...»

Из воспоминаний Селезневой Лидии Ивановны:

«...Ну а потом началось наступление, немцев стали выгонять. Были страшные бои. Мы всё сидели в окопах (не знаю, кто нам копал эти окопы). Это были большие, глубокие ямы, накрытые бревнами. И мы туда лазили, народу столько, что мы один на одном сидели... Не было места даже. Есть было совершенно нечего. Я только помню, как грызла в этом окопе сырую картошину.

Потом немцев выгнали, это было где-то в конце января. Было очень много наших солдат и раненых, и погибших. Раненых солдат с полей, где шли бои, начали носить в дома. В нашем доме всё было занято ими — всё лежали наши солдатики, стонали от боли страшно. У меня мама работала санитаркой, и она их перевязывала. Бинтики стирала, меня заставляла их потом крутить в трубочки, я всё сидела, крутила. Потом слышу, говорит солдатик: «Девочка, пить!» И вот я возьму кружечку и с ложечки каждого поила, они ведь не сидели, а всё лежали. Не могу, как вспомню... Говорили, что больше украинские и белорусские солдата освобождали Кунью.

Потом мы с девочкой-соседкой пошли в деревню. У кого остались коровы, стали мы просить, чтобы нам налили молочка. Взяли небольшие солдатские котелочки и пошли. Давали нам кто кружечку молока, кто стаканчик. И мы их приносили и поили наших военных этим молочком, тоже давали им по ложечке. Потом возле нашего дома поставили военную кухню. И помню, как мне повар наложил целую чашку каши пшенной за то, что поила наших солдатиков. Я эту всю чашку каши съела, так было вкусно, что до сих пор помню этот вкус. А потом раненых забрали: грузили в товарные вагоны и отправляли на восток.

Под Великими Луками еще очень долго шли бои. Я до сих пор боюсь грозы — били, как будто гроза гремит. Гремело очень долго, а я все боялась, что немцы опять придут к нам. Но немцы больше не пришли...

Еще война была, а люди уже начали потихоньку восстанавливаться, работали, жили за счет огородов. Помню, когда началась весна, мы ходили на колхозные поля и перекапывали там, где раньше росла картошка. И эту гнилую мороженую картошку брали домой и ели. Потом уже стали восстанавливаться колхозы, работали взрослые в колхозах за трудодни, деньги не платили. Было очень тяжело...»

Из воспоминаний Горюновой Лидии Васильевны:

«...Когда освободили Кунью, в поселке стала работать школа, а в нашей деревне Тетеркино (сейчас Кресты, рядом с Куньей) был госпиталь. К нам привозили больных и раненых. Наша хата была вместительной, поэтому больных (а из Великих Лук привозили больных тифом) клали прямо на пол, а ухаживали за ними. Конечно, сыпной тиф — болезнь инфекционная, поэтому вскоре мы тоже заболели. К нашему счастью, нам повезло: медперсонал из военного госпиталя выходил и нас, гражданских...

После полного освобождения района мы, дети, помогали во всем взрослым. Нас, учеников, водили в деревню Матушкино молотить лен (эта культура очень нужная, шили одежду для армии), мы копали картошку, собирали колоски, грабили сено. Детства, как такового, у нас не было, но мы не унывали, ведь главное — тишина, мир... Уходят в прошлое те страшные годы войны, все меньше остается ее участников, но живут дети войны, ее пережившие. О них слагаются стихи...

Мы не участники войны,

В те годы не служили,

Мы были дети, и вместе со страной

Все тяготы войны той пережили.

Нам приходилось чаще жить в землянке,

Там прятаться от взрывов, артобстрела,

Спать прямо на земле, а не в кровати,

И Господа просить помочь остаться целым...

В те годы на себе познали мы сполна,

Что значат мир и тишина,

И если наступает тишина,

То счастьем всем казалась нам она.

В минуты эти спешили дети

Не играть, а взрослым в огороде помогать.

А чтобы выжить, с голоду не умереть,

Нам приходилось хвощ, мокрицу, щавель есть...

Не осуждайте строго нас,

Что говорим об этом мы сейчас:

Живущие теперь пусть понимают,

Что большего богатства не бывает,

Чем в мире жить, согласие,

Ведь в этом наше счастье...»

Из материалов районного краеведческого музея:

«... К началу февраля Куньинский район был полностью освобожден от оккупантов. В ожесточенных боях с гитлеровцами на территории района погибло около 9000 советских воинов. Их прах покоится в воинских захоронениях. Куньинца свято чтут память о них. Они также не забывают и о тысячах воинах-земляках. Храбро сражавшихся на всех фронтах Великой Отечественной войны...

Немало сил пришлось приложить жителям района, чтобы залечить раны, нанесенные войной. В неимоверно сложных условиях довелось им восстанавливать разрушенное хозяйство. Но уже в 1942-м году начали работать многие школы, возрождались колхозы и совхозы. На обожженной войной земле возрождалась жизнь...»

В ПАМЯТЬ О ГЕРОЯХ

(Из материалов исследования обучающейся МБОУ «Куньинская средняя общеобразовательная школа Колядинской Александры. Руководитель – Трофимова Л.П.)

Идет время. Всё больше лет проходит с дня победы над фашистской Германией в Великой Отечественной войне. В каждом городе и поселке России есть улицы, названные именами героев войны. Память о героях войны живет и в названиях улиц поселка Кунья. Увековечены следующие имена: Докучаев Николай Гаврилович, Егоров Федор Васильевич, Лобов Павел Федорович.

Судьбы улиц

Каждая улица является частичкой истории. В названиях улиц отражаются основные события страны, города или поселка. В нашем поселке 29 улиц и 16 переулков. В названиях некоторых из них мы можем проследить важнейшие события прошлого века. Это улицы Советская, Октябрьская, Дзержинского, Пионерская, Комсомольская, Первомайская. Некоторые улицы получили имена, отражающие род занятий людей. Например, улицы Строителей, Мелиораторов, Железнодорожная, Почтовая, Энергетиков. Улицы Больничная, Базарная, Заводская, Стадионная получили свои названия от располагавшихся рядом учреждений. Названия улиц Полевая, Дальняя, Жиботицы связаны с особенностями их расположения на территории поселка.

Героические события Великой Отечественной войны также оставили свой след в названиях улиц населенных пунктов. Имена прославившихся участников Великой Отечественной войны носят 27 улиц города Пскова, 4 улицы названы в память о воинских частях, освобождавших город, и в честь дня его освобождения. Более 200 улиц населенных пунктов Псковской области присвоены имена героев войны.

Две улицы и один переулок поселка Кунья гордо носят имена смелых, отважных людей, преданных своей Родине. По данным архивного отдела Администрации Куньинского района, 16 декабря 1983 года Исполнительным комитетом Куньинского Совета народных депутатов было принято решение об увековечивании памяти о погибших воинах, проявивших мужество и героизм в боях за Москву и Великие Луки, и переименовании улицы Набережной поселка Кунья в улицу полковника Николая Гавриловича Докучаева, а улицы Школьной - в улицу полковника Павла Федоровича Лобова. 12 марта 1999 года распоряжением Администрации Куньинского района переулок Безымянный переименован в переулок имени старшины 1 статьи Федора Васильевича Егорова, служившего на легендарной подводной лодке С-13.

Имена героев войны в названиях улиц поселка Кунья

Николай Гаврилович Докучаев

«...Пять раз мы атаки встречали по- свойски:

Огнем и свинцом из метельной завесы.

Пять раз обожглось о сибирское войско

Хваленое ихнее войско — эс-эсы...»

Ал. Сурков

Николай Гаврилович родился в 1896 году в приморском поселке Рыжково, что расположен неподалеку от Махачкалы, в семье бедняка. Несмотря на трудное детство, на батрацкую долю, вырос высоким, сильным парнем. В 1914 году во время первой мировой войны его определили в Преображенский гвардейский полк. Храбро сражался под Лозью и Варшавой. Был награжден двумя георгиевскими крестами и медалью. После ранения Докучаев попал в Смоленский госпиталь. Тут он узнал о большевиках и свержении царя. Излечившись, Николай Гаврилович снова взялся за оружие, но уже в рядах молодой Красной Армии. Стал сначала рядовым, потом командиром отделения, взвода, роты. В составе Пермской дивизии сражался на Восточном фронте против Колчака.

После гражданской войны Докучаев стал кадровым военным. В 1924 году стал первым комендантом Новосибирского гарнизона. Тогда и познакомился со своей будущей женой Евгенией Николаевной, которая работала в штабе Сибирского военного округа. Сыграли свадьбу. С тех пор жизнь Евгении Николаевны состояла из проводов, встреч и постоянного ожидания мужа. Постоянная учеба, работа над собой сделали Докучаева настоящим командиром.

Талант военачальника особенно ярко проявился у Николая Гавриловича во время службы на Дальнем Востоке, в боях у озера Хасан. Командир дивизии полковник Н.Э.Берзарин писал о нем: «Докучаев – очень достойная кандидатура на должность командира полка. В военном отношении подготовлен отлично. Настоящий большевик ленинской закалки».

В 1941 году Докучаев Н.Г. экстерном сдал экзамены в Высшей стрелковой школе в городе Уссурийск и был назначен командиром 131 стрелкового полка 78 стрелковой дивизии. Полк, которым командовал Докучаев, на всех инспекторских проверках показывал отличную выучку. В канун войны за успехи в военной подготовке, за особое командирское отличие тогдашний нарком обороны наградил Николая Гавриловича именными часами.

В октябре 1941 года 78 стрелковая дивизия отправилась с Дальнего Востока в Москву, на подступах к которой стояли армии врага. В последствии маршал Советского Союза К.К. Рокоссовский напишет: «Трудно даже сказать насколько своевременно сибиряки влились в ряды наших войск». Уже 31 декабря дивизия сосредоточилась в лесах западнее и юго-западнее города Истра. «В первой войне были другие немцы. Что сделал фашизм с людьми! Они смотрят на людей как на дичь, безжалостны к детям, женщинам... Враг очень силен, вооружен до зубов, но очень боится наших рукопашных схваток. А мы готовы биться до последнего, готовы грызть их зубами...». Так писал Докучаев своей жене осенью 1941 года.

С первого дня вступления дивизии в бой Докучаев умело руководил своим полком, отлично справлялся с поставленными задачами. Вот как характеризовал своего

подчиненного командир 78 стрелковой дивизии Афанасий Павлантьевич Белобородов: «Докучаев все замечания старшего начальника схватывает на лету. И сам себя ругнет сгоряча, и вдумчиво объяснит причины недостатков, и тут же наметит план действий, поставит задачи перед командирами и политработниками, партийной и комсомольской организациями. Сразу чувствуется: характер у него командирский. Энергия, воля, темперамент! Душу, как говорится, выложит, а полк из прорыва выведет».

Из воспоминаний бойца 131 стрелкового полка Зверкова Николая Федоровича: «Я служил в 31-м стрелковом полку связистом, хорошо знал не только многих бойцов, но и командиров, в том числе командира полка Николая Гавриловича Докучаева и комиссара полка батальонного комиссара Ивана Яковлевича Куцева. Оба они были людьми храбрыми, прямыми, заботливыми. Мы все их уважали и любили. В трудные минуты боя командир полка и комиссар всегда были рядом с нами — штаб полка постоянно располагался очень близко от передовой линии или даже на самой передовой...»

Подполковник Докучаев с успехом использовал прекрасные качества, которыми отличались воины-сибиряки. Многие из них раньше были охотниками. Он подобрал группу таких охотников, которые шли впереди наступающих и уничтожали засады немецких автоматчиков. Солдаты называли этих немцев «кукушками». Они прятались в густых кронах деревьев и доставляли много неприятностей. В боях под Москвой сибиряки-охотники, умевшие незаметно подходить к зверю, сумели справиться с «кукушками». За короткое время только подчиненные Н.Г.Докучаева уничтожили 15 гитлеровских «кукушек», трех взяли в плен.

С 22 ноября по 8 декабря 1941 года в период решающих оборонительных боев под Москвой полк под командованием Докучаева вел упорные бои с противником. Линия фронта проходила через село Ленино. В западной половине поселка были гитлеровцы, в восточной – бойцы 78 стрелковой дивизии. Нейтральная полоса составляла 50 - 70 м. Фашисты создали узел сопротивления в здании школы. Длинное каменное здание школы, имевшее большой круговой обстрел, немцы превратили в крепость. Они засели в подвале, вероятно, углубив его. В кладке фундамента были пробиты бойницы, откуда немцы вели бешеный огонь. Из этого подземелья стреляли не только пулеметчики и автоматчики: там было установлено много минометов. У школы со всех четырех сторон в землю были закопаны танки, подступы к школе заминированы. Вот как описывает те события военный корреспондент Александр Бек в книге «День командира дивизии»: «17.20. Входит подполковник Докучаев... У него удлиненное лицо, армия и война смахнули мягкость с этого лица, поставили свою печать - печать энергии и суровости. Шея забинтована. Шинель кое-где запачкана землей. Это странные пятна - кажется, будто кто-то с силой бросал в Докучаева комьями сухой, рассыпающейся глины. Брызги земли, частью размазанные, заметны и на лице. Я догадываюсь: земля была взметена миной, разорвавшейся рядом.

Поздоровавшись, Докучаев говорит:

- Очень близко вы расположились. Это нашему брату полагается так, а не вам, товарищ генерал...

Но Белобородов будто не слышит:

- Ты обедал? Людей кормил?

- Кормил....

- Сам-то ты поешь, поешь сперва...

- Неужели такие потери? - спрашивает Суханов.

- Нет, в батальонах не так много... Но пулеметчикам досталось... Все время на них немцы минометный огонь сосредоточивали. Черт их знает, эти мины... Скручивают пулеметный ствол в бараний рог!...

Он быстро проглатывает несколько ложек и произносит:

- Как меня не уколошило, черт его знает.

Никто не расспрашивает, но все ждут рассказа...

Докучаев и ест и повествует:

- Напоролись мы на эту школу. Бьет оттуда во все стороны, нет прохода... Артиллерия долбит, а огонь оттуда то ослабнет, то опять как был... Решили пустить танки. Надо идти разглядеть, что и как, чтобы танкистам задачу ставить... А он кладет, кладет по улице - разрыв на разрыве, сыплет как горохом. Пополз. Рядом сарай, ворота настежь, стоит внутри чья-то лошадь, я туда, нашел щель, присел, гляжу - оттуда школа хорошо просматривается.

...И вдруг черт его знает что произошло... Так рвануло, что... В общем, я как сидел на корточках, так и остался. Но сарая не было. Сидел в сарае, а оказался на открытом месте. Мина разорвалась в нескольких метрах от меня. Лошадь, которая тут стояла, разнесло в куски. У меня португеею оторвало, сумку оторвало, шинель в трех местах прорезало и вот тут (Докучаев показывает на горло) чуть-чуть царапнуло... Бывает же... Он пожимает плечами...»

Артиллеристы полка своим огнем уничтожили сопротивление немцев и обеспечили продвижение пехоты в сторону города Истра, тем самым сыграв значительную роль в срыве наступления эсэсовской дивизии «Рейх» на Москву.

Утром 11 декабря 258-й полк М.А. Суханова первым ворвался в город Истра с северо-востока и востока. Батальоны капитана И.Н. Романова и лейтенанта Ш.Х. Юсупова выходили к Ново-Иерусалимскому Монастырю, 40-й полк А.П. Коновалова овладел южной окраиной города, 131-й полк Н.Г. Докучаева – железнодорожной станцией Истра. На участке 131-го полка был захвачен немецкий плацдарм. Среди других трофеев 131-й полк захватил и артиллерийских коней.

В ходе победоносных боёв под Москвой 78 стрелковая дивизия была преобразована в 9 гвардейскую, а полк Докучаева Н.Г.- в 31 гвардейский. Так Николай Гаврилович стал дважды гвардейцем, получил звание полковника, был награжден орденом Красного Знамени. В наградном листе Докучаева, найденном в Центральном архиве Министерства обороны РФ (ЦАМО), говорится: «...Во всех этих решающих боях на подступах к Москве тов. Докучаев показал себя храбрым, решительным и бесстрашным командиром, неоднократно находясь на передовой линии управлял своими батальонами. В бою за Ленино тов. Докучаев был ранен, не покидая поля боя, продолжал командовать полком и к исходу дня полк выполнил задачу, выбив фашистов из Снегири, тем самым улучшив положение на фронте. С 8.12 полк вместе с частями дивизии перешел в наступление и преследовал противника...»

23 января 1942 г. 9 гвардейская стрелковая дивизия вошла в резерв командующего Западным фронтом и вскоре была переброшена на новое направление. Со 2 июля 1942 дивизия поступила в подчинение 38-й армии Юго-Западного фронта. 17 июля 1942 года дивизия передана в распоряжение [Сталинградского фронта](#) в состав 21-й армии. В сентябре находилась в составе 4-й резервной армии Резерва Ставки ВГК, в октябре в составе Московского военного округа.

Все это время Николай Гаврилович ведет переписку с женой и сыном. Это письмо пришло к Евгении Николаевне со Смоленщины: «...Ты обижаешься на меня, что редко пишу. Пойми, моя дорогая, что у меня бывают такие дни, особенно когда приходится догонять этих бандитов, что просто нет никакой возможности писать. Сейчас мы очищаем от грабь-армии твою родину. Стремимся как можно скорее, большими для врага потерями разгромить его. В этих местах еще Кутузов задавал жару таким же воякам – пусть знают, как соваться...».

А это письмо, копия которого была получена из Новосибирского государственного краеведческого музея, было написано сыну Олегу: «Дорогой мой славный мальчик! Шлю тебе привет и крепко целую. Желаю тебе здоровья и самых хороших успехов в учебе. Дорогой сыночка! Лучшим для меня будет - это твоя отличная учеба. Крепко тебя целую. Любящий тебя, твой папа»

В ноябре 1942 года 9 Гвардейская стрелковая дивизия была переброшена под город Великие Луки. Перед дивизией стояла задача: окружить и уничтожить Великолукскую группировку немцев, не допустить, чтобы фашисты перебросили войска на важнейшие участки фронта, в том числе и под Сталинград. 31 Гвардейский полк выступал на главном направлении. Командный пункт Николая Гавриловича находился на северной окраине небольшой деревни Батово, недалеко от станции Кунья, в деревенской избе. Немецкие танки вели обстрел. Один из снарядов попал в крышу дома. Докучаев Н.Г. был смертельно ранен. Из воспоминаний бывшего начальника политотдела дивизии Г.П. Сорокина: «Я в это время находился на командном пункте Докучаева, на северной окраине деревни Батово, недалеко от станции Кунья, в обыкновенной деревенской избе, в которой почему-то собралось до десятка маленьких детей. Немецкие танки вели обстрел термитными снарядами. Один из них попал в нашу крышу.

«Надо укрыться на складках местности», - решил полковник. И тут он обратил внимание на ребятешек. Сказал мне: «Гена, давай сделаем так: сначала пусть выбегают дети, а потом уже мы. А то заметят, пристреляются». В это время над нами взорвался снаряд. Дети бежали уже в лог. И последнее. Что я помню – Докучаев грузно повалился на меня. А я был контужен...»

Так погиб командир 31 гвардейского стрелкового полка Николай Гаврилович Докучаев.

Командир дивизии А.П. Белобородов вспоминает: «...Звоню комдиву Простякову (Простяков Игнатий Васильевич – командир 9 гвардейской дивизии с октября 1942 года. С этого времени А.П.Белобородов назначен командиром 5 гвардейского корпуса, в состав которого входили три дивизии, в том числе и 9-я). Он докладывает коротко: «Успеха нет. Полковник Докучаев погиб смертью храбрых». Как погиб? Не хочется этому верить. Переспрашиваю. Не укладывается в голове, что нет уже Николая Гавриловича – боевого друга, истинного удалца, горячего в деле, весёлого, размашистого. Он солдатом Преображенского полка прошёл всю первую мировую войну, красным командиром – войну гражданскую. За год Великой Отечественной отважный офицер много раз был буквально на волоске от гибели. Под Москвой рядом разорвавшаяся мина посекала его осколками полушубок, срезала ремень. Под Вязьмой гитлеровец прострелил ему шапку, но тут же был повержен наземь ударом тяжелого докучаевского кулака. На Осколе Николай Гаврилович возглавил штыковую атаку и вывел свои батальоны из окружения. Казалось, сама смерть страшилась встать ему поперек дороги. И вот...Прощай, боевой товарищ!»

Командующий калининским фронтом генерал-полковник Андрей Иванович Еременко, услышав о гибели Николая Гавриловича Докучаева, сказал: «Орел был. И смерть принял солдатскую».

Спустя некоторое время сын Николая Гавриловича Олег получил письмо от подчиненного его отца старшего сержанта И.А. Маруняка. Копия письма предоставлена Новосибирским краеведческим музеем: «Здравствуй родной, хороший мальчик Олег! Твое письмо на имя папы, Николая Гавриловича Докучаева, я долго хранил и, выбрав свободную минутку, решил сегодня ответить.

Когда ты писал письмо, то, вероятно, не знал, что произойдет с твоим любимым и дорогим папочкой. 27 ноября 1942 года в бою с немецкими захватчиками под деревней Батово Великолукского района Калининской области он героически погиб. Погиб, как верный сын Великого Советского народа. За свою Родину, за Вас, дорогие дети.

Дорого обошлась смерть твоего отца, а нашего командира для немецких фашистских мерзавцев. На том месте, где погиб твой отец, мы наложили горы трупов немцев. Общий подсчет уничтоженных немцев частью, которой командовал твой отец, больше 3-х тысяч, но это еще не все, мы за него уничтожим их десятки тысяч.

... Часть, которой командовал твой отец, продолжает громить немецких захватчиков. Пиши, Олег, нам, не теряя связь с людьми, которые любили твоего отца, как любишь ты, как его сын...»

Похоронен Николай Гаврилович Докучаев на братском захоронении поселка Кунья

Память о нем живет в сердцах благодарных потомков.

Из Государственного Ленино-Снегиревского военно-исторического музея были получены материалы об истории его создания. 9 мая 1968 года на базе Ленинской школы силами работников школы, ветеранов и местных жителей был открыт музей. Назывался он народный музей боевой и трудовой славы. Народным он назывался потому, что был открыт на добровольных началах (привлекались ветераны, которые проводили экскурсии, а также учащиеся школ, педагогического колледжа г. Истра). В создании этого музея принимала участие жена героя Докучаева Е.Н.. Также активное участие в жизни музея принимал сын Докучаева Олег Николаевич. В 1986 г. музей приобрел статус Государственного Ленино – Снегиревского военно- исторического музея и закрылся на реставрацию. Новая экспозиция была открыта 9 мая 1990 г. В 2005 году было пристроено новое здание. К сожалению, 10 сентября 2010 г. музей пережил пожар. Сгорела большая часть экспозиции. Новый музей был открыт 9 мая 2013 года. Сейчас также музей снова открыт для посетителей.

В деревне Ленино установлен памятник командиру 31 гвардейского стрелкового полка Н.Г. Докучаеву.

Материалы о боевом пути Николая Гавриловича хранятся в Новосибирском государственном краеведческом музее. Его имя занесено на монумент Славы в Новосибирске.

В Куньинском краеведческом музее создана экспозиция, посвященная герою, бережно хранятся материалы, собранные когда-то учениками Куньинской школы.

Долгое время ученики Куньинской школы поддерживали связь с женой и сыновьями Николая Гавриловича, посещали Ленино-Снегиревский музей, места, где воевал Докучаев. Его имя носили пионерские отряды. Было организовано движение за право носить имя Докучаева. У его истоков стояла учитель Петрова Ефросинья Ивановна.

Проводились пионерские сборы и комсомольские собрания, посвященные Докучаеву. Одно поколение докучаевцев сменяло другое.

По ходатайству педагогического коллектива и совета комнаты боевой славы Куньинской школы решением Исполнительного комитета Куньинского Совета народных депутатов от 16.12.83 г. № 113 улица Набережная поселка Кунья была переименована в улицу полковника Николая Гавриловича Докучаева.

Павел Федорович Лобов

«...К тебе, истомившись потянутся руки
С такой наболевшей любовью обнять.
Я снова пойду за Великие Луки,
Чтоб снова мне крестные муки принять...».

А.Тарковский «Земля»

Лобов Павел Федорович родился в 1909 году в городе Ростов-на-Дону. С 1931 года находился в рядах Советской Армии. В 1941 году окончил Военно-Политическую академию имени В.И.Ленина.

С августа по декабрь 1941 года служил в 250 стрелковой дивизии в должности военного комиссара. Имел воинское звание батальонного комиссара. Дивизия воевала на Западном фронте в Смоленской и Калининской областях. В июле 1941 года остановила немцев юго-западнее города Белый Смоленской (в настоящее время Тверской) области. В октябре 1941 года при переходе немцев в наступление на Москву дивизия с боями отходила через город Ржев и остановила фашистов у города Торжок Калининской области. В декабре 250 стрелковая дивизия участвовала в освобождении города Калинин. Затем преследовала противника в направлении города Старица. Бои были жестокими, некоторые деревни по несколько раз переходили из рук в руки. К исходу 29 декабря оборона немцев была прорвана. В ночь на 1 января город Старица был освобожден. В этом бою военный комиссар Павел Федорович Лобов был ранен и отправлен на лечение в госпиталь. За образцовое выполнение заданий командования и проявленные при этом доблесть и мужество указом Президиума Верховного Совета СССР от 12 января 1942 года П.Ф.Лобов был награжден орденом Красного Знамени. В наградном листе говорится: «Тов. Лобов с первых дней работал военкомом дивизии, сумел большевистской организацией и повседневной работой в частях сплотить их, воспитать в бойцах и командирах дух непобедимости и уверенности в победе над фашистами. Тов. Лобов во время боевых действий дивизии с политделом находился в частях. Личным примером мужества и героизма воодушевлял бойцов и командиров...»

После излечения в госпитале П.Ф.Лобов был направлен на Калининский фронт. 13 ноября 1942 года приказом 3-й ударной армии был назначен на должность командира 44-ой отдельной лыжной бригады. 44-я отдельная лыжная бригада была включена в состав воинских частей, принявших участие в Великолукской операции. В ноябре 1942 года более двух недель 44-я лыжная бригада совместно с 31-й Отдельной стрелковой бригадой на северо-западе от Великих Лук сдерживала напор немецкой 8-й танковой дивизии. Наши бойцы держались стойко, и враг в этом месте не прошел, а затем отказался от наступления на данном участке. В начале декабря бригада была придана 5-му гвардейскому стрелковому корпусу и переброшена юго-западнее от Великих Лук, заняла оборону западнее Ширипино для сдерживания войск противника. Здесь бригада вела бои до 11 декабря, а затем была отведена для отдыха и пополнения. За время нахождения в

резерве, П. Ф. Лобов подписал документы на представление к наградам бойцов и командиров.

С 22 декабря 1942 года 44-я лыжная бригада вновь на передовой.

4 января 1943 года после мощных артиллерийских ударов немецкие части пошли на прорыв к Великим Лукам. В этих жарких схватках с врагом участвовала 44-я лыжная бригада. Полковник П. Ф. Лобов умело управлял частями бригады, в решающие моменты появлялся на самых сложных и ответственных участках, неоднократно лично водил батальоны в атаку. 6 января 1943 года он погиб на боевом посту от разрыва вражеского снаряда, выпущенного из танкового орудия. Обязанности командира бригады были возложены на заместителя командира В. И. Кондрацкого.

26 января 1943 года Командующий войсками 3-й Ударной Армии, генерал-майор Галицкий в представлении к награждению Лобова Павла Федоровича, писал: «...За время Великолукской операции противник понес от 44-й лыжной бригады потери: убитыми более 2 тысяч человек и пленными 31 человек. Уничтожено 7 станковых пулеметов и 18 автомашин с грузами. Захвачено в качестве трофеев 4 танка и 22 автомашины. На фоне героической бригады сочной, колоритной фигурой выступает личность командира бригады, пламенного большевика, полковника Лобова. Он достоин награждения посмертно орденом Ленина»

П.Ф.Лобов действительно был представлен к награждению орденом Ленина. Об этом факте говорит наградной лист, имеющийся в материалах Центрального архива Министерства обороны РФ. В материалах Куньинского краеведческого музея также была найдена информация о награждении Лобова посмертно орденом Ленина. Однако, материалы ЦАМО содержат Указ Президиума Верховного Совета СССР о награждении П. Ф. Лобова был вторым орденом Красного Знамени

Похоронен в д. Харитоново, затем перезахоронен на братском захоронении поселка Кунья.

Федор Васильевич Егоров

«С-13 как рыба идет под водой,

С-13 к атаке готова всегда.

С-13 навяжет противнику бой,

И подлодку не выдаст морская вода...»

Н.Костюхина

Федор Васильевич Егоров родился 4 февраля 1920 года в деревне Сафроново Куньинского района. После окончания училища связи служил шифровальщиком в штабе бригады подводных лодок Балтийского флота. С началом войны, имея звание старшины второй статьи, получил назначение на подводную лодку С-13, которая до 31 июля 1941 года проходила ходовые испытания, а 14 августа вошла в состав Балтийского флота. 30 августа С-13 была включена в состав 1-го Дивизиона 1-й Бригады подводных лодок КБФ. Подводную лодку предполагалось перебазировать на Север, для чего в первую половину сентября С-13 прошла докование. Подводная лодка была готова к переходу, когда немцы блокировали Ленинград с суши, и С-13 осталась на Балтике. Благополучно перезимовав первую блокадную зиму в Ленинграде, в свой первый Боевой поход на позицию в Ботническом заливе С-13 вышла 2 сентября 1942 года.

Всю войну Федор Васильевич прослужил на легендарной подводной лодке. Он был высококвалифицированным специалистом, отличавшимся деловитостью, ответственностью, дисциплинированностью. Отлично знал свою специальность. Своевременно и точно расшифровывал радиogramмы, что в значительной степени помогало организации действий подводной лодки. С его помощью командир осуществлял закрытую связь с командованием бригады подводных лодок и Балтийского флота. Федор Васильевич кодировал и раскодировал секретные доклады и боевые распоряжения. Кроме своей основной работы Егоров Ф.В. выполнял и ряд других обязанностей. В боевых походах он помогал штурману корабля в подготовке карт, снятии калек маневрирования подводной лодки. Был редактором стенной краснофлотской печати. Во время походов выпускал боевые листки, что поднимало моральный дух членов экипажа.

Сослуживцы запомнили Федора Васильевича как красивого, опрятного, крепкого, немногословного человека, на которого можно положиться в любой ситуации. Его ум, спокойствие, ровное отношение к сослуживцам вызывали глубокое уважение у экипажа корабля.

В сентябре-октябре 1942 года Ф.В.Егоров участвовал в боевом походе, в котором было потоплено три транспорта противника общим водоизмещением 25000 тонн. За безупречное исполнение своих обязанностей в ходе похода приказом флота №76 от 26 октября 1942 года награжден Орденом Красной Звезды. В наградном листе говорится: «Во время боевого похода обеспечил четкую работу по раскодированию радиogramм и кодировке донесений. Помимо своих основных обязанностей нес вахту в центральном посту на записи вахтенного журнала, чем обеспечил четкость счисления маневрирования подводной лодки при потоплении 3-х транспортов противника. Самоотверженно устранял повреждения вертикального руля...»

Во втором боевом походе в октябре-ноябре 1944 года подводная лодка С-13 повредила немецкое судно «Зигфрид». За образцовое выполнение своих обязанностей, проявленные доблесть и мужество в борьбе с немецкими захватчиками в этом походе Федор Васильевич был награжден медалью Нахимова.

В третий Боевой поход С-13 отправилась 11 января 1945 года. Вечером 30 января в районе маяка Хела произошла встреча с крупным немецким лайнером «Вильгельм Густлоф». Командир лодки А.И.Маринеско дал команду: «К всплытию!». А.И.Маринеско решил атаковать противника из надводного положения и со стороны берега. Прижимаясь к берегу, С-13 легла на тот же курс, что и противник, и пошла вдогонку за лайнером. В холодную погоду и при непроглядной темноте преследование продолжалось около 2 часов. Когда расстояние между противниками сократилось, в результате мастерски проведенной торпедной атаки немецкий теплоход был потоплен.

После потопления «Вильгельма Густлофа» подводная лодка продолжала службу в Данцигской бухте. Высокая боевая активность и настойчивость в достижении поставленной цели принесли свои результаты. В ночь на 10 февраля был обнаружен еще один конвой. Выйдя в атаку, "С-13" двухторпедным залпом потопила еще один крупнотоннажный транспорт "Генерал фон Штойбен" (14 660 тонн). Вместе с ним на дно Балтийского моря отправилось около трех тысяч гитлеровских солдат и офицеров, бежавших от ударов Красной Армии.

За отличное выполнение заданий командования все члены экипажа подводной лодки были удостоены правительственных наград. 20 апреля 1945 года Указом Президиума Верховного Совета СССР подводная лодка "С-13" награждена орденом Красного Знамени. Ф.В. Егоров награжден орденом Отечественной войны 2-й степени. Вот выдержка из наградного листа Егорова: «Старшина I статьи Егоров за боевой поход

37 суток показал себя смелым, стойким, дисциплинированным старшиной. Специальность свою знает отлично...»

В последний Боевой поход С-13 вышла 20 апреля 1945 года. Выйти в атаку ни разу не удалось, сама С-13 четырежды становилась объектом нападения немецких подводных лодок и самолетов. 23 мая 1945 года подводная лодка вернулась в базу. Федор Васильевич служил на С-13 до июня 1946 года.

3 октября 1986 года в латвийском городе Лиепая был установлен памятник экипажу подводной лодки С-13 и его командиру - капитану 3 ранга Александру Ивановичу Маринеско. После вывода советских войск из суверенной Латвии разобран и перевезён в Кронштадт и заново открыт 9 мая 1995 года в день празднования 50-летия Великой Победы.

Памятник установлен на фоне гранитной стелы с 13 бронзовыми досками, на которых перечислены 48 фамилий экипажа подводной лодки С-13. На лицевой стороне надпись: «Героическому экипажу Краснознамённой ПЛ С-13, его боевому командиру Маринеско А. И.»; у основания: «От подводников БФ 1986 г.» Так имя Федора Васильевича Егорова еще при жизни было увековечено в городе морской славы российских моряков.

В послевоенные годы Ф.В.Егоров жил в п.Кунья, работал в прокуратуре, дорожно-эксплуатационном участке, Жижицком леспромхозе, ремстройучастке, межколхозной передвижной мехколонне.

Внук Федора Васильевича Дмитрий Олегович Егоров с гордостью вспоминает своего деда, рассказывает о нем как о скромном, добром, жизнерадостном, никогда не унывающим человеке. Может быть, эти качества помогли ему пройти всю войну и вместе с советским народом победить фашизм.

Умер Федор Васильевич 19 мая 1996 года. В 1999 году переулочек Безымянный поселка Кунья был переименован в переулочек Егорова. На доме, где жил Федор Васильевич Егоров по улице Новой, д.2, установлена мемориальная доска.

Мы должны сохранять память прошлых лет. Это наш долг перед солдатами, отдавшими свою жизнь за Родину, за жизнь других людей.

Улица Докучаева

Улица Лобова

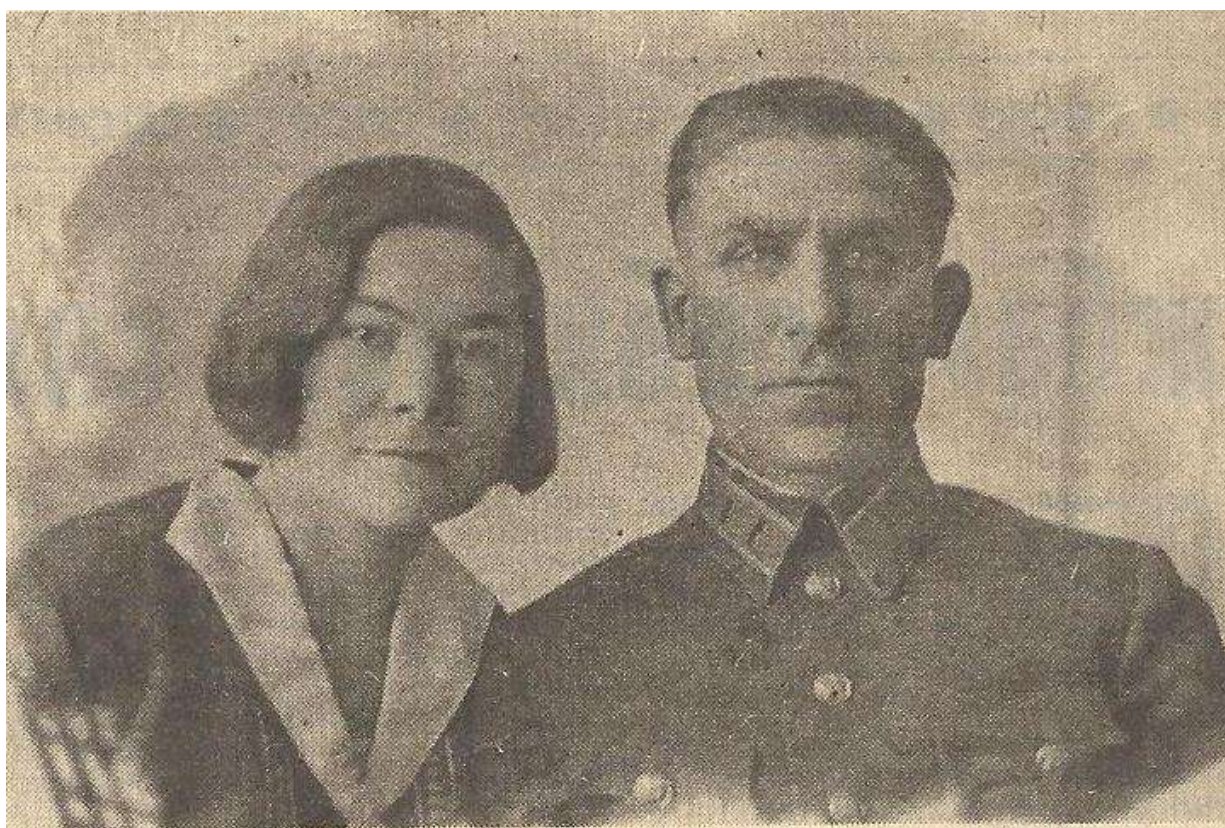

Переулок Егорова

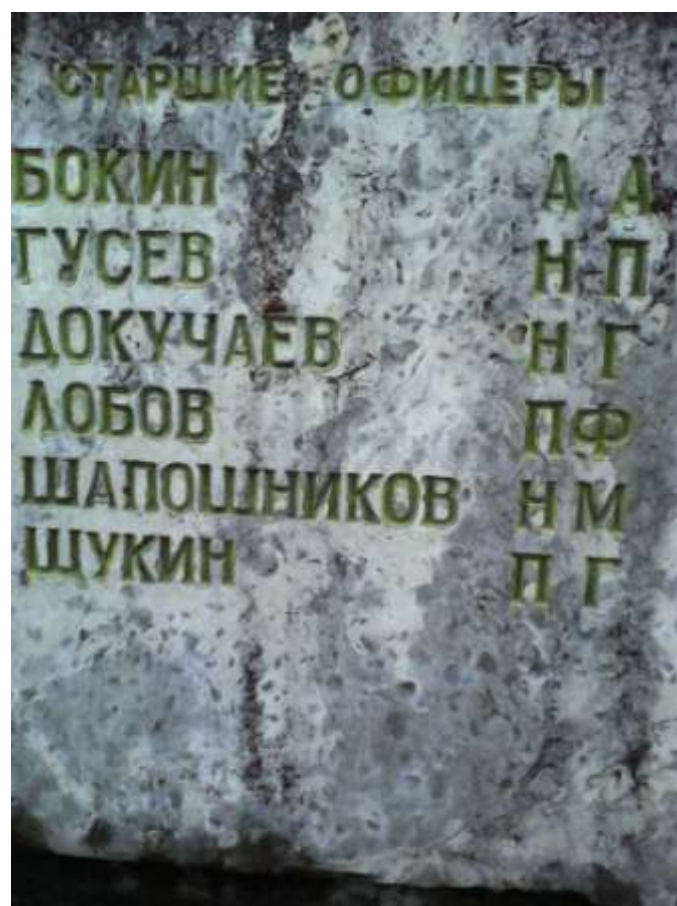

Николай Гаврилович Докучаев

Николай Гаврилович и Евгения Николаевна Докучаевы

Братское захоронение в поселке Кунья

Слева направо – Докучаева Е.Н., Антонова А.Н., Самойлов В.А., Докучаев О.Н., создатели Ленино-Снегиревского народного музея боевой и трудовой славы. У входа в музей.

Докучаев Олег Гаврилович ведет экскурсию в зале Ленино-Снегиревского народного музея. (1970 г.)

Фотографии из архива Ленино-Снегиревского военно- исторического музея

Павел Федорович Лобов

Ф.В.Егоров

Памятник экипажу подводной лодки С-13 в г.Кронштадт

Памятная доска на доме Ф.В. Егорова

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

С ВОЙНОЮ В СЕРДЦЕ

Кто они, люди «с войною в сердце»? Наверное, это каждый, кто так или иначе касался военных действий и людей, связанных с ними, кто помнит о военных событиях и считает своим долгом передавать эту память другим, кто до сих пор занимается поиском погибших и пропавших без вести и посвящает свою жизнь поисковой работе...

Память о Великой Отечественной войне живет до сих пор. Но как это было на самом деле? Что чувствовали люди, своими глазами увидевшие войну? Каковы были мысли, переживания, действия мальчишек и девчонок, проводивших на фронт своих отцов; их матерей, обезумевших от страха и душевной боли; стариков, чувствующих своей бессилие? Представить всё это очень трудно. Но попытаться стоит...

Так рождается ненависть...

(рассказ Наделко О.В.)

- Сань, а как ты думаешь, какие они – немцы? – отчего-то шепотом спросил Леша, не отрывая глаз от плавающего на воде поплавка и то и дело крепко сжимая маленькими ладонями самодельную удочку. Приятели сидели на берегу озера Ордосно, вернее, на уходящем далеко вперед полуострове, носящем причудливое название Святой Рог. Июльский день 1941-го года обещал быть жарким и солнечным – впрочем, как и все последние дни. Над головами звенели комары, привыкшие чуть ли не каждое утро видеть здесь двух четырнадцатилетних мальчишек. Правда, Леша не выглядел на свои годы: маленькое востроносенькое личико, вечно растрепанные золотистые волосенки, худенькая фигурка ещё не оперившегося подростка. Да и Санька не очень от него отличался – только ростом повыше да чуть поплечистей.

Санька вздохнул. Ну что он мог сказать своему другу, если до сих пор самому очень трудно поверить в происходящее и очень хочется надеяться, что всё это чьи-то злые шутки! Но от правды никуда не денешься. Говорят, что от Сиверста до Турное, родной Санькиной деревни, рукой подать. Тут уже хочешь-не хочешь, а будешь их ждать, и не только каждый день, но и каждую секунду. Вот и сейчас, стоило Леше про них заговорить, как за каждым кустом вдруг стали чудиться шорохи.

- Ладно, сматывай удочки, - хмуро бросил Санька. – Всё равно улова не будет.

- Это еще почему? – недовольно протянул Леша, но друга все-таки послушался – поплавок запрыгал в воздухе.

- Рыба не глупая, тоже чувствует опасность, - назидательно выговорил Санька.

Дом уже привычно гудел утренней работой. После ухода на фронт отца стало как-то пусто и неуютно, но мама будто чувствовала себя виноватой за это и все последние дни разворачивала кипучую деятельность. Санька понимал, что и ей одиноко и тяжело, но каким-то непостижимым способом ей удавалось это скрывать. Только вот надолго ли её хватит? И сколько еще продлится эта война?..

Санька бросил в сени удочку и снова выскочил за дверь. Оставаться наедине с матерью почему-то не хотелось – очень уж остро ощущается отсутствие отца. Ноги сами понесли Саньку обратно, на небольшой полуостров, где можно было посидеть в тишине и немного подумать.

Совсем скоро он уже был там. Кажется, прошел какой-то час, а всё вокруг вдруг показалось Саньке другим. Что-то произошло, это точно.

Санька прислушался. Совсем близко раздавались приглушенные звуки, кто-то двигался в его сторону, и Санька бросился на самый край Святого Рога, туда, где недавно рыбачил с Лешей. Там была небольшая ложбинка, и можно было незаметно спрятаться.

Шаги приближались. Причем шел явно не один человек – слышались звуки лошадиных копыт, скрип телег и тихие голоса. Русские голоса!

Санька нерешительно выглянул из ложбинки. Приближались солдаты с лошадьми, артиллерией и боеприпасами. Первые уже располагались недалеко от Саньки.

- Эй, малец, а ты чего тут?.. – вдруг раздался голос над самым Санькиным ухом. Санька встрепенулся и прямо над собой увидел удивленное темное лицо.

- Ры... рыбу ловлю, - слова вырвались сами собой.

- Может, угостишь, рыбак? – улыбнулось лицо. – Где улов-то?

- Потерял, - соврал быстро Санька и добавил:

- А вы откуда? Из Сиверста? Там немцы?

- Много будешь знать... - начал солдат, - дальше сам знаешь. Ты тут один? Где живешь-то?

- В Турное живу. Тут, близко, - с охотой сообщил Санька и посмотрел прямо в глаза солдату:

- Дяденька, а вы немцев видали?

Тот отвел взгляд:

- Видал. А ну шуруй домой. И из дома – ни ногой. Ясно?

- Еще бы.

- Ну и про нас...

- Конечно, я догадливый, - важно кивнул Санька.

- Ну, вперед, - сильные руки легонько подтолкнули Саньку, тот быстро оглядел всех этих людей, волею судьбы заброшенных на меленький полуостров, и стремглав полетел домой.

Через пару часов начался кошмар...

Совсем рядом с деревней раздалась пулеметная очередь. В Санькин дом влетел Леша и закричал:

- Наши немцев на мотоцикле застрелили!

Санька вскочил, чтобы бежать вслед за Лешей, но мать встала около двери:

-Куда? Не пуцу!

Её страшные глаза на белом лице заставили Саньку остановиться. А потом...

Немцы из ближних деревень оказались тут. Они стреляли по нашим солдатам, пытавшиеся пробиться через узкий коридор длиною в целый километр мимо деревни Турное к реке Кунья. Раздались взрывы, загорелись дома...

Когда Санька понял, что его дом горит, одна стена уже пылала, дым мешал дышать, и только пронзительный мамин крик вывел из непонятного состояния, охватившего Саньку.

- Сынок, беги! – снова закричала мама, и ноги сами понесли к двери, потом на улицу, почему-то к дороге и бегущим по ней людям. Вокруг засвистели пули, и Санька упал – не от боли, а от ужаса. Совсем рядом оказалось чье-то лицо, еще теплое, почти живое... Маленькая красная струйка сочилась по щеке. Санька закрыл глаза. Грохот, вскрики, недалекие стоны... И красная струйка на чужой щеке...

Санька пришел в себя от того, что кто-то его больно толкал в бок. Сквозь ресницы показалась чья-то фигура – обычный человек, такой, как все, но откуда-то пришла твердая уверенность в том, что это враг. Фашист. Страх почему-то все-таки не пришел, но зато вместо него где-то в животе стало разливаться непонятное чувство, которое жгло изнутри и пробиралось к рукам и ногам легким покалыванием. Только потом, через много лет, Санька понял, что так рождается ненависть... Встав взрослым, он уже не так отчетливо помнил, как он вместе с другими жителями деревни Турное собирал мертвых немецких солдат, отвозил их к родной деревне и смотрел на то, как наши военнопленные хоронят их под издевательства стоящих рядом немцев. Он плохо помнил, как после этого стаскивали в одну яму разлагавшиеся на жаре трупы наших солдат. Все это снилось потом по ночам, но страшнее всего было то ощущение рождавшейся ненависти к тем, кто позволял себе забирать жизни и уничтожать родной и привычный мир, не зная горя и страдания...

За что?

(рассказ Наделко О.В.)

- Фимка, бездельник, опять молчком за дверь? Сколько раз просила – говори, куда идешь! Слова из тебя не вытянешь! – мать выскочила за Фимкой в сени, наблюдая, как тот сосредоточенно обувает валенки и посильнее запахивает дедов ватник. – Ну что ты, в самом деле! – она мягко тронула сына за рукав. – Я же волнуюсь. Немцы кругом. Отряды карательные каждый день по деревням ходят – не дай бог, и в наших Ущицах со дня на день появятся. А я даже не знаю, где ты! Что, снова к Кольке, да?

- К какому ж Кольке с топором? – улыбнулся Фимка, надевая варежки и беря топорик. – В лес схожу, хворосту нарублю. Без дров же совсем! Да и вообще – не маленький я уже, четырнадцать скоро стукнет, а ты все носишься со мной как с ребенком. У меня своя голова на плечах!

- Ладно, иди уж, мужичок ты мой, – мать поправила шапку-ушанку на голове непокорного сына. – Осторожней только!

Фимка фыркнул и вышел за дверь.

Январь сорок второго выдался морозным. Пронизывающий холод не давал никому поблажек, пробирая до костей все живое и ясно показывая, кто хозяин этой зимы. Тридцатиградусные морозы никак не хотели сменяться хоть малюсенькой оттепелью и с наслаждением наблюдали за мучениями людей, не делая никакой разницы между своими и чужими, русскими и немцами. Для природы не существовало разграничений, ей было глубоко безразлично, кто прав и кто виноват, она желала одного – чтобы кончились эти бессмысленные жертвы, люди стали людьми и вспомнили о том, для чего они живут.

Фимка брел по лесу, проваливаясь в глубокий снег, машинально обрубая ветки и примечая поваленные сухие деревья. Перед глазами все стояло взволнованное лицо матери. Может, зря он так разговаривал с ней? Просто в последние полгода, после ухода на войну отца, мамина опека стала невыносимой. С одной стороны, Фимка хорошо понимал ее. Мама боялась. Боялась за папу, боялась за него, полностью потерявшись в этой войне. Жизнь в постоянном страхе делала людей мнительными, даже немного ненормальными, сводя с ума своей непредсказуемостью и витавшей повсюду опасностью. Слухи о зверствах фашистов доходили чуть ли не каждый день, особенно в последнее время. Но Фимке почему-то казалось, что его семьи это не коснется. Поэтому он тяготился надоедливой заботой матери, считал ее ненужной. Хотелось самостоятельности.

Фимка растянул на снегу веревку, наложил хворост и хорошенько перевязал его. Лицо онемело от холода, на ресницах образовался иней, мешая моргать. Руки замерзли даже в варежках, пальцы отказывались сгибаться и болели. Пошел мелкий, колючий снег. Он обжигал щеки острыми иголками, вызывая одно желание – поскорее оказаться дома.

Фимка взвалил хворост на плечи и направился к деревне. Сугробы затягивали валенки, каждый шаг давался с трудом. Фимка настолько был занят дорогой, что не сразу заметил алую кровавую полосу, которая резко выделялась на ослепительно белом фоне лежащего снега.

- Что это? – Фимка нерешительно подошел ближе. Ясно, что здесь кто-то полз, цеплялся за торчащие из земли деревья, опирался ладонями на предательскую пушистую массу, только с виду плотную и надежную. Раненый человек! Он двигался в сторону деревни, надеясь на спасение. Кто он?

Фимка сбросил с себя вязанку прямо на этот след, взялся за веревку и потащил. Ветки перепахивали снег, скрывая под собой все, что может выдать партизана. В том, что здесь действительно был партизан, Фимка почему-то не сомневался. Снежинки полетели более крупные, и теперь он радовался этому - через час новый ковер укроет лес, и никто ничего не заметит.

Показалась деревня. Кровавая полоса вела к крайнему домику, где жила тетя Галя – пожилая женщина, отправившая на войну трех своих сыновей и мужа. Если партизан попал к ней, то будет в безопасности. Только бы добрался живым!

Фимка на секунду прикрыл глаза, переводя дух. Весь этот путь страх не отпускал его – за каждым кустом мерещился лежащий раненый человек. Вдруг он не найдет в себе сил ползти дальше? Или потеряет сознание? Или...

Фимка еще не видел смерти. Только один раз он провожал гроб, в котором лежала баба Шура, и то воспоминания об этом ужасном дне стерлись, ушли, оставив после себя лишь безотчетный страх и какое-то удивление. Невозможно себе представить, как человек, любящий тебя, улыбающийся, умеющий понять и найти нужные, теплые слова, теперь просто лежит – ничего не чувствует, не слышит. Не живет...

- Ефим, ты что тут делаешь? – строгий женский голос вывел из задумчивости. Фимка открыл глаза. Рядом стояла тетя Галя – закутанная чуть ли не по самые брови, с деревянной лопатой в руках. Значит, раненый на самом деле у нее, и она вышла уничтожить следы. Фимка посмотрел в ее серьезные, понимающие глаза и прошептал:

- Живой?

- Живой, - улыбнулась тетя Галя, и взгляд ее потеплел. - Иди домой, Ефим. Холодно.

Фимка снова взвалил на себя хворост и зашагал к дому. На душе стало как-то радостно, даже захотелось петь. Снег повалил огромными хлопьями, обновляя землю, деревья, крыши домов, укутывая и маленького коренастого паренька с огромной вязанкой на плечах.

- Коль, а ты точно знаешь? – тихо спросил Санька, оглянувшись на дверь. Друзья сидели в Колькиной комнате за небольшим столом и рассматривали карту СССР из школьного учебника географии.

- Бате моему в Кунье сказали, - важно проговорил Колька. – По радио передавали. Да точно, мужики, точно. Наступают наши!

- А когда у нас будут? – Фимка от нетерпения аж приплясывал у стола. Конечно, во все это верилось с трудом. Но верилось! И с каждой минутой все больше и больше. Будем надеяться, скоро.

Колька обвел друзей взглядом и добавил:

- Как наши придут, с ними уйду. Буду гадов немецких добивать, до самого Берлина их догоню, вот увидите!

- Ничего себе! - присвистнул Санька. – Думаешь, тебя возьмут? Куда они денутся! Вот скажи, сколько мне лет дашь? Разве пятнадцать? Да я на все двадцать выгляжу! Все вон говорят!

- Да, - протянул Фимка, с завистью покосившись на спортивное, крепкое Колькино телосложение. – Тебе поверят. И чего я такой маленький? А то тоже бы в Берлин рванул!

- Ничего, подрастешь, - по-отечески утешил Колька, положив руку Фимке на плечо. – Приду, все вам расскажу.

- А если не придешь? – Санька хлюпнул носом, его глаза угрожающе заблестели. Колька придет, - уверенно возразил Фимка. Что ты, Кольку не знаешь? Он не пропадет!

- Вот-вот! Думай, Сань, когда говоришь! Только пока никому не слова, ясно? А то батя запрет где-нибудь или за каждым шагом следить начнет.

Мальчишки кивнули и снова уткнулись в карту.

- А кто это в тетя Галиной бане живет? – вдруг спросил Санька.

Колька с Фимкой переглянулись. Колька знал про партизана. Но вот говорить ли об этом Саньке? Нет, Санька не выдаст, дело не в этом. Просто он может нечаянно проболтаться – язык у него как помело, и очень часто слова опережают мысли.

- А с чего ты взял, что там кто-то живет? – осторожно поинтересовался Фимка. Я что, глухой, что ли? – надулся Санька. – Сам слышал. То кряхтит кто-то, то стонет. Не хотите говорить – и не надо!

- Ну чего ты! Обиделся сразу! – примирительно произнес Колька. – Брат к ней приехал, только по дороге в какую-то переделку попал, болеет теперь.

- А чего в бане живет? – не сдавался Санька.

- Ну чего, чего! Вдруг немцы его за партизана примут? Да мало ли что! И вообще – не наше это дело. Сами разберутся, где кому жить, – Колька встал и решительно захлопнул книгу. – Все, хватит на сегодня. Пойду воды принесу, да и вас уже, небось, мамки ищут. Завтра вечером забегайте – может, нового чего про наших узнаем.

- Конечно, узнаем! – радостно подскочил Санька. – Держитесь, фашисты проклятые! Недолго вам осталось!

- Фимка одернул разошедшегося друга, и мальчишки высыпали на улицу, схватив одежду.

- Марусь, беда! – в дом влетела Ирина, подруга Фимкиной мамы, раскрасневшаяся, обсыпанная снегом, в сбившемся набок платке. Фимка взглянул на мать. Та медленно поднялась, держа в руках полено, которое не успела положить в печку. Открытая печка возмущенно трещала, яркие красные блики отражались в начищенном до блеска полу.

- У Ленки твоей мужика убили! Немцы! Расстреляли! Ленка, кажись, не в себе – не соображает ничего! К ней тебе надо! Не ровен час, случится чего! Ребятишки малые останутся...

Мать забегала, засобиравалась. Молча, без всяких слов. Ее огромные глаза быстро оглядывали дом, изредка останавливаясь на Фимке и его шестилетней сестренке. Фимке стало страшно. Только сейчас до него дошел смысл сказанного. Дядя Витя? Его больше нет? Дядя Витя! Всего неделю назад он приходил сюда, о чем-то шептался с мамой, а потом прижал Фимкину голову к своей груди и прошептал: «Держись, Фимка! Скоро и я пойду папке твоему на помощь! Авось вдвоем справимся...» Дядя Витя... Веселый, всегда с улыбкой... Такой родной...

Фимка зажмурился. Слезы так и просились наружу. Нет, только не плакать. Маме и так тяжело. Тетя Лена – ее родная сестра, ее горе – страшное горе. Нужно держаться. Держаться, как говорил дядя Витя.

- Ефим, одевайся. Уходим, - наконец подала голос мать.

- Мам, а можно я останусь сегодня? Колька просил сено помочь перекидать – дядя Архип приболел, с кровати не встает. Я обещал, - Фимка с мольбой посмотрел на маму. Колька очень редко его о чем-то просил, да и видеть дядю Витю... Таким...-Я завтра сам приду, тут всего-то пять километров!

- Марусь, пусть остается, я завтра в вашу сторону на лошади поеду, вот и Фимку твоего захвачу. Что ему сейчас-то там делать? – Ирина поправила платок. – Пригляжу я за ним, не беспокойся.

- Хорошо, - кивнула Фимкина мама. – Только смотри, Ефим, будь осторожней. К Кольке и обратно!

Маруся окинула взглядом дом. Ей и самой не хотелось, чтобы Фимка увидел растерзанное тело дяди Вити. Пусть сначала приготовят гроб – будет не так страшно смотреть на тело любимого человека. Если, конечно, это вообще возможно – видеть смерть без страха. Без дикого, необъяснимого страха. Дикую, необъяснимую смерть...

- Фим, может, тебе лучше к тетке пойти? – предложил Колька. - Я ведь и сам справиться могу.

- Я завтра к ней, с Ириной, - Фимка взял в руки вилы. – Быстрее начнем – быстрее закончим. Слушай, я сейчас мамку твою встречал, с вещами какими-то...Куда это она? Да к леснику, одежду теплую детям собрала. Они ж почти голые ходят! Главное – и не знал никто. Кто в такое время к леснику пойдет? Из дома боятся лишний раз высунуться!

- Да, - задумчиво протянул Фимка.

Работа была в самом разгаре, когда послышался рев мотоциклов.

- Немцы? – недоуменно спросил Фимка.

- Быстро в дом! – скомандовал Колька.

С кровати, крихтя, уже подымался Архип.

- Лежи, бать! Тебе вставать нельзя, ты ж знаешь! – подскочил Колька к отцу.

- Какое уж тут... Лежать... Что им надо, иродам? Давайте-ка в подпол, от греха подальше... А я тут пока...

- Бать, ну что ты такое говоришь? – возмутился Колька. Его голос обрел властность, уверенность. Сейчас он действительно казался больше своих лет и даже старше своего отца.

- Кому сказано! – рявкнул Архип. – Живо! Пока не поздно!

Но было уже поздно...

Их выгнали на улицу – раздетых, разутых, не разбираясь, кто молод и кто стар. Тринадцать человек. Огромный мороз моментально прошелся по всему телу, пробирая внутренности, раскаленным железом обжигая незащищенную кожу. Снег сковывал ступни, заключал в страшные объятия падающих от ударов людей.

Их гнали к старой конюшне. Колька поддерживал больного отца, еле передвигавшего ноги. Если отец упадет – ему уже не дадут встать. Фимка брел рядом.

- За что? – раздался где-то совсем рядом Санькин голос, испуганный, недоумевающий, все еще не верящий. – За что?

Фимка оглянулся. Санька уже валялся в снегу, растирая по лицу красно-белую мякоть. Его удивленные, полные боли глаза уставились на черный приклад автомата. Фимка приостановился, поджидая друга. Потом схватил его за руку и потащил.

- Фим, за что? – шепотом спросил Санька. По лицу потекли слезы, прокладывая мокрые, грязные бороздки. – Мы же ничего не делали... Совсем ничего...

- Это война, Сань, - тихо проговорил Фимка и сжал ледяную ладонь друга – мальчишки, который впервые встретился с несправедливостью и насилием...

В конюшне всем приказали раздеться. Полностью. Догола. Фимка старался не смотреть на посиневшие тела, красные негибающиеся руки и страшные лица. Лица людей, идущих на смерть. Он не думал. Запрещал себе думать. Вспоминать. Представлять маму, папу, сестренку Валюшу... Он заставлял себя радоваться – тому, что сейчас их нет рядом и им не угрожает такая близкая, уже различимая смерть...

Дрожь сотрясала все тело, мешая идти. Идти голыми на мороз. На снег. Туда, где всех ждет конец. Скорей бы уж. Скорей... Чего они ждут? Зачем издеваются?

Боль пронизала плечи. Спину. Приклад снова ударил. По голове. Теперь больно везде. Снег забился в рот. В нос. А он холодный... Кажется, так даже лучше...

Волосы кто-то рванул, заставляя подняться. Фимка встал. Все равно. Пусть будет что будет. Пулемет? Да, кажется, именно так он выглядит. Интересно, кто будет стрелять. Человек? Это не может быть человек. Человек не способен на такое...

Пулеметная очередь. Страшная, невыносимая боль. Где?..

Темнота. Какие-то крики, выстрелы. Боль снова вернулась, вроде бы в плече. Глаза открылись сами собой.

Вокруг красный снег. Страшное лицо Кольки. Он смотрит? Да. В пустоту. Он не посмотрит больше никогда...

Где немцы? Фимка чуть повернул голову в сторону. Никого. Пулемет стоит, кто-то лежит рядом. Неужели того, кто стрелял, убили? Только вот кто?

Фимка тихо пополз, опираясь одной рукой. Снег пробирался везде, он не хотел помогать. Тело не слушалось, не желало двигаться, не поддавалось на Фимкины уговоры. Но все же двигалось – потихонечку, совсем медленно. И снова темнота...

- Фимочка, сынок! – плачущий мамин голос прорвался сквозь пелену. А уже почти не болит. Почти...

Фимка застонал.

- Господи, сыночек! Родной мой, сыночек! – что-то горячее капнуло на щеку, заставляя моргнуть. В глаза ударил яркий, неприятный свет. И тут же нависло мамино неузнаваемое лицо.

Как же ты нас напугал! Почти неделю в бреду, горел весь! Слава богу, вернулся...

Фимка слабо улыбнулся. Стало как-то спокойно, словно все прошедшее было сном. Он вздохнул и закрыл глаза, погружаясь в приятную дрему. Совсем скоро он поймет, что больше никогда не увидит серьезного, делового Колька, веселого болтушку Саньку, дядю Архипа и еще семерых из родной деревни. Скоро услышит невероятную историю своего спасения – про подвиг безвестного партизана, который жил в бане тети Гали и сумел убить немецкого пулеметчика, расстреливающего ни в чем не повинных людей. Немцы испугались выстрелов и никак не могли поверить, что он в одиночку пошел против них. Не могли поверить, пока не захватили баню и собственными глазами не увидели этого человека, пожертвовавшего своей жизнью ради других. Только благодаря ему Фимка и еще двое из тринадцати остались в живых.

А через много лет Фимка станет Ефимом Ивановичем и будет гордиться своими четырьмя сыновьями-спортсменами. Жизнь пойдет своим чередом, оставив далеко позади страшные годы Великой Отечественной. Но всю эту жизнь взрослеющий Фимка не сможет забыть Колькины пустые глаза и Санькин недоумевающий голос, шепчущий одно: «За что?».

ПО СЛЕДАМ ИСТОРИИ

Первые военные годы наложили тяжелый отпечаток на нашу землю. Мощное наступление немецких войск в 1941 году оставило на территории Куньинского района тысячи красноармейцев, пытавшихся ценой собственной жизни остановить врага. Деревня Хлебаниха, Молодиловский лес до сих пор помнят подвиги неизвестных им людей, сражавшихся за каждый холм, прикрывавших переправу через реку своих однополчан. И освобождение района от оккупации далось с огромным трудом и многочисленными жертвами.

Многие из этих героев и сейчас безымянны. Они лежат в наших полях и лесах и ищут успокоение. Возвратить им этот душевный покой – задача работы поисковых отрядов, ведь именно в их силах вернуть человеку имя и похоронить его по-человечески...

Данная глава посвящена памяти поисковика, командира поисковых отрядов, руководителя псковской региональной военно-патриотической общественной организации «Велес», Главы Куньинского района 2014-2016 гг. Андрея Анатольевича Белугина. Можно с уверенностью сказать, что всю свою жизнь он шёл по следам истории.

Первые шаги поисковиков

(Из материалов исследования обучающейся МБОУ «Куньинская средняя общеобразовательная школа Наделко Ульяны. Руководитель – Трофимова Л.П.)

Поисковая работа официально началась на территории Куньинского района в конце 1990-х годов. Но она велась и ранее. В послевоенные годы местные жители исследовали окопы и землянки, берега рек, болота в целях обезопасить себя и своих детей от сохранившегося оружия и снарядов. Многие патроны, каски немецких и русских солдат были переданы ими в местные музеи. Долгие годы ухаживали за могилами неизвестных русских солдат и передавали своим детям и внукам рассказы о том, как они появлялись. О перезахоронениях долгие годы не говорили и не предлагали их делать. Массовые перезахоронения на нашей земле начинаются в конце 1990-х - начале 2000-х годов с появлением официальных поисковых отрядов. Их деятельности посвящена данная глава. Именно благодаря им были найдены, перезахоронены и отпеты священнослужителями более 500 погибших на территории Куньинского района красноармейцев – они «упокоились с миром».

Об истоках поисковой работы в районе рассказал Андрей Анатольевич Белугин:

«Поисковая работа в нашем районе велась давно. В 60-х годах при Ущицкой средней школе была создана группа «Поиск», возглавляемая учителем Лешиним Иваном Ивановичем. Школьники, в том числе и я, под его руководством занимались поисковой деятельностью – общались с ветеранами Великой Отечественной войны, записывали переданную ими информацию, создавали исследовательские работы, брали шефство над братскими захоронениями, изучали близлежащие территории, находя землянки, окопы, траншеи. В 1975 году Иван Иванович основал музей боевой славы в Ущицкой школе, посвященный 31-й отдельной курсантской стрелковой бригаде, освобождавшей наш район. В эту бригаду входили курсанты военных училищ Московской области, будущие офицеры, которые с середины декабря 1941 года были переброшены на фронт...»

О патриотической работе в послевоенное время вспоминает Вербицкий Владимир Павлович, житель д. Слепнево, учитель Слепневской основной школы в 1977-2008 годах, поисковик:

«В 1977 году, после службы в рядах Военно-морского флота, я начал работать в Слепневской восьмилетней школе. Помню, директор школы Пократьев Владимир Дмитриевич как-то позвал меня и сказал: «Нас, мужиков, в школе только двое, и нам нужно вести в первую очередь с мальчишками вести воспитательную работу по формированию мужских качеств – готовить их к службе в армии и прививать любовь к труду. Нам нужно создать в Ленинской комнате музейный уголок – собрать то, что и так уже накопилось у местного населения и особенно у детей – предметов войны». Я с ним был согласен, так как после войны прошло 32 года, и я сам совсем недавно, в подростковом возрасте, играл с этими предметами войны, а ведь они были очень опасными. Да и в жилах всего нашего поколения текла «военная кровь» - все мы были детьми войны, многие из нас потеряли своих родных и близких в то время. Мой отец в 1939 году был призван в ряды Красной Армии, и в том же году отражал нападение японцев на Халкин Голе, был дважды ранен и демобилизован. В 1941 году наши отступали так стремительно, что никого не успели мобилизовать (Украина, район сейчас вошел в Чернобыльскую зону, граница с Белоруссией). Во время войны выполнял отдельные задания партизан. После освобождения этой территории был мобилизован и призван во Вторую Украинскую армию, освобождал Будапешт. Был награжден орденами Славы второй и третьей степени и медалями. Войну закончил старшиной роты автоматчиков. Был ранен в руку.

Так что мне данное задание было очень близко по духу. Скоро в нашей школе появился музейный уголок. К нам несколько раз по нашей просьбе приезжали из военкомата и забирали принесенные детьми гранаты. Нашли ребята и склад со снарядами калибра 120 мм в Морозах. Мы вызвали представителей военкомата, но приехала из Пскова спецмашина с саперами и на месте всё взорвали. Оказались снаряды дымовые.

Кроме работы в музее, мы ходили в походы по местам боевой славы: траншеи, окопы, блиндажи, землянки были пройдены нами. В наших окрестностях в 1941 году была окружена часть 186 Стрелковой дивизии Западного фронта 22 Армии и вышла из окружения поздней осенью (наши отступили от Великих Лук 22 августа). Поэтому таких мест было очень много.

Еще мы узнавали о могилах наших бойцов и братских захоронениях и ухаживали за ними, помогали старикам, проводили встречи с ветеранами, описывали их боевой путь, искали фотографии, газеты и письма той поры. В то время приходили письма от родственников павших в наших окрестностях бойцов. И вот однажды, начале 90-х, пришло письмо из Франции в деревню Людкино Орлову Максиму. Конечно, Максим уже там не жил, а его мать давно умерла. В сельском совете письмо пролежало три месяца, и его отдали нам. Адрес был написан по-русски, а текст – по-французски. Перевели. Оказалось, что Максима разыскивает его бывшая любовь из Франции. В августе 1942 года наш самолет, где Максим был стрелком, был подбит над Францией, и Максим оказался в плену и сидел в тюрьме. Условия содержания заключенных были интересные: их иногда выпускали в город. Там он и встретил эту девушку (фамилию не помню). После 1945 года Максима отправили в СССР. Она просила его дать весточку о себе – как живет и т.д. О себе написала, что после войны вышла замуж, есть дети, но муж недавно умер, и она захотела узнать хоть что-то о Максиме. В Людкино осталась одна семья, Лебедевых, и Антонина Александровна сказала, что хорошо знает Максима и он после войны часто сюда приезжал. Дала его адрес. По этому адресу мы написали письмо. Ответила его дочь. Рассказала о том, что отец после войны отсидел 10 лет за Астраханью за измену Родине, работал на заводе сантехником, там же и встретил маму. У них родилось двое детей – дочь и сын. После колонии поселились в Астрахани, получили квартиру, где и проживает она. Родители умерли. Прислала фотографии. Мы сняли с них копии и отправили во Францию, а сами фотографии с письмами через некоторое время отдали в Кунью заведующей

музеем Плакиной Г.П. Вскоре из Франции пришел ответ: она очень благодарила нас за письмо и приглашала в гости. Но какие там гости – на дворе был 1992 год...

В девяностые годы по всей России распространяются отряды «Поиск», которые занимаются поисковой работой. Я тоже решил заняться этой деятельностью. К этому времени у меня был уже собран достаточно большой материал о боях в 1941 году в Куньинском районе. Дело в том, что это была для войны белая страница – об отступлениях, боях и потерях тогда мало кто писал, это было своеобразное «табу», так сказать, позорные страницы. Но люди-то гибли, и в каком количестве! Когда председатель сельсовета Тимошенко Иван Иванович поднял вопрос об Авинцевском захоронении, ему ответили, что все захоронены, а кто не был перезахоронен в 1965 году – в честь 20-летия Победы, то это могилы фашистов или их пособников. Такое отношение к погибшим ребятам было очень горьким, и только через 15-20 лет оно стало постепенно меняться.

Примерно в 1990-м году мы решили найти самолет – это был бы хороший показатель для района. По моим данным, возле д. Кретивля, у Быкова Рога, в 1942 году, зимой на лед сел подбитый немцами самолет, бомбардировщик (это был очень большой самолет). Летчики после аварийной посадки пошли лесами в сторону Великих Лук, которые были оккупированы немцами. Через двое суток четверо летчиков, один из которых был ранен, были взяты немцами в плен. Их самолет охраняли немецкие истребители, так как местные жители сливали керосин, таскали «бомбочки» и т.д. Фашистские истребители обстреливали всех, кто подходил к нему. Так, зимой 42-го была убита жительница д. Кретивля, а весной на «бомбочках» подорвались два пацана. Весной 1943-го самолет после таяния снега затонул. На обнаружение самолета я пригласил Федорова Сашу из Курилова, моего бывшего ученика, и мы на Т-16 поехали в Кретивлю. Там нашли местного жителя, который свел нас на Бычий полуостров и показал то место, где был самолет. Но он сказал, что после войны, когда была норма сдачи металлолома, рабочие Кретивлянского лесничества (из Нового Поселка) при помощи двух тракторов и тросов его разорвали и частично вытащили. Наши поиски на этом прекратились...»

По информации краеведческого музея Куньинского района, в 1999 году был создан официальный поисковый отряд под тем же названием – «Поиск». Его руководителем стал учитель истории Ущицкой школы Андрей Анатольевич Белугин. В том же году группа «Поиск» вошла в ПО ВППО «След «Пантеры» и смогла официально совершать перезахоронения наших бойцов. Первым бойцом, который был обнаружен поисковым отрядом, стал Новиков Николай Петрович, 1906 года рождения, москвич, рожденный на хуторе Первый воин. Его останки были обнаружены в д. Никольское Белугиным А.А., Лебедевым С.Е., Ладневым В.А., Граненковым О.П. Место захоронения указала местная жительница. Медальон до сих пор хранится в музее Ущицкой школы. Останки Новикова Н.П. сейчас покоятся в воинском захоронении п. Кунья. С 2005 года командиром отряда «Поиск» стал Алексей Сергеевич Рожков.

1999 год стал также датой появления военно-патриотического клуба «Велес» при Ущицкой средней школе. В 2001 году была официально зарегистрирована псковская региональная военно-патриотическая общественная организация «Велес» под руководством Белугина А.А., которая стала учредителем поискового отряда «Велес» и следопытского отряда школьников «Велес», организующего свою работу при музее «Боевой Славы» Ущицкой школы. 13 октября 2005 года организация «Велес» вошла в состав Псковской областной военно-патриотической поисковой общественной организации «След «Пантеры». В период с 2001 по 2016 год, за 15 лет работы, поисковым отрядом самостоятельно и в составе поисковых экспедиций ПО ВППО «След «Пантеры» обнаружены и перезахоронены останки более 500 воинов Красной Армии, отдавших свою жизнь на территории нашей области в годы Великой Отечественной войны, установлено

более 20 имён павших, у 13 найдены родственники, с которыми поддерживается связь. В 2016 году организации «Велес» исполняется 15 лет со дня основания.

Таким образом, с 2001 года в Куньинском районе официально действуют два поисковых отряда – «Поиск» и «Велес». На сегодняшний день осуществляет свою деятельность только второй из них.

С момента своего появления поисковый отряд «Велес» начинает плодотворную деятельность. Происходит второе официальное перезахоронение останков погибших воинов на территории Куньинского района. Его результатом стало открытие воинского захоронения в д. Слепнево.

Из воспоминаний Вербицкого В.П., участника перезахоронения останков воинов Красной Армии в д. Слепнево:

«...В начале 2000-х годов появился поисковый отряд «Велес» под руководством Белугина Андрея Анатольевича. Он организовал жителей деревни Ущицы, а потом и школьников. Весной 2000 года он приехал ко мне и просил рассказать о неофициальных братских могилах, чтобы сделать перезахоронение останков из них. Я ему показал по карте, что и где находится. Мы решили начать раскопки в деревне Авинцы, где в урочище Клопцы находилось одно захоронение. Я на этом месте был давно, и сам показать могилу не мог. Провели опрос местных жителей. Первый дом был Настя (фамилию не помню). Она сказала, что ничего не помнит – было давно. Второй дом был Григорьевой Марии, в то время ей было больше 70 лет, она слабо видела. Сказала так: «Сынки, большое спасибо за вашу работу. Мы сейчас на могилу не ходим, старые стали, да и осталось нас всего две старушки, а так после войны на все праздники – 9 Мая, Пасха, поминальные дни – всегда всем селом ходили в Клопцы на поминки. У нас у всех кто-то погиб на фронте. А может и мой дядя или кого сынок лежит в этой могилке. Помню бой. В августе 1941 года. Мы все, девчонки и мальчишки, и Настя была с нами – ей было лет семнадцать, ходили кормить наших солдат-разведчиков возле дороги Слепнево-Авинцы, у самой деревни, где они были в дозоре. Когда мы вышли из кустов на дорогу, нас обогнали немцы на мотоциклах. А у нас у каждого в платке горшочки пустые, бутылки из-под молока. Они нас остановили. Маленьких отправили домой, а кто побольше – окружили. Вопрос один: куда ходили, кого кормили? Все молчат. Оставили одну Настю, остальных в сторону. Стали ей очень сильно грозить, хотели надругаться над ней. А в то время для девчонки это позор – замуж никто не возьмет, ворота дегтем измажут и т.д. И Настя сказала. Немцы в тот день положили 20 человек из тридцати...»

Мы нашли эту могилу. Установили старшину роты Шумилина Василия Павловича (очень высокий, крупный человек, от него остались сапоги 45-го размера), девушку-санинструктора Свинцову Аню (нашли ее зеркальце, пудреницу, женскую расческу) и других ребят – всего 17 человек. Перезахоронение провели в д. Слепнево, по-человечески, со священником. А через год я узнал, что Настя, та старушка, дом которой был первым в д. Авинцы и которую фашисты вынудили предать наших солдат в молодые 17 лет, не смогла пережить своих воспоминаний и умерла. Видно, всю жизнь, до самого конца очень переживала о содеянном...»

Таким стало одно из первых перезахоронений поисковиков отряда «Велес». Воинское захоронение открыли в д. Слепнево. После его открытия и перезахоронения в него останков 17 красноармейцев из д. Авинцы оно стало пополняться. Велись раскопки в д. Людкино, Боровинка, в окрестностях Молодиловского леса (под д. Хрущели). Через эти территории в июле-августе 1941 года проходило наступление немецких войск. Из изученных поисковиками архивов следует, что под д. Слепнево и соседними к ней деревнями находятся останки воинов 22 Ударной Армии, которая была сформирована 14

июня 1941 года в городах Свердловск и Челябинск и после окружения под Витебском вышла, прорываясь, на рубеж Великие Луки – озеро Двинье. Здесь остатки армии были практически полностью уничтожены фашистами.

Под д. Хрущели, в Молодиловском лесу, бои были очень тяжелыми. Очевидец событий Сбойнов Владимир Тихонович рассказывал Вербицкому Владимиру Павловичу следующее:

«В то время я был мальчишкой, наша семья жила в Вязовиках. Наш хутор называли глухим, так как и мой отец, и наш сосед были глухими. Рядом находится Новая деревня, недалеко – река Кунья, с левой стороны примерно в одном километре от нас – Молодиловский лес.

В июле месяце наши войска шли с Хрущелей мимо нас через мост реки Кунья в сторону Встеселова. Перешли мост и вдруг начали окапываться. Окопов было очень много, они тянулись километров на пять вдоль реки Кунья. Мы мальчишками пошли играть к солдатам. Я даже подошел к начальникам (они в бинокль смотрели), попросил посмотреть - дали.

В тот же день наш сосед ходил в деревню Хрущели, а когда вернулся, сказал, что там появились немцы на мотоциклах. Майор послал нас, двух мальчишек, в Хрущели, но старшая сестра нас догнала и отправила домой.

К вечеру были уже немцы. Немцы одели женские платки, положили грабли на плечо и в таком виде подошли к реке на 200-300 метров. Наши не сразу поняли, что перед ними немцы, а когда все-таки их распознали, было уже поздно - немцы окопались. Начался бой. Стреляли наши с пушки из Молодиловского леса, немцы - из Хрущелей. Никто не мог подумать, что в такой глуши будет настоящая война. Наши два солдата с пулеметом залезли на наш чердак, возле нас на холме тоже стоял пулемет, а также в Новой деревне. Везде были окопы. Мы прятались в колодце вместе с другими семьями. Днем сидели, ночью выходили поесть. И каждый день слышались стрельбы и крики «Ура!», когда наши шли в атаку. Так продолжалось недели две. Потом пришли немцы, и наши отступили в Молодиловский лес. Немцы через лес не пошли, а обошли его слева вдоль речки, по Балычам – Малюткино – Секутьево, и справа Хрущелей через Шарапovo – Слепнево – Секутьево. Наши войска оказались в петле 5 на 5 километров.

Нас немцы отправили на выселки. Долго шли бои у нас – немцы пытались выбить из леса наши войска. Уже осенью мы пришли домой, а дома нет, одни головешки. Из трех деревень осталась одна изба в Вязовиках на берегу речки. В ней и остановилось несколько семей, остальные разошлись по миру.

Когда мы шли домой, бои окончились, немцы на машинах увозили наших пленных. Около мостика через речку лежали две большие кучи – с винтовками без затворов и с противогазами. Все поле около моста было усеяно нашими солдатами. Их были сотни, шел запах, тела на жаре распухли. У кого застегнут воротничок – шея вылезла как тесто. Лица поклеваны птицами.

У немцев тоже были трупы, их возили машинами в Сиверст – большое поле все усеяно крестами. Потом мы, жители деревень, хоронили наших солдат в ближайших окопах и воронках от бомб по 3-4 человека. И то захоронили не всех».

Из статьи «Последний долг павшим», опубликованной в 2003 году в газете «Пламя»: «11 декабря в д. Слепнево состоялось торжественное перезахоронение останков воинов, погибших в годы Великой Отечественной войны, которые были обнаружены близ деревни Хрущели нашими поисковиками и ребятами из Удмурдской республиканской общественной организации «Долг»... (Проведенная поисковиками идентификация

останков погибших позволила установить, что в этих местах также находятся бойцы 98-й дивизии, сформированной в Удмурдии. Была налажена связь с поисковым отрядом «Долг» из Удмурдии) «...Два воина были найдены у дороги. Один – со снаряжением снайпера, второй, по утверждению местных жителей, был интендантом, перевозившим продукты для солдат. Останки третьего бойца нашли на краю поля. Видимо, он погиб во время атаки...»

В 2004 году Куньинский район вновь посетил поисковой отряд из Удмурдии «Долг», который вел раскопки по местам боев 98-й стрелковой дивизии. По словам его руководителя Ф.Ф.Ибрагимова, состав дивизии насчитывал 10 000 человек. Вернулось домой лишь 1200 красноармейцев. Наш район стал последним рубежом, куда вышло подразделение, вырываясь из окружения. В этом году под Дрегом удалось поднять останки 3-х солдат, некоторые личные вещи и даже небольшую иконку.

В 2005 году в газете «Пламя» была опубликована статья под названием «Нет срока у памяти». В ней описывалась следующая история: летом 1941 года счетовод колхоза «1 Мая» д. Юркино Сиверского сельсовета Клавдия Григорьевна Балакирева обнаружила свежую солдатскую могилу. На кресте висела каска, под ней – имя, фамилия погибшего бойца, адрес родных. Федор Никитьевич Галочкин воевал в составе 22 Красной Армии. После освобождения района от оккупации Клавдия Григорьевна написала письмо отцу солдата в Куйбышевскую область. Через 60 лет после окончания войны, 6 сентября 2005 года, сын солдата и его внук приехали на могилу своего отца и деда. Данные о Молодиловском лесе они нашли через Интернет и вышли на командира поискового отряда А.А.Белугина, который их сопровождал на захоронение. Найти могилу оказалось непросто, т.к. деревни с названием Машково, указанным Клавдией Григорьевной, уже не существовало. После проведенной работы с местными жителями удалось обнаружить место, похожее на старое захоронение, осколки снарядов и ворох советских винтовочных патронов...

В 2006 году в д. Слепнево состоялось перезахоронение 9-ти красноармейцев, обнаруженных в середине лета отрядом «Поиск». Инициатива перезахоронения происходила от его командира Рожкова А.А. Мероприятие сопровождалось служением панихиды по убиенным на поле брани и закончилось воинскими почестями - троекратным салютом.

За 15 лет существования воинского захоронения в д. Слепнево были перезахоронены останки 132 человек, 18 из них на данный момент установлено. Есть в этой могиле останки одного неизвестного бойца, о котором рассказывают такую историю.

Из воспоминаний Вербицкого В.П.: «Об этом герое говорили жители деревни Хомушино. В 1941 году фашисты их согнали под Хомушино, около 300 метров за деревню. Там немцы стояли строем вокруг ямы, а рядом с ней лежал убитый русский солдат. Немецкий офицер стал говорить о том, как нужно сражаться на войне, что этот человек герой, и показывал на солдата-пулеметчика. Его похоронили, а немцы дали в его честь залп. Мы с Белугиным А.А. нашли эту могилу. Ее с трудом показали местные жители. Когда-то, пока существовала Потеплинская школа, за ней был уход, а теперь остались только сгнивший памятник, часть скамейки и ограды, все заросло диким лесом. Раскопали могилку и нашли медальон. Волнуемся. Опустили его в воду, развинтили. Достали записку и сразу поместили между двух стекол, стекла закрепили резинками. Достали. Пусто! Побоялся боец-герой заполнить записку медальона. Останки его перезахоронили с почестями на братском захоронении в д. Слепнево...»

Таким образом, благодаря работе поисковых отрядов Куньинского района в воинском захоронении д. Слепнево нашли упокоение 132 воина Красной Армии, погибших в 1941 году на нашей территории.

Успехи поисковой работы

На территории Ущицкой (ныне Куньинской) волости велись ожесточенные бои во время освобождения Куньинского района от оккупации немецкими войсками. Особенно тяжелым был «Корниловский бой», в котором участвовали 257 стрелковая дивизия и 31 Отдельная курсантская стрелковая бригада, сформированная 27 октября 1941 года в г. Красные Баки Горьковской области. Информация из статьи «По следам погибшей бригады» журнала Псковского областного поискового движения «След «Пантеры», подготовленной следопытской группой музея боевой славы Ущицкой средней школы: «Первыми бойцами и костяком отряда бригады стали курсанты Рязанского, Московского, Арзамасского и других военных училищ. 11 января бригада начала боевые действия в районе озера Селигер на левом фланге 3-й Ударной Армии. За 18 дней при 25-35 градусных морозах, по бездорожью и глубокому снегу, в метели и пургу, полуголодные (обозы отстали на 50-70 километров), зачастую питаюсь кониной, преодолевая отдельные сопротивления противника, бригада прошла на запад свыше 300 километров, освободив до 300 населенных пунктов. В ночь с 28 на 29 января бригада вышла к населенным пунктам Петелино, Борок, Пески. Начался встречный бой. За ночь станция Кунья была очищена от немцев. 29 января прибывший из Дании 323 гренадерский полк (опытные убийцы) получил задачу возвратить станцию Кунья. Фашисты двигались по дороге Великие Луки – Кунья. Когда полк достиг д. Красная Вешня, начался огневой бой с основными силами 31-го ОКСБ и партизанами. Немцы приняли решение отступить к д. Ущицы. В деревне гитлеровцы устроили расправу над мирным населением: 13 стариков и подростков приговорили к расстрелу за содействие партизанам. Командир бригады, полковник Горбунов, отдает приказ 2-му батальону (около 600 красноармейцев) выйти к д. Корнилово, занять оборону и не пропустить фашистов обратно в Великие Луки. Батальон выполнил задачу. Состоялось три попытки прорыва немецких войск. В этом бою курсанты показали исключительную храбрость, многие раненые бойцы оставались в строю и не ушли с поля боя до его окончания. Во время последней, третьей, попытки прорыва немцев около 5 часов утра 31 января 1942 года боеспособные остатки фашистов ворвались в д. Корнилово, начался рукопашный бой. Сквозь ряды сражавшихся двигался немецкий броневомобиль, поливая пулеметным огнем красноармейцев. Враг был остановлен метким броской ручной гранаты. С рассветом бой утих. В ходе боя 800 гитлеровцев оказались убитыми, более 400 было ранено, 134 немецких солдата взято в плен. Огромную цену заплатили и бойцы бригады: 960 человек убитыми и ранеными (из 1800)..» Этот бой впоследствии назвали «Корниловским».

После освобождения района от немецких войск на этой территории находились прифронтовые госпитали, в которые поступали раненые из-под Великих Лук. О количестве похороненных солдат говорят списки воинских захоронений: в д. Ущицы – 783 человека (преимущественно погибли в 1941-1943 годы), в д. Жегалово – 2000 красноармейцев (1943-1944гг.); в д. Скальково – 10 человек (все неизвестны).

В Ущицкой (ныне Куньинской) волости поисковым отрядом «Велес» на протяжении всей его деятельности ведутся поиски останков бойцов, погибших в первые годы Великой Отечественной войны. Уже в 2001 году в д. Ущицы состоялось перезахоронение останков 8 бойцов, обнаруженных в ходе поисковой операции на местах боев; трое из них установлены: Кулаков Степан Ефремович, Яйцов Федор Яковлевич, Красов Василий Михайлович из Вологодской области. В районной газете «Пламя» регулярно появляются статьи о работе отряда на данной территории. В одной из них - «По местам боевой славы» (май 2004 года) - рассказывается о найденных в урочище Ватолино, на краю д. Ущицы, останков, оружия и личных вещей неизвестного солдата, записка из «смертного» медальона которого совершенно истлела. В другой – «Поиск павших продолжается» (май 2005 года) описывается перезахоронение останков 6 воинов Красной

Армии, обнаруженных осенью 2004г., которое состоялось 9 мая 2005 года. О том, что работа на данной территории ведется постоянно, говорят и последние перезахоронения поискового отряда. 22 июня 2003 года состоялось перезахоронение в д. Ущицы, во время которого были преданы земле 13 бойцов, из них 2 офицера. Вот выдержка из статьи районной газеты «Пламя» от 6 ноября 2013 года: «6 ноября в д.Ущицы состоялось захоронение останков воинов, погибших в годы Великой Отечественной войны. Бойцы найдены в течение всего поискового сезона 2013 года псковской региональной патриотической организации «Велес». Как рассказал ее руководитель Андрей Белугин, останки обнаружены на территории Куньинского района, в основном – Ущицкой волости, недалеко от деревни Лукино. К сожалению, имена павших восстановить не удалось... «Ко мне часто подходят люди старшего поколения, которые передают слова благодарности всем поисковикам», - рассказал А.А. Белугин. - «Для наших ребят это не только испытание на ответственность за начатое дело, умение жить в нелегких полевых условиях, действовать слаженно, но и возможность внести посильный вклад в сохранение исторической памяти. Памяти о тех бойцах, которые отдали ради нас самое дорогое, что у них было – свои жизни. Увековечивание памяти о павших солдатах – наш человеческий и гражданский долг!» Перед погребением останков настоятель храма д.Лукино священник Василий Полежаев совершил заупокойную литию».

Поисковая работа отрядом «Велес» велась и на территории бывшей Боталовской волости. Интересно одно из событий жизни отряда, произошедшее в последние годы. В 2014 году была установлена личность одного красноармейца. Из статьи «Поисковики отряда «Велес» вернули имя еще одному защитнику Родины», опубликованной в районной газете «Пламя» 18 декабря 2014 стало известно следующее: «1 ноября в районе деревни Обжино поисковый отряд Куньинского района «Велес» (командир Виктор Аверьянов) проводил разведку мест боевых действий времен Великой Отечественной войны с целью поиска останков погибших бойцов. Во время поисковой работы членам отряда удалось поднять останки четырех советских солдат, а также 3 медальона, один из которых оказался читаемым. Обнаружил эту бесценную находку Дмитрий Изотенков – директор МУП «Коммунсервис» и поисковик с большим стажем. Располагая сведениями, хранившимися в медальоне более 70 лет, участники отряда «Велес» написали запрос в Московский военкомат, в котором просили разыскать родственников погибшего красноармейца. Спустя две недели в ответ пришло письмо о том, что по указанному адресу родственники Подгорнова Николая Яковлевича (так звали погибшего солдата) не проживают, но ведутся их активные поиски. Через некоторое время усилия поисковиков увенчались успехом: на адрес отряда пришло новое сообщение о том, что удалось найти дочь и внука погибшего бойца. «Во время ВОВ семья находилась в эвакуации в Горьковской области. Все прошедшие годы родные Подгорнова Н.Я. ничего не знали о его судьбе. И только благодаря вам, через 70 с лишним лет дочь узнала о месте гибели отца», - говорится, в частности, в письме. Останки красноармейца Подгорнова вместе с останками других солдат, так и оставшихся неизвестными, будут перезахоронены весной, в преддверии Дня Победы».

В 2015 году останки Подгорнова Н.Я. были переданы в Москву и там с почестями перезахоронены. О данном событии на страничке поисковиков «ВКонтакте» написано следующее: «Сегодня, 21.09.2015 останки красноармейца Н.Я.Подгорнова наконец-то были захоронены на семейном участке на Миусском кладбище Москвы. Захоронение было торжественным - с почётным караулом, с исполнением гимна, с представителями военкомата, местных властей и прессы. За последние дни и мне, и уважаемому Андрею Анатольевичу Мурылёву (активному помощнику отряда «Велес», работающему с архивами Министерства обороны в г. Москва) удалось несколько раз переговорить по этому поводу по телефону с дочкой воина, Валентиной Николаевной. Сегодня вечером, в очередном разговоре со мной она

несколько раз повторила - "Я счастлива!". Зная, сколько мытарств ей пришлось пройти на пути к официальному захоронению её отца.., я понимаю её уже по одному только этому... Конечно, она счастлива и тому - главное! - что её отец и мать лежат теперь рядом...» С уважением - К.Б.Стрельбицкий»

Таким образом поисковой организацией «Велес» было возвращено имя одному из находящихся на нашей земле солдат.

С 2012 года поисковым отрядом «Велес» совместно с поисковым отрядом «Пограничник» города Первоуральск Свердловской области и военно-поисковым отрядом «Кречет» (г. Тюмень) велись поисковые работы на правом берегу реки Западная Двина на окраине деревни Хлебаниха. С 10 по 18 августа 1941 года здесь шли ожесточенные бои: натиск фашистов сдерживали бойцы 924 и 932 стрелковых полков 252 стрелковой дивизии 29 Армии. 924-й стрелковый полк прикрывал переход через реку Двинка 252-й стрелковой дивизии. За несколько дней под Хлебанихой погибло более 300 красноармейцев. После войны во время разработки полей здесь стали находить человеческие останки. Местные жители переносили их через поле к дороге и хоронили.

Из воспоминаний Илкина Игоря Анатольевича, родственника одного из бойцов 924 стрелкового полка: «В начале ноября 2012 года группой в составе руководителя поискового отряда «Велес» Белугина Андрея Анатольевича, жительницы д. Апрелевка Нарофоминского района Московской области Прохоровой Ольги Борисовны, корреспондента нарофоминской районной газеты «Основа» Окуловой Татьяны Александровны и мною был совершен однодневный пеший поход в район бывшей деревни Любовицы, где летом 1941 года проходил один из рубежей обороны 924 стрелкового полка 252 стрелковой дивизии. Всех нас объединял общий интерес: О.Б. Прохорова и я в течение многих лет вели поиски места гибели и захоронения своих родственников, Т.А.Окулова также на протяжении длительного времени занимается работой по установлению судьбы и увековечиванию памяти земляков-нарофоминцев из состава 252 сд, А.А.Белугин – активный поисковик, организатор и руководитель поисковых работ в районе. Перед выходом из Хлебанихи мы посетили братское захоронение, расположенное неподалеку от того места, где находилась переправа. Скромный бетонный обелиск с надписью «Неизвестным солдатам 1941-1945 гг.» и мраморная плита были поставлены над захоронением уже в более позднее время. Затем все спустились к реке, к месту бывшей немецкой переправы... На дорогу к Любовицам удалось выйти не сразу. Постоянным напоминанием о прошедшей войне служили небольшие окопы, попадавшиеся по сторонам дороги фактически на протяжении всего маршрута. Через несколько часов пути наконец достигли места, где когда-то находилась деревня с красивым названием Любовицы. Летом 1941 года в ее районе, по речушке с названием Двинка, впадающей в Западную Двину, проходила линия, разделявшая позиции советских и немецких войск. Здесь, у Любовиц, в начале августа 1941 года погиб и был похоронен рядовой 924 сп Курепов Сергей Георгиевич – двоюродный дед О.Б.Прохоровой. Участники похода почтили минутой молчания память С.Г.Курепова и его однополчан...

15 августа 2013 года состоялась церемония установки и освещения поклонного креста на воинском захоронении в д. Хлебаниха. Инициаторами акции стали руководитель организации «Велес» А.А.Белугин и настоятель храма Святителя Тихона в п. Кунья отец Антоний. В церемонии также приняли участие представители районных и областных органов власти, члены поисковых отрядов Куньинского района, Западнотверского района Тверской области, города Тюмени, гости из Москвы и Московской области – родственники участников боев на куньинской земле, местные жители...»

В 2014 году поисковыми отрядами были найдены и подняты останки 7 красноармейцев РККА, при них были найдены 3 медальона, которые прочитать не удалось. Вот как это происходило (из архивов поискового отряда «Велес»): «...Бойцы были подняты примерно в 500-тах метрах от братской могилы, где они сейчас захоронены. Рядом с останками одного из них был найден медальон. Полностью его прочитать к сожалению не удалось, грунт глинистый, поля пахались и обрабатывались реагентами. В таких условиях сохранность вещей очень низкая. Удалось прочитать лишь три первые буквы фамилии "Кур..." Из архивов были подняты списки 924 стрелкового полка, буквы подошли лишь под одного бойца, воевавшего именно в том месте, именно на той переправе через реку Западная Двина. Это Курепов Сергей Георгиевич красноармейец-снайпер. Предположительно, именно его останки находятся теперь в братской могиле среди 8 преданных земле с почестями бойцов...»

Летом 2014 года в воинском захоронении в д. Хлебаниха появилась мемориальная плита, на которой были выбиты фамилии 42-х погибших воинов. Плита была привезена вышеупомянутыми родственниками погибших здесь красноармейцев.

В это же время здесь были найдены останки еще одного красноармейца, Мосалова Владимира Ефимовича, 1909 года рождения. Об этом событии можно прочитать на сайте Федерального агентства новостей: «Красноармеец Владимир Ефимович Мосалов вернулся с войны домой, на старинную московскую Хитровку, к многочисленным племянникам, которые все это время считали его без вести пропавшим. Вернулся через 74 года как память - в виде истлевшего именного медальона и фамильного черного мундштука, которые в прошлом году нашли в псковской земле поисковики первоуральского отряда «Пограничник». Для родных Владимира Ефимовича это событие стало огромным праздником. По старой семейной традиции в Хитровском переулке, откуда уходил на фронт 32-летний Владимир, они накрыли большой щедрый стол, за которым вспоминали то, что знали и помнили о своем солдате. А о том, как погиб Владимир Ефимович и где теперь похоронен, им рассказали энтузиасты-поисковики, в руки которых земля отдала останки красноармейца. Командир отряда «Пограничник» Александр Демидов торжественно вручил племяннику Владимиру Мосалову, названному в честь дяди, драгоценные реликвии - содержимое солдатского медальона и мундштук. Раскопки, вернувшие домой не пришедшего с войны солдата, проводились близ деревни Хлебаниха в Псковской области. С помощью архивных данных, исторической литературы и рассказов местных жителей поисковики выяснили: там, где сегодня стоит деревня, располагалась переправа через западную Двину, имевшая стратегическое значение. «Когда наши войска отступали, была поставлена задача - как можно дольше удерживать эту переправу, чтобы наши смогли вывести максимальное количество техники и личного состава. Немцы, понимая это, всеми силами старались переправу эту захватить, - рассказал корреспонденту Федерального агентства новостей Александр Демидов. - Еще у нас есть информация, что там же была сформирована специальная рота НКВД, которая так же охраняла этот мост: когда стало ясно, что удержать переправу невозможно, решили мост сжечь». В ходе массированного наступления немцев в этом районе погибло много красноармейцев, тела которых так и остались лежать на поле боя. В одном из мест поисковики обнаружили останки троих солдат, - полностью экипированных. По словам Демидова, при них были найдены бутылки с зажигательной смесью, гранаты, диски от пулемета Дегтярева, много патронов от ППШ, «трехлинейки» (винтовка Мосина – прим. ред.), личные вещи - "хорошие наручные часы, мундштук, зеркало, расческа". Там же имелось три медальона. «Один был в карболитовом корпусе, в нем осталась одна труха, второй – железный, к сожалению, тоже сгнил полностью. А третий, тоже в железном корпусе, весь проржавевший, мы развернули, но прочитать не смогли и взяли в Первоуральск, - вспоминает поисковик. - На наше счастье к нам в гости как раз приехали ребята из тюменского поискового отряда «Югра», - приехали вручить такие же медальоны

родным наших земляков, которых нашли подо Ржевом. И они предложили попробовать вытравить ржавчину в своей лаборатории». Через некоторое время тюменские коллеги позвонили в Первоуральск: хотя фамилия бойца и не читалась, им удалось определить данные матери солдата - Мосаловой Елены Андреевны, место жительства - Москва, переулок Максима Горького (ныне Хитровский), дом 3/1, кв. 57. В итоге установили личность красноармейца – Мосалов Владимир Ефимович, 1909 года рождения. Предположительно, он мог воевать в составе 252-й стрелковой дивизии, 29-й Красной Армии. «Когда мы установили фамилию этого красноармейца и взялись искать его родственников, подключилась буквально вся страна. Из Пскова, Москвы, Керчи нам стали слать фотографии этого дома, вырезки из газет 60-х годов, даже кадры хроники дореволюционного Хитровского переулка. Так благодаря одному красноармейцу мы познакомились с целым районом Москвы», - улыбается Александр. Племянник красноармейца Владимир Мосалов опознал найденный поисковиками мундштук: у Владимира Ефимовича было еще трое братьев, всем, незадолго до войны отец подарил одинаковые черные мундштуки...»

Весной 2015 года на окраине д. Хлебаниха Пухновской волости поисковым отрядом «Велес» совместно с поисковым отрядом «Пограничник» города Первоуральск Свердловской области и военно-поисковым отрядом «Кречет» (г. Тюмень) были подняты 8 красноармейцев. Личность одного из которых удалось установить. Это Язев Алексей Порфирьевич, уроженец Гдова. Его останки были переданы представителям поисковиков Гдовского района и перезахоронены на гдовской земле 18 июля. Летом 2015 года в адрес отряда «Велес» пришло благодарственное письмо из Гдовского района. Вот несколько строк из него: «... Хочу выразить слова благодарности, Вам лично, и всему поисковому отряду «Велес», за такую нужную, огромнейшую работу по поиску «забытых имен», за то, что вернули нам нашего ГЕРОЯ - Язева Алексей Парфирьевича, погибшего за наше будущее в августе 1941 года. До настоящего времени нам было неизвестно место гибели нашего красноармейца. На все запросы о поиске Язева А.П. на протяжении многих лет, приходили только сухие слова: «Пропал без вести...», «Выбыл из списка в декабре 1941 года». Очень много лет его сестра Денисова В.П не оставляла надежды найти его следы в архивах Псковской области, рассказывала нам – внукам, все что помнила о нем и о войне...»

18 августа 2015 года состоялось второе перезахоронение в д. Хлебаниха. В этот день было похоронено 7 человек. Ольга Борисовна Прохорова и Татьяна Александровна Окулова снова присутствовали на перезахоронении. На этот раз они были не одни – с ними были воспитанницы школы «Хендлер» Московской области. Эту школу основала дочь Ольги Борисовны в память о Курепове С.Г. Еще до войны, служащий пограничником, Сергей был очень привязан к своей собаке, овчарке. Имеются фотографии его с собакой, которая стала неотъемлемой частью его жизни. «Хендлер» переводится как «поводырь». В школе обучаются дети, которые имеют желание работать с животными, учатся понимать и дрессировать их. В 2015 году обучающиеся школы участвовали в международном конкурсе и получили Гранд-при.

Таким образом, в течение 2012-2015 года во время поисковых работ в воинском захоронении д. Хлебаниха появились останки 14 человек, установлена личность Курепова С.Г., останки второго красноармейца, Мосалова Владимира Ефимовича, переданы родственникам. Установить остальных, к сожалению, не представилось возможным.

В июле-августе 1941 года войска 22-й Красной Армии сдерживали натиск немецко-фашистских войск, стремившихся окружить группировку Красной Армии под г. Великие Луки и овладеть важным железнодорожным узлом, между озерами Жижицкое, Жакто и Двинское (Каськовская волость). Через 65 лет после этих событий поисковым отрядом «Велес» на берегу Жижицкого озера рядом с д. Кривицы Каськовской волости

обнаружены останки 12 красноармейцев. Они были торжественно перезахоронены 23 сентября 2009 года в братской могиле д. Кривицы. Удалось поднять 2 смертных медальона на имя уроженца Татарской ССР Матвеева Семена Ивановича и москвича Тарасова Николая Александровича. Поисковые работы на данной территории велись до 2012 года. В результате их проведения появилось официальной воинское захоронение в д. Кривицы. На сегодняшний день в нем находятся останки 18 красноармейцев.

Итак, поисковая работа начинается уже в послевоенное время и продолжается по настоящее время. Официальные поисковые отряды появляются в конце 1990-х - начале 2000-х годов. В Куньинском районе действовали два поисковых отряда - «Поиск» и «Велес». В настоящее время осуществляет свою деятельность отряд «Велес» в составе псковской региональной военно-патриотической общественной организации «Велес» под руководством А.А. Белугина, которой в 2016 году исполняется 15 лет со дня основания. За время поисковой работы обнаружено более 500 останков красноармейцев, погибших на территории нашего района, более двадцати из них идентифицировано. Благодаря проведенной работе в районе официально открыты три воинских захоронения — в д. Слепнево (2000 г.), д. Кривицы (2011 г.) и д. Хлебаниха (2014 г.).

Поисковый отряд «Велес» является постоянным участником областной вахты памяти и областных поисковых экспедиций. Так, за время работ поисковой экспедиции, организованной с 26 апреля по 8 мая 2008 года комитетом по делам молодежи Псковской области и областным объединением поисковых отрядов «След «Пантеры», отрядом «Велес» было обнаружено и эксгумировано 39 останков красноармейцев, погибших на территории Псковской области. Вахта памяти является неотъемлемой частью жизни поисковиков Куньинского района.

Псковская региональная военно-патриотическая общественная организация «Велес» проводит большую патриотическую работу с подрастающим поколением. Следопытский отряд школьников д. Ущицы занимается поисковой деятельностью наравне со взрослыми, чувствуя свою сопричастность событиям 70-летней давности и увековечиванию памяти погибших. Он постоянный участник перезахоронений отряда «Велес», многодневных походов по местам боевой славы, занятий военно-прикладными видами спорта, спортивных соревнований, военно-спортивных игр, краеведческой работы в музее боевой славы Ущицкой школы. В 2004 году члены следопытского отряда помогали обустроить новую обитель в д. Клино, восстанавливать церковь в д. Лукино. Значение данной работы трудно переоценить...

Нельзя не привести выдержки из исследования Жилинского Кирилла, члена школьного отряда «Велес», в 2012 году обучающегося 9а класса Куньинской средней школы. Его работа описывает еще один трагический период в жизни нашего района – существование лагеря для русских военнопленных «Долина смерти», организованного фашистами в августе 1941 года:

«...В конце августа на северо-западной окраине деревни Обляпышево в излучине реки Финёвка рядом с Торопецкой дорогой немцами был организован лагерь для военнопленных, в котором содержалось до 4000 советских бойцов и командиров. Военнопленные находились под открытым небом, жили в ямах, которые себе вырывали. Многие из ям, особенно на склонах речных террас, сохранились и до сего времени. Кормили один раз в сутки: 200 г хлеба и пол литра похлёбки. Мучимые голодом, некоторые военнопленные просили разрешить копать картофель на поле, которое находилось сразу за колючей проволокой. За это они были тут же расстреляны. Умерших

хоронили так. Верёвкой, привязанной за ноги, волочили на гору, где была вырыта глубокая яма, в которую и сбрасывали трупы. Пойманных беглецов из лагеря также расстреливали.

Был в лагере лазарет, размещённый в землянке. Там лежало 50 – 60 раненых бойцов. Бинтов не было, лекарств – тоже. За ранеными ухаживали такие же пленные.

Немцы следили за состоянием шоссейной дороги, на ремонт которой выделяли 300 – 400 человек. Желаящих пойти на работу было гораздо больше, так как были случаи, когда военные приносили с собой по нескольку горстей сухой ржи и тайком съедали её. А когда на ремонт приходило больше пленных, чем требовалось, немцы стреляли в тех, кого считали лишним.

Был случай, когда один из военнопленных попал на кухню, где готовилась еда для охраны лагеря, его заставили чистить картошку, после работы он прихватил с собой несколько картошин. На следующий день другие пленные попали на кухню и тоже взяли с собой пару картошин. Если её обнаруживали при обыске, то «виновных» расстреливали.

По официальным данным концлагерь просуществовал 18 дней. Военнопленные называли его «Долиной смерти». Перед тем, как перегнать военнопленных в Великие Луки, их построили в колонну. Внезапно из кустов выскочил наш солдат и застрелил одного из фашистов, прославившегося своей жестокостью. За это немцы отсчитали 50 наших солдат и тут же расстреляли. Захоронения наших солдат не обнаружены.

Многие местные жители приходили к лагерю искать своих родных, попавших в плен, пытались передать еду нашим солдатам, но всё это попадало в руки немцев.

Свидетель Петрова Ефросинья Ивановна утверждает, что военнопленные в лагере содержались значительно дольше. 14 октября в Покров, когда уже выпал снег и потом уже не стаявал, они с подругой отправились пешком из Куньи в Великие Луки. За колючей проволокой в лагере находилось большое количество военнопленных. Они стояли плотной толпой в заснеженных шинелях, греясь друг о друга...»

Всё это тяжелые страницы истории нашего района. И это не вымышленные истории. О них нужно помнить и говорить...

Многие люди, погибшие на нашей земле, уже вычеркнуты из памяти своих родственников. Близких, знакомых. Но они должны жить – в наших сердцах, в воспоминаниях наших детей...

Уходят люди, посвятившие всю свою жизнь этой памяти. Благодаря им погибшие 75 лет назад красноармейцы снова обретают свои имена и навсегда увековечиваются на мемориальных плитах воинских захоронений. Да, время берет своё, но даже оно не властно над нашей памятью...

Из рассказа Белугина Павла, участника поискового отряда «Велес»:

«...Звуки боя уже слышались со всех сторон – кончался август 1941 года, и трёхнедельное затишье на передовой 22 Красной Армии закончилось. Тимофей развернул бланк солдатского медальона и начал аккуратно заполнять его карандашом: «Павлович Тимофей Евсеевич, мед. фельдшер, 1918 г.р., БССР, Могилёвская обл., Шкловский район, Рыжковский с/ совет, деревня Зоровцы, семья: Павлович Евсей Тимофеевич, мобилизован Могилёвским военкоматом». Немного подумав, достал из красноармейской книжки аккуратно сложенную записку, написанную на клочок плотной обёрточной бумаги: «УССР, Запорожская область, Н.Васильевский р-н, Астраханское п/о, Посёлок Будённого, Марии Емельяновне Зюзь». Подписал: «Адрес моего Павшего товарища». Несколько раз

обведа фамилию Зюзь, как бы пытаясь запечатлеть её для себя, свернул обе бумажки и вставил их в капсулу солдатского медальона.

Встав из-за стола, Тимофей на мгновение задержался... Год назад они закончили Могилёвский медицинский техникум. С каким наслаждением они бежали в военкомат за призывной повесткой! Затем курсы военфельдшеров и военная служба в Литве... Как они щеголяли в новеньких португелях по улицам Каунаса со своим товарищем... 22 июня 1941 года взорвало мирную жизнь, но они солдаты, невзирая на потери, на отступление из Литвы, затем окружение на родной Белорусской земле. И вот теперь тут, под городом Великие Луки, решается судьба Великой войны. В деревне Дохино расположилась санчасть – крутые холмы и весёлая быстрая речка виднелись в окно избы.

«...С низким поклоном и тысячей благодарностей обращаются к Вам Белорусы, т.е. все родственники Павловича Тимофея Е. - 15 племянников и сестра. Все мы в возрасте, потому что он в нас был самый меньший... Он в июне 40 года окончил техникум, вскоре его призвали в армию. Последнее письмо от него было перед самой войной г.Таврога, мы считаем, что где-то Литва ...»

С прорывом фашистов военврач принял единственно правильное решение – эвакуировать раненых. Тимофей сам вызвался остаться с тяжелоранеными красноармейцами. Подойдя к недавно доставленному раненому, фельдшер достал из кармана галифе часы – нашёл пульс – засёк время: раз.. два.. три..

«Какая маленькая машинка, а столько в ней самообладания и чёткости», – мысли роились в голове... Тимофей любил часы: можно собраться с мыслями, успокоиться, вспомнить, чему учили в техникуме. Раз... два... три..

Двое доставленных раненых оставались в гимнастёрках. «Надо бы переодеть», – подумал врач.

На дороге у дома застрекотали вражеские мотоциклы. Тимофей одёрнул белый халат, зачем-то положил в карман пинцет и вышел из избы. Пыльные, озлобленные фашисты сновали по деревне. Выбрав старшего, медик подошёл к немцу:

- Тут тяжелораненые, и я прошу сохранить им жизнь...

Лицо фашиста исказила гримаса – он не знал русского языка, но как он, этот Русский, смеет говорить с ним, солдатом великой армии, как они вообще смеют жить и сопротивляться им, великой расе!

Звук близкого выстрела оглушил Тимофея...

Мама, больно...

И на парня обрушилась тишина и вечность, только часы в кармане галифе, храня тепло руки своего хозяина, продолжали мерно считать: раз... два... три...

«...Розыск я писала во все архивы, но результата не было... Мы узнали, что наш дядя захоронен на нашей Советской земле, но не на фашистской. В войне у нас погибло 6 дядей, и мы ни об одном ничего не знаем...»

Поисковый «УАЗ», оставляя на напитавшейся влагой осенней земле две ровные колеи, медленно пробирался по полю. Подпрыгнув на кочке, машина неуверенно крутанула колёсами и встала – протектор окончательно забился насыщенной пожухлой травой и почвой. Недавно тракторист Назаров, выполняя сельскохозяйственные работы, обнаружил место незарегистрированного захоронения времён Великой Отечественной войны. Участники поисковой экспедиции оставшееся расстояние до урочища Дохино-Прожирино преодолели пешком. Когда-то тут кипела жизнь. Теперь поля, кое-где места деревенских дворов отмечены одичавшими, искореженными временем яблонями, сбросившими уже свои мелкие кислые яблочки...

После вскрытия верхнего слоя поисковикам предстала картина массового захоронения советских воинов: беспорядочно сброшенные останки человеческих тел, среди костей остатки перевязочного материала, у двоих пуговицы солдатской гимнастёрки. На самом вершине захоронения останки молодого офицера в новых яловых сапогах и портупее. Алексей, командир поискового отряда, спустился в яму и начал эксгумацию. У офицера обнаружили пинцет, капсулу солдатского медальона с двумя плотно скрученными бумажками. В лучах вечернего солнца среди человеческих останков ярко блеснула стекляшка. Поисковик аккуратно извлёк из удобренной человеческой плотью земли карманные часы. Алексей присел на край раскопа и аккуратно обтер реликвию, в это время над головой потянулся к югу клин птиц:

- Смотрите ! Журавли! Раз... два... три..

«...Низко кланяемся всем Вам, дай бог Вам здоровья и Вашим мамам, жёнам, детям и всем родным, извините, что написано плохо, колхозница, образование 7 классов, возраст 73 года. Целую всех. До свидания. Орлович София.

...Часы мед. фельдшера Павловича Тимофея Евсеевича хранятся в экспозиции школьного музея «Боевой Славы» - миниатюрный механизм, выполнивший свой долг до конца»...

В декабре 2015 года состоялось награждение членов псковской региональной военно-патриотической общественной организации «Велес». Из статьи «День Неизвестного Солдата в поселке Кунья отметили вручением медалей поисковикам» районной газеты «Пламя» от 17 декабря 2015 года: «... В Куньинском районе с 2001 года существует поисковый отряд «Велес». Отряд объединяет настоящих патриотов, единомышленников, равнодушных людей, которые в свободное от основной работы время, без оплаты, на одном энтузиазме ведут поисковую работу, выезжают на места, где проходили битвы времён Великой Отечественной войны, чтобы разыскать останки павших солдат... Важный и благородный труд бойцов поискового отряда «Велес» был отмечен медалями «За заслуги в увековечении памяти погибших защитников Отечества», их во время мероприятия вручил поисковикам Глава Куньинского района А.А. Белугин...»

Поисковая работа имеет огромное значение и остаётся важнейшим звеном в истории куньинской земли. Огромная благодарность тем, кто до сих пор занимается этой деятельностью...

Белугин Андрей Анатольевич

Члены поискового отряда «Велес». 9 мая 2015 года

Вручение медалей поисковикам 11 декабря 2015 года

Перезахоронение останков Подгорнова Н.Я. в г.Москва

Установка Поклонного креста 21 августа 2013 года

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

НАВЕЧНО МОЛОДОЙ

В Книге Памяти «Они не вернулись из боя» о псковичах, погибших в Афганистане, есть следующие строки: «Ушла в историю Афганская война. Никем и никому не объявленная, героическая и трагическая, она оказалась в 2 раза длиннее, чем Великая Отечественная война. Она продолжалась 9 лет, 1 месяц и 21 день, с 25 декабря 1979 по 15 февраля 1989 года. В афганской войне принимали участие почти 2000 воинов-псковичей. 63 из них погибли, оставив о себе светлую память...» Одним из них стал Кожевников Юрий Анатольевич, наш земляк, выпускник Куньинской средней школы.

Живой, пока помним...

Обычный мальчишка

Из размышлений Горюновой Лидии Васильевны, проживавшей по соседству с Кожевниковым Ю.А., бывшего учителя Куньинской школы:

«...У меня на глазах рос Юра Кожевников – мальчик, каких в русских деревнях много, но не каждый становится героем. Что за люди были в его семье? Дедушка по отцовской линии имел большую семью – шестеро детей. При советской власти он был раскулачен за то, что построил для своих детей два дома, работая без устали. Был отправлен в Магадан на 10 лет. А после этого не обозлился – устроился на работу в военкомат, снова построил дом, воспитал детей. Был на хорошем счету. Бабушка Ксения, труженица колхоза им. Калинина, во время ссылки мужа осталась совсем одна с детьми, без дома (их выселили), без денег. Кормить ее семью первое время помогала вся деревня. И она выжила, не очерствев в этих условиях, осталась честной, доброй женщиной, сумевшей эти же качества передать своим детям и внукам.

Отец Юры, Кожевников Анатолий, стал директором куньинского молокозавода. Во время его работы производство было поставлено на широкую ногу, продукция пользовалась спросом в Ленинграде и Москве, поставлялась большими партиями. Анатолий пользовался огромным авторитетом. Он был труженик необыкновенный и человек с большой буквы...»

Из воспоминаний матери Ю.А.Кожевникова Галины Гавриловны Кожевниковой:

«Мои родители родились в Калининской области, Куньинском районе, деревне Груздово (10 км от Куньи). У меня была старшая сестра и младший брат. Всего нас трое детей. Мы переехали жить в поселок Кунья. Отец, Ткачев Гавриил Александрович, работал председателем райпотребсоюза. Мать – домохозяйка. Построили свой дом, и в 1936 году родился мой младший брат.

До 1941 года я училась в Куньинской начальной школе. Когда началась война, мы с двумя другими семьями собрали теплые вещи, продукты и пошли в сторону Калинина. От школы нам дали лошадь на три семьи, и мы пешком, сестра на велосипеде поехали лесной дорогой. Мама была очень больна. Ночевали в лесу, в сараях – прятались от

немцев. Потом нас догнал обоз лошадей, которые тоже эвакуировались в сторону Калинина. Там, в Калинине, нас нашел отец, и дальше на пароходе нас отправили до города Горького по Волге, а там на машине до г. Лыскова. В Лыскове я училась в школе пятый и шестой класс, потом перевели отца в г. Кетово. Оттуда мы доехали до Московской области, я училась в г. Можайске, затем переехали в Смоленскую область, потом в Белоруссию, недалеко от г. Орша. Отец работал на строительстве дороги Москва-Минск. Когда я училась в Можайске, закончилась война. В 1946 году мы вернулись в Кунью, и здесь я доучилась 9-10 класс. По окончании школы меня направили работать в д. Клин, потом взяли инспектором по определению детей-сирот в детдом в г. Торонец. Экстерном сдала экзамены в педучилище, получила диплом учителя начальных классов. 25 лет проработала в детском саду. Мои воспитанники теперь работают в школе учителями, есть один детский врач. Сейчас они куда-то разъехались. Хорошие были дети, хорошие родители...

У меня было два брака, первый – несчастливый. Юра родился во втором браке. Мы переехали к мужу, в д. Тетеркино...»

Юрий Анатольевич Кожевников родился 5 января в д. Тетеркино Куньинского района. В 1965г. поступил в 1 класс Куньинской средней школы. В 1975г. окончил 10 классов. Из материалов районного музея поселка Кунья и характеристики учащегося следует, что он учился неплохо, читал общественно-политическую литературу, выступал с политинформацией перед сверстниками, принимал активное участие в школьных мероприятиях, художественной самодеятельности, организовывал вечера и огоньки. Юрий хорошо рисовал, писал статьи в школьную газету, выпускал сатирические номера. Играл в шахматы, участвовал в туристических походах. С товарищами был терпелив и тактичен.

Из воспоминаний Галины Гавриловны Кожевниковой:

«Жили мы в деревне Тетеркино, сразу за речкой. Деревня большая была. Она и сейчас цела, но там много пустых домов, много сгоревших. Молодые уехали - работы здесь, в Кунье, мало, колхоз распался... Юра дружил с Зенковым Борисом, который жил по соседству. Еще дружил с Геней Сбойновым – это его одноклассник, вместе учились. Гена мне помог после того, как покосился памятник Юре после похорон отца. Нужен был песок на могилку, и Гена бесплатно привез целую машину – работал в дорожном участке. Спасибо ему. Они и памятник поставили как надо. Пока его делали, две лебедки сломались...

Когда Юра учился в школе, ни о ком из учителей плохо не говорил. Учился он нормально – конечно, не на пятерки, подленивался...»

Из воспоминаний друга Ю.А.Кожевникова, Лутохина Валерия Владимировича:

«Юра был обычный мальчишка. Учились мы в параллельных классах. Жили недалеко друг от друга – он в Тетеркине, мы - около больницы в двухэтажных домах. Часто собирались у Борьки Зенкова – я, Юра и Вовка Морозов. Пацаны как пацаны. Мальчишками часто ходили в походы, жгли костры, пекли на углях картошку. Это был 5-7 класс. А старше, в девятом - десятом, Юра приходил уже к нам во дворы, к Вовке Морозову. Гуляли вместе. Зимой играли в хоккей, летом – в футбол. Юрка был совсем как мы. Правда, он любил писать и рисовать очень хорошо левой рукой – был левша. А раньше ведь за это ругали...

В старших классах решил стать военным. Его старший брат Сергей как раз окончил военное училище в Саратове. Так Юра и сказал: «Буду военным». И уже не передумал. Другой специальности не представлял...»

Из воспоминаний классного руководителя Егоровой Марии Дмитриевны:

«Когда мне дали классное руководство в пятом классе, я, как и никто другой, еще не знала, что здесь будет учиться будущий лейтенант Кожевников, которого наградят орденом Боевого Красного Знамени посмертно...»

Класс был большой – более тридцати человек, - что было обычным для того времени. Ребята подобрались очень хорошие: хитрить и врать не могли, конфликтов избегали, относились друг к другу по-братски. За время учебы сильно сплотились. До сих пор встречаются, ездят на озеро и первый тост всегда поднимают за своего одноклассника, Юру Кожевникова.

Класс был организованный и очень активный. Участвовали ребята во всех конкурсах, вели большую внеклассную работу. Как в пятом классе взяли первое место в школьных соревнованиях «За честь школы», так его ни разу не уступили.

Юру в классе очень любили. Это был отличный парень, прекрасный друг, великолепный инициатор и участник всех дел. Он даже собирал ребят для игры в лапту или футбол после уроков, и без Юры она никогда не начиналась. Все его очень уважали.

Юры был очень активен, равнодушен к делам класса и школы. Когда я взяла класс, директор школы Сухорученко Э.И. поручил мне и моим ребятам подготовить комнату Боевой Славы. Денег тогда не было, все приходилось делать своими руками. Мы обратились к хорошему куньинскому художнику Князеву, который помог оформить кабинет, сделал стенды. Стали собирать материал. Юра сказал: «Давайте оживим братские захоронения». С этого и началась работа. Ребята, хотя и были маленькими (пятый класс), сами пошли в военкомат. Их хорошо приняли, дали адреса родственников красноармейцев, захороненных в п. Кунья и д. Кресты. Адресов было очень много (шестьдесят-семьдесят). Как раз в это время под деревней Слепнево нашли могилу красноармейца и собирались его перезахоронить на братских захоронениях в Кунье. Юра прибежал очень возбужденный и сказал: «Сегодня будут похороны. Там капсулу нашли! Мы обязательно должны там быть!» Конечно, мы пошли на перезахоронение. Погибший солдат, как показала капсула, оказался Зубриловым Ильей Георгиевичем из Пермской области, города Чайковский. Мы написали туда письмо. За переписку отвечала Васильева Валя (сейчас Дмитриева). Пришел ответ от сестер – Антонины Георгиевны (работала в райкоме партии) и Татьяны Георгиевны, директора восьмилетней школы. Началась переписка. Мы пригласили их на день Победы в Кунью, они обещали приехать. Но нас сильно огорчало то, что при перезахоронении Зубрилова И.Г. на могильной плите не выбили его фамилию. Куда сестрам положить цветы? Так оставлять было нельзя. Мы с ребятами обратились к нашему бывшему ученику Кондратьеву Коле. Он не отказал и высек фамилию красноармейца под нашим руководством. Конечно, буквы немного отличались от других, но мы так радовались, что сестры Зубрилова Ильи приедут и увидят фамилию своего брата на каменной плите! Сестры действительно были очень нам благодарны. Мы долго потом с ними переписывались. Они еще не один раз приезжали к нам в поселок.

Вот в такой атмосфере рос Юра. В то время на каждый праздник День Победы в Кунью приезжали гости. И все благодаря переписке, которую начал мой класс, а

предложил Юра. Многие адреса мы раздали другим классам, так как их было очень много. Переписка велась активно. На праздник приезжали целыми семьями. Однажды всех было 21 человек. И всех встретили, всем хватило места. Обычно встречали гостей на вокзале всей школой. Готовили места в интернате, приглашали ночевать домой. Устраивали поминки. Родственники погибших настолько привыкли к нам, что присылали посылки. Например, Антонина Зубрилова подарила нарциссы, и, наверное, именно благодаря ей они прижились в Кунье. Гости были из разных мест – Москвы, Подмосковья, Латвии, Грузии, Урала. Их ждала вся школа, и провожали и учителя, и ребята. Так проходила наша жизнь...

Конечно, такая обстановка не могла не повлиять на Юру. Он с детства мечтал стать военным. Как говорит его одноклассница, Умова Женя, все его тетради были разрисованы танками, пушками и другой военной атрибутикой. Наверное, сначала мечта о военном будущем была его порывом, но потом он твердо сказал, что станет защитником Отечества...»

Одноклассница Юрия Кожевникова Дмитриева Валентина Семеновна подтверждает слова своего классного руководителя: *«Когда мы были в пятом классе, начинала работать группа «Поиск». В это время мы с Юрой стали общаться больше всего. Это была очень большая работа, адреса погибших воинов искали по всему Советскому Союзу, а потом встречали родственников в Кунье...»* Также она сообщает, что Мария Дмитриевна была любимым учителем Юры, но и к другим учителям он относился очень хорошо. Особенно ему нравились Вячеслав Гаврилович Клецко и Нина Васильевна Игнатенкова.

Юрий Кожевников посещал турслёты, любил походы, костры. Он был хорошим спортсменом. Не курил, не был замешан ни в каких скандальных историях. Всегда был миролюбивым парнем и отличным товарищем.

Друг Юрия Кожевникова, его одноклассник 1973-1975 гг. Сбойнов Геннадий Владимирович добавляет, что среди сверстников он выделялся высоким ростом и хорошей физической подготовкой. Но, хотя Юра был крепче своих сверстников, он никогда не старался кого-то обидеть – наоборот, всегда защищал более слабого. Отличали его доброта, честность и порядочность. Он очень уважительно относился ко всем преподавателям и мог одернуть сверстников, которые вели себя нетактично по отношению к учителям или девушкам. Геннадий Владимирович вспоминает, что часто друзья все вместе ходили в кинотеатр «Октябрь», расположенный возле школы. Обо всех новых фильмах они имели полную информацию, так как в кассе кинотеатра работала мать Митрофанова Михаила. Юра мог по несколько раз смотреть фильмы о современной армии, его интересовало все, что было связано с новым вооружением, боевой техникой, действиями солдат в современной боевой обстановке.

Из воспоминаний одноклассницы, друга детства Ю.А.Кожевникова Вербовской Галины Алексеевны:

«Мы с Юрой дружили с раннего детства, потому что жили рядом и ходили в один класс. Юра был очень красивый парень, высокого роста, атлетического телосложения. У него были большие карие глаза, черные волосы, всегда очень аккуратно подстриженные. Волевой подбородок выдавал в нем решительную целеустремленную личность. И действительно, Юра всегда добивался своего, как бы трудно для него это ни было.

Он был очень аккуратным, все вещи всегда лежали на парте ровненько, на своем месте, тетради и учебники – в обложках, чтобы не пачкались.

Одевался он всегда чисто, в то время у нас у всех была школьная форма, и каждый день у него была свежая рубашка, ботинки - всегда начищены, а брюки – идеально выглажены.

В школе он получал хорошие отметки, ходил на многие в то время факультативы и кружки, интересовался всеми предметами. Он очень хорошо рисовал и вдобавок – левой рукой, ведь он у нас был левшой.

Юра был очень хорошим другом, никогда не подводил и не оставлял нас в беде. К девочкам особо относился, всегда их уважал и почитал. Он был прекрасным человеком, добрым, очень любил животных.

Его мы все любили и уважали за честность и смелость, он был очень бескорыстным человеком.

У нас в классе в то время был девиз «Один – за всех, и все – за одного». Он жил по этому девизу, и мы сейчас живем так же.

Наше беззаботное детство происходило на ул. Больничной. Именно здесь, на этой улице, происходили самые яркие и важные (как нам тогда казалось) события нашей жизни. Наша улица была для нас целым миром, где каждый день происходило что-то веселое и интересное.

Помню, как дома после школы побыстрее нужно было сделать уроки и выходить гулять. Наша дворовая компания – я, Пискунова Галя, Савельева Люба, Юра Кожевников, Морозов Вова, Петров Саша и Лутохин Валера. Нам нравилось сидеть во дворе нашего дома на лавочке и играть в какую-нибудь игру, например в шашки или в шахматы. Также мы играли в лапту, в «войну», в «дочки-матери», была такая игра – «калимбаба»...

Рядом с нашим домом находилась больничная конюшня, и зимой мы там брали конные санки, тащили их на горку и с хохотом, - кто быстрее усядется на санки - усаживались в них и мчались под горку, не глядя, куда катят эти санки. И вновь и вновь тянули эти санки на горку и опять мчались... Слава Богу, все обходилось...

Я не могу Юру выделить отдельно от нас всех, он совершенно ничем не выделялся из нас. И сейчас Он с нами, с нашей дворовой компанией. Да и не только он, т.к. с нами нет уже и Пискуновой Гали, и Сани Петрова.

Я недавно была в Кунье и заходила на улицу детства. Когда-то мы всей своей компанией рано утром, перед школой, решили посадить вдоль садовой дорожки около нашего дома «Аллею любви и дружбы». Так вот, сейчас там растут нами посаженные деревца – они уже стали совсем большими. И приходя сюда, я всегда вспоминаю всех своих друзей и, конечно же, мне становится очень грустно, что не могу всех увидеть и поговорить с ними.

За нашим домом, через дорогу, протекает река Лусня. Сейчас она заросла, а в наше время мы все лето проводили на ней. Купались до посинения, загорали. А вечером наши ребята – Юра, Володя, Саня, Валера, да и я им помогала - ловили бреднем рыбку. Рыба попадалась разная – и щучки, и окуньки, и плотва. И Володина мама, тетя Аня, из нее варила нам славную уху, Вкус у нее был необыкновенный, помню его до сих пор и вкуснее той ухи я не едала. И еще, раньше на речке была Запруда из камней – так вот

наши ребята там ловили больших раков, прямо голыми руками. Тоже вкусотища была непередаваемая...

Зимой речка покрывалась льдом, и наша дружная компания здесь каталась на санках, лыжах и коньках. Сначала мы чистили лед, а потом устраивали соревнования по хоккею. Коньки в то время были не у всех, и они были не такие, как сейчас. Это были просто одни лезвия и привязывались веревками к валенкам. Катались все по очереди. И какое это было счастье, когда подходила твоя очередь!

Мы никогда не ссорились, все у нас было честно и весело. Ребята уважали девочек и всегда ухаживали за нами. Поздно вечером мы возвращались домой довольные и счастливые и засыпали мгновенно, положив голову на подушку.

Улица нашего детства в самом деле была сказочной и счастливой. Прошло уже много лет, но Детство наше – оно с нами, в памяти... как будто это было вчера... И друзья наши, которых уже нет, – это Юра, Галя и Саня – они с нами. Пока мы живы, живы и они...»

Из воспоминаний Подгорной Ирины Валентиновны:

«...К сожалению, я не была Юре близким другом, потому что училась на класс младше. Но хорошо знала его – красивого, черноволосого, кареглазого паренька. Не заметить его в нашей школьной семье старшеклассников было просто невозможно. Юркин класс был очень дружный, ребята активные, а он, никогда не стремившийся к лидерству, всегда был центром классной и дворовой компании. Общительный, заводной, веселый... О чем никогда не говорил - так это о своих проблемах. Имел легкий и живой характер: быстро забывал обиды и умел расположить к себе друзей... Вместе с одноклассниками принимал участие во всех школьных мероприятиях. А какие они были!!!! Ребята тех лет наверняка вспоминают замечательные тематические и праздничные школьные вечера, дружные сборы макулатуры, веселые спортивные соревнования, субботники, туристические походы, и практически во всем Юрка был заводилой или самым активным участником...»

Из воспоминаний директора школы Полеченкова Юрия Михайловича:

«...По характеру Юра был очень уравновешенный, достаточно способный. Очень спокойный, надежный. Из тех учеников, которые на фоне других, может быть, не так заметны, но на которых всегда можно положиться. В таких людях все уверены - все знают, что они никогда не совершат плохой поступок. Ни одного плохого слова о Юре Кожевникове сказать нельзя...»

В детстве Юрий мечтал стать военным офицером. Об этом говорят все: и классный руководитель, и друзья, и одноклассники. На его решение повлияли не только твердый характер, работа в поисковом отряде и выбор профессии военного старшим братом, но и (по свидетельству Горюновой Л.В.) наглядный пример. Она вспоминает: «В нашей деревне было два офицера (Карасев В. И Веселов В.Д.), которые часто появлялись у нас, приятно удивляя всех своим внешним видом - подтянутостью, красивой формой, серьезностью. Для ребят, таких, как Юра, они были образцом. Все это, я думаю, сыграло роль в выборе профессии и в том, как сложилась его дальнейшая судьба...»

В 1975г. Юрий поступил в Ленинградское артиллерийское командное училище им. Красного Октября, которое закончил в 1979г. Ему не терпелось приступить к службе, он даже не отбыл до конца положенного отпуска и сразу поехал в часть...»

Из воспоминаний Галины Гавриловны Кожевниковой:

«...Юра поступил в Ленинградское училище, артиллерийское. Когда стали думать, куда поступать, перебрали разные варианты. Ленинградское училище было ближе, да и родственников у меня там много. Я ему говорила: «Когда будет у тебя какой отгул, пойдешь, отдохнешь». Он всегда, когда приезжал, заезжал к моей тете – выпится там, отобедает и едет в училище на ночлег. Судя по тому, как его разыскивали ребята, с которыми он учился, у него много там друзей было...»

Из воспоминаний Сбойнова Геннадия Владимировича:

«... Во время учебы в училище Юра приезжал к нам в общежитие в город Великие Луки, когда у него были каникулы. О своей учебе и службе он рассказывал с таким азартом, что мне казалось, что ему это занятие очень нравилось, хотя многие из курсантов военных училищ были недовольны службой, ее тяготами, физическими нагрузками.

После окончания артиллерийского училища Юра тоже заехал к нам и с гордостью показал свои офицерские погоны (звание – лейтенант-артиллерист). Он сказал, что его направляют служить куда-то в Среднюю Азию...»

Из воспоминаний Подгорной Ирины Валентиновны:

«...Последняя моя личная встреча в поселке с Юрой произошла сразу после окончания им военного училища. Он был в отпуске. В тот тихий теплый летний вечер 1979-го мы с однокашниками, окружив Юрку, стояли возле Куньинского кинотеатра и слушали его рассказ о том, как он сдавал последние выпускные экзамены, о предстоящем назначении в воинскую часть, о планах... Каким счастливым огнем при этом горели его глаза! Он так хотел ехать служить! Сказал, что отпуск весь гулять не станет, мол, «добью потом»... Мальчишки смеялись, говоря: «Да что ты, Юрка, успеешь наслужиться- впереди вся жизнь, гуляй, пока есть отпуск, побудь дома!» Но он только улыбался в ответ, покачивая головой... Потом мы гуляли по улицам поселка, смеялись, шутили...Помню, он остановился на миг, на своей родной Больничной улице, недалеко от школы, посмотрел вокруг и спросил немного грустно: «Вам не кажется, что деревья стали маленькими... и школа тоже...». Кто-то из ребят засмеялся: «Это ты, Юрка, вымахал!...»

Следующая моя встреча с Юрой Кожевниковым была месяцев через восемь и была уже до боли горькой...»

В декабре 1979 года Юрия ждали в отпуск. Здесь, в Кунье, совсем скоро должна была состояться его свадьба. Закупались продукты, настроение у всех было прекрасное...» О невесте Юры рассказывает его мать: *«...Невеста его местная была, жижицкая. У нее сейчас двое детей, уже взрослые. Дочка учится где-то в Ленинграде, сын где-то в Великих Луках, работает вроде. Я случайно с ней недавно встретилась: получала в вашем банке последнюю компенсацию и смотрю – она идет. Вот и поговорили. Когда Юра погиб, я ее устроила на работу в администрацию, секретарем. Все ее хвалили, работала хорошо. А потом ей предложили в Жижицу заведующей клубом. Она у*

меня спросила совета, я ей говорю: «Если считаешь, что справишься, поезжай». У нее там в деревне рядом бабушка, мать. Вот она туда и поехала. И сейчас там...»

Но отпуск отменили, свадьбу пришлось отложить до весны. Юру отправили в командировку. Никто не знал, что это будет Афганистан и что ни родные, ни друзья его больше никогда не увидят.

Из воспоминаний друга Ю.А.Кожевникова Лутохина Валерия Владимировича:
«...Мы с ним виделись последний раз, когда он окончил военное училище и получил лейтенанта. Потом ушел служить. Тогда про войну в Афганистане никто не знал. Говорили, там идут стрельбы, границу не пересекали. Юра был командир орудия...»

Из воспоминаний одноклассницы Ю.А.Кожевникова Егоровой Надежды Александровны:
«Мы не знали, что Юра попал в Афганистан. Об этом все молчали. Только когда он погиб, сказали, что он погиб в Афганистане. Про войну было ничего неизвестно. Мы знали, что где-то какие-то волнения есть, но что это именно там... Всё было завуалировано. Там он пробыл совсем мало, всего около четырех месяцев. И такая трагедия...»

Жизнь и смерть шагали рядом...

В декабре 1979 года Юрий Кожевников попал в 860-й отдельный мотострелковый Псковский Краснознаменный полк под командованием подполковника Кудлай Виктора Семеновича, выдвигавшийся по маршруту: Ош - Хорог – Файзабад.

Из воспоминаний Галины Гавриловны Кожевниковой:

«...После окончания училища Юра был отправлен на службу в Киргизию, в город Ош. Он писал, как их подняли по тревоге, и они через Памир, через горы переправляли свою артиллерийскую технику. Туда же отправляли все большие старое вооружение, так вот день едут - три дня ремонтируют. Писал, что питание неважное было, сухое всё, на ходу, но он не плакался. Я знала, что в Афганистане обстановка ненормальная, но в то же время и с Китаем у нас были напряженные отношения. Когда шли с техникой, он писал: «В таком-то городе отметил свой день рождения». Я по карте посмотрела – по границе они везут свою технику, но не знала куда: то ли это Китай будет, то ли это будет Афганистан. Я переживала, конечно....»

На службу Юрий не жаловался. Он часто писал домой, рассказывая о том, что у него происходит. Вот выдержки из его писем: *«Нас подняли по тревоге 24 декабря. Сейчас стоим в 120 километрах от г. Хорог. За день проходим километров 200-250, потом стоим и приводим технику в порядок.. На сколько это, никто не знает. Может, на полгода, может, на год, а может, меньше или больше. .. Но за меня не беспокойтесь, все будет в порядке...»*

«Если долго не будет от меня писем, не беспокойтесь: почта – только самолетом или вертолетом...Насчет свадьбы – придется отложить до отпуска...» «...Самое главное – не беспокойтесь за меня, прошу вас...»

Юра служил командиром взвода второй артиллерийской (гаубичной) батареи в звании лейтенанта. В новых военных условиях Юрий не изменяет своим принципам и своему характеру. Его подчиненные рассказывают о нем с особым уважением и теплотой.

Особенно тесно в это время был с ним связан Селиверстов Сергей Васильевич, замкомандира взвода гаубичной батареи. Из его воспоминаний Юрий Анатольевич Кожевников предстает надежным товарищем, всегда готовым подбодрить, поддержать, принять верное решение. Сергей Васильевич много рассказал о последних месяцах жизни Юрия Кожевникова:

«Я призывался в ряды Вооружённых Сил СССР 18 октября 1978 г. Мечтал попасть служить на флот, а в областном военкомате г. Калуги меня определили в команду, которая направлялась в п.г.т. Гвардейский Джамбульской области Казахской ССР Среднеазиатский Военный округ. В учебной дивизии я попал в артполк. Через полгода, после окончания «учебки», я и ещё 8 моих товарищей прибыли в город ОШ Киргизской ССР в/ч 77701- 860 отдельный Краснознамённый мотострелковый Псковский полк. К удивлению, в нашем артдивизионе не хватало людей. На каждое орудие было всего лишь два человека вместо семи. В июле пришло пополнение. В первых числах августа командир полка подполковник Кудлай В.С. представил нам молодого офицера-артиллериста. Перед нами стоял подтянутый, высокий, стройный, в парадной форме лейтенант Кожевников Юрий Анатольевич. Особое впечатление производили его черные, ухоженные усы. Командир артдивизиона, капитан Агейцев М.А., назначил Юрия временно к нам во 2 батарею (он стал командиром 2-го огневого взвода 2-й гаубичной батареи). Командиром батареи был старший лейтенант Зубачев А.Б. Так началась служба Юры.

Через день мы познакомились поближе, и Юрий обратился ко мне:

- Сергей, мне нужна ваша помощь.

- Какая помощь, в чем?

- Я хотел бы остаться служить в артдивизионе, мне поручили сделать ремонт в офицерской столовой, ожидается большое пополнение молодых офицеров в полк. Необходимо сделать все быстро и аккуратно.

Надо заметить, что Юрий во всем любил порядок.

Мы сделали косметический ремонт в одном из помещений рядом с общей столовой. Когда командир дивизиона принял помещение, бойцы стали расставлять мебель. Столы, стулья, вешалки - всё быстро поставили. Буквально через день Юрий подошёл ко мне и сказал: «Спасибо, Сергей, тебе и твоим бойцам, меня утвердили в должность командира 2 огневого взвода 2 батареи». Мы все были рады, что его оставили в нашей батарее. Юрий каждый день приходил на подъем батареи, бегал с нами на физзарядку. Днём ходили в парк, чистили орудия, изучали матчасть. Особое внимание он уделял молодым бойцам. Ознакомиться с гаубицами было главной задачей для всех офицеров. В перекурах часто шутил и рассказывал анекдоты. Ходил в наряды. Везде он был рядом. За это короткое время лейтенант Кожевников Ю.А. стал пользоваться уважением среди личного состава всего артдивизиона.

В сентябре вышел приказ об увольнении в запас всех старослужащих. В артдивизионе происходят изменения. Начались занятия во всех подразделения полка.

Вскоре пришел приказ выехать на полигон округа, в Джамбульскую обл. на учения. Кожевников получил задание получить проволоку с предприятия. Поехали я и 5 бойцов с нашего артдивизиона на ЗиЛ131, Юрий - старший нашей группы. Ездили долго, устали, Юрий взбодрил нас всех, купив в магазине 2 кг пряников и по бутылке лимонада. Для нас,

пацанов, это было счастьем. Самым тяжёлым оказалось грузить технику на железнодорожные платформы и крепить её. Юрий был ответственным на крепление орудий и тягачей нашей батареи. Это была адская работа, но Юра всегда подбадривал. Так шутками-прибаутками и другими словами мы закрепили всю нашу технику. Через двое суток мы прибыли на полигон. Много увидели интересного. Отстрелялись. Снова назад в Ош. Прибыли в родной городок. Каким же он был родным и домашним!

Служба шла своим чередом. Меня вызывают к комбату Зубачеву А.Б.: «Поедешь в командировку с лейтенантом Кожевниковым за молодыми сержантами в свою "учебку"». Странно как-то было. Нас из учебки приехало 9 сержантов. Могли бы послать любого из нас. Почему пал выбор на меня, до сих пор не понятно. Видно, был разговор комбата с Юрием. Спасибо за доверие. Так мы поехали - четверо из артдивизиона (Юрий старший, я, Юрий Сидоренко и Усманов (имя не помню, были на полгода старше по призыву)). Чтобы не тратить 3 суток на дорогу, Усманов нам предложил заехать к нему домой, а там его отец отправит нас в лучшем виде. Всё зависело от Юры. Он подумал, задал несколько вопросов и согласился. В дороге Усманов позвонил домой, предупредил, что мы заедем. Родные Усманова встретили нас очень тепло - как родных. Угостили, положили спать, а утром на самолёт - и мы уже в пункте прибытия. Когда мы вернулись в свою часть, снова началась суeta - распределение молодых сержантов. Стали служить по новому штатному расписанию. Со всеми наладились хорошие отношения. Были определённые трудности с лейтенантом Мензатулом А.В. Анатолий Мензатул был человеком резким. Порой мы не понимали, что он от нас хочет. Иногда спрашивали у Юры, как поступить в данной ситуации. Юра ведь не только офицером был, а ещё и старшим братом. Настолько силен его авторитет.

Вскоре стали ходить слухи, что едем на окружные учения в Сибирь. Начали восстанавливать технику, каждый день проверки о готовности. Уже в душе согласились: скорее бы на эшелон и на учения. Но когда офицерам дан был приказ о казарменном положении, мы были слегка в шоке. Как говорится, спинным мозгом чувствовали: что-то назревает серьёзное. Как-то отпросился я на почту, что-то отправлял домой, а мне работница почты и говорит: «А правда, что вы уезжаете насовсем из города?». «Да нет, - говорю, - мы на учения и обратно». Вернулся в часть в подавленном настроении. Тут встретился Юрий. «Товарищ лейтенант, был на почте и вот такое мне сказали». «Не переживай, старик», - ответил мне Юра.

Наступило 20 декабря 1979г., получили сухпайки. Кузова грузовиков под тентом утепляли матрацами для личного состава. Техника была вытянута в несколько колонн. Построили личный состав и зачитали приказ: "За самовольное оставление части, умышленную поломку техники, и то, то, то - будет караться трибуналом". Вот тогда Юрий подошел ко мне и сказал, что мы идём в Афганистан. Что такое Афганистан, мы ещё не знали. 24 декабря в 5 утра по тревоге мы поехали. Колонна нашей техники составила около 10 км. Наш танковый батальон остался в Оше. Никто не знал, что больше мы сюда не вернёмся. Слова работника почты оказались пророческими. И так нашему полку предстояло пройти по горам Памира. Ни одна армия мира не совершала таких маршей, кроме Александра Македонского. Горы Памира нас встретили морозом за -36, ветром, метелями. Одиннадцать горных перевалов. Самый высокий - Акбайтал-4655м над уровнем моря. Разряженный воздух, двигатели кипели при температуре 70-80 градусов. Дышать было очень сложно, у некоторых текла кровь из ушей. Только моральный дух и солдатское «надо» помогли пройти этот Памирский марш. Я не буду

описывать в этом случае отдельно кого-то. Прошли и прошли, так было нужно. А спустя какое-то время оценили и сказали, что Памирский марш - самая блестящая боевая операция по переброске войск Вооруженных Сил СССР. Я думаю, что за выполнение такой задачи весь личный состав, от рядового до офицера, могли бы отметить государственными наградами. Так за три дня мы прошли весь Памир и спустились в г. Хорог Таджикской ССР. По дороге совсем незнакомого города местное население, а особенно женщины, плакали, глядя на нас. Кто-то из наших выкрикнул из строя: "Мать, что ты плачешь?" А они плача отвечали: "Сынки, куда же вы идёте...." Местные уже знали, для чего мы идём в Афганистан.

3 января 80г. наш полк подошел к п. Ишкашим. Посёлок Ишкашим стоит на берегу реки Пяндж. Через реку на той стороне уже Афганистан. Расставили палатки, постоянные тренировки по приведению гаубиц к бою. Каждый день построение - политинформация. 10 ЯНВАРЯ 1980г наш передовой отряд полка перешел Государственную границу. Когда нам довели обстановку перед строем, что с нашей стороны погибли 4 бойца, лично я не мог поверить. «Как потери, а кто домой поедет, как же мама?» - спрашивал я у себя, но ответа не было. Благодарю своих командиров своей батарее и других подразделений, что они своими знаниями, своей энергией не дали нам запаниковать. Как у них было на душе, из нас, солдат, никто не знал. Лейтенант Кожевников как-то стал первым говорить: «Ребятки, не дрефьте. Мы пришли на войну». Когда наш передовой отряд пробивался к г.Файзабад, мы все, артиллеристы и другие подразделения, находились на нашей территории. Связисты, которые стояли с нами, были на связи с нашим передовым отрядом. В перерывах они ловили радио западных стран. Одна из них передавала: «Банда Кудлая стоит у ворот Афганистана». Уже как-то трудно вспоминать об этом, но в то время, когда ребята шли с боями, мы ждали информацию, все ли живы. Но увы.... Тяжело переходить из мирного солдата в воюющего бойца.

Передовой отряд вошел в г. Файзабад 28 января. В феврале грузовыми вертолетами перебросили 1 батарею в г.Файзабад. Два наших офицера (лейтенанты Мензатул А.В. и Кожевников Ю.А.) полетели с ними. Очередь нашей батареи пришла 7 марта. Прилетели, выгрузились. Наша первая батарея подготовила нам палатку. На следующий день было построение и приказ нам в составе двух орудий выехать вместе с пехотой для прикрытия. Показали пули, которые могут в нас лететь. Предупредили об осторожности. Выехали в так называемый рейд, прикрывали нашу славную пехоту. Прочесали два кишлака, "духов" не встретили, вернулись на базу. В один из вечеров я, Юрий и командир 3 орудия мл. сержант Гирик Женька проверяли состояния личного оружия и их хранение. В это время Юрий мне говорит: «Жека-то наш отцом стал!». Я тоже Женьку поздравил. Долго смеялись, "прикалывались" (как сейчас говорят). Потом Юра достаёт фото своей любимой девушки и говорит: " А вот моя девушка. Я уже всё купил к свадьбе: кольца, костюм, а тут такая "командировка". Пришлось долго объяснять, что я человек военный и бывают обстоятельства, что приходится переносить многое и даже день свадьбы». Мы ему пожелали счастья, оценили его выбор.

12 марта ночью загорелась палатка первой батареи. Комбат Зубачёв А.Б., Юра, Виктор Таранец, я выскочили из своей палатки на улицу. Комбат мне кричит: «Старшина, поднимай людей, выводите на улицу!». Пока я будил, пока все поняли, выскочили, от горящей палатки остался только остов. Внутри палатки бегают два бойца, на которых горит вся одежда. Юра пытается дать руку и спасти хоть кого-

нибудь. Всё же у Юры как-то получилось схватить одного за руку и вытащить из огня. Второго позже. У ребят было практически 100 % ожогов. Через несколько минут они скончались. Юре оказали медицинскую помощь. Повязка на левой руке явно ему мешала. Мне кажется, что он стеснялся. От разгильдяйства одного дневального погибли два человека и вся первая батарея на время практически выбыла из боевых. Так легла вся нагрузка на нашу батарею...»

О произошедшем событии свидетельствуют и другие источники.

Из материалов сайта «Памирский марш 1979-1980гг. Ош-Хорог-Файзабад» (воспоминаний Ивана Панченко): *«...Вчера, т.е. 12 марта, в среду, во время моего дежурства в лагере произошел пожар. В 22.30 с двумя бойцами начал обход лагеря и проверку службы дежурными подразделениями. В 23.15 поднялись на Джалгар, остановились у дежурного расчета ЗСУ -23-2. И в это время в районе палаточного лагеря - резкое пламя, вспыхнула палатка, горела несколько секунд. Дежурному расчету сразу приказал открыть огонь по верх лагеря, сам также разрядил магазин из автомата, чтобы разбудить личный состав. По ее находжению понял, что пожар во 1-й батарее арtdивизиона. Кинулись туда, из палаток уже выскакивал личный состав, впереди бежал Арутюнян, который на ходу одевал бушлат. Не останавливаясь, с криком: «Что случилось?», побежал к палатке... В палатке люди, надо спасать. Видел пожары, но как быстро горит палатка и как горят люди, увидел впервые.*

Палатки были вкопаны в землю примерно на 120 – 140 см, внутри все горело, люди пытались выбраться по верх бруствера. Но земля бруствера от пожара, руки скользили и солдаты падали обратно вниз. Выход был загроможден, все горело. Буквально сразу начали гореть и ящики с боеприпасами, хлопки – и от палатки летели пули, это взрывались, по сути, автоматные патроны. Во все стороны летели трассера, сплошное пламя, к палатке не подступиться. Чуть позднее начали вытаскивать ребят. Не знаю, кого держал в руках, но он весь обгорел, в руках стал разламываться пополам. Подбежали солдаты, перехватили его у меня, больно было видеть, как на глазах погибают люди и практически не помочь. Солдат, которого тащил, до сих пор перед глазами. Во время пожара погибли двое военнослужащих, несколько человек получили ожоги различной степени (по-моему, восемь человек, которых привезли в госпиталь). Сегодня их всех вертолетом отправили в Ишкашим, там госпиталь...»

Из воспоминаний Юрия Криворотова:

«В Файзабаде были большие трудности с дровами, саксаула не хватало, рубить его было тяжело. Случилось это ночью, в палатке артиллеристов. Они от нас находились через палатку по диагонали, топили печку пучками от снарядов гаубиц. У них по команде есть такое выражение – заряд один, два и так далее, то есть они убирают с капсулы лишний порох, который затем должны уничтожить. Вот им и топили. При топке выбило трубу и Источник их к нам в палатку прибежал, я сквозь сон слышал.»

Из воспоминаний Шамиля Идрисова, бывшего командира 3 МСВ 6 МСР:

«В это время находился в краткосрочном отпуске по семейным обстоятельствам. 13 марта приехал в Ишкашим, прилетел вертолет из Файзабада с погибшими и обгоревшими во время пожара. Смотреть было страшно. Впечатление – сразу из мирной жизни попал на войну. В Ишкашине вертолет ждали, сразу перегрузили обгоревших ребят в машины и в госпиталь. Местное население к нашим военнослужащим относились исключительно хорошо, проявляли заботу, в госпиталь жители несли все, что могли, этим самым они поддерживали ребят».

После пожара батарея, где служил Юрий Кожевников, на время вышла из строя. Но со временем все нормализовалось, и батарея стала участвовать в рейдах каждый день. Совсем скоро, после 20 марта, Юрия должны были отправить в отпуск. О последнем дне жизни своего друга рассказывает Селиверстов Сергей Васильевич: *«Юре сидеть с обожженной рукой было не с руки, он все хотел повоевать перед отпуском. 21 марта Юра попросился пойти в рейд. Он сел в машину к Николаю Чулкову (командир 2 орудия), в нашу сел начальник штаба артдивизиона капитан Рубанов А.И. Колонна пошла в сторону поселка Бахарак. Погода была мерзкой. Вертолеты нас не прикрывали. Узкая дорога шла вдоль реки Кокча...*

... Чем ближе подхожу к этому событию, всё труднее и труднее писать. Как будто несущую тяжелую ношу, и меня покидают силы: вот-вот упаду...

Так наша колонна попала в засаду. "Духи" обстреляли колонну спереди и сзади. Хотели нас прижать. Кое-как мы развернули свои гаубицы. Я установил точку наводки, чтобы наводить. Первые команды: «Огонь!» Вроде мы всё четко отстрелялись, но команда была «отбой» и на отход. Самое главное - нужно было развернуть наши тягачи. На узкой горной дороге это было сделать крайне сложно. Но наши водители были на высоте. Развернулись. Юра сказал, что пойдет доложит, что мы готовы отходить. Я в это время пополз снимать точку наводки. Расстояние - несколько метров, и я не заметил, как ранили Юру в живот. Уже когда его положили в БМП и механик-водитель помчался в Файзабад, колонна тронулась на отход. Когда мы вернулись, нас встретил комбат Зубачев А.Б. и сказал, что Юра умер..... Комок подкатился к горлу, спазм какой-то в сердце. Казалось, что не дышу, кругом всё пусто. Народа кругом много, а никого не вижу... Пришли в палатку, все сели и сидим, смотрим друг на друга молча и все понимаем и тут же не верим, что нашего Юры больше нет. Нет, этого не может быть... Ужин не лез в горло, хоть до этого доели все сухари. Меня вызвал комбат к себе в палатку. Там уже собрались все офицеры нашего артдивизиона. Комбат протянул мне стакан, наполовину наполненный водкой. «Старшина, помяни Юру». Выпил залпом. Постояли молча. Я спросил разрешения на выход. Взял новую форму, приготовленную для Юры. В палатке надо было пришить погоны, петлицы, воротничок. И каждый хотел коснуться иголкой к чему-то, что бы отдать дань УВАЖЕНИЯ. Настал день прощания. Перед этим мы помыли гаубицу. Это не самое страшное и тяжелое - стоять по колено в ледяной воде. Страшно, что в очередной раз мы моем лафет орудия для прощания боевого товарища. Так уже повелось, что наша батарея готовит орудийные лафеты для прощания, а первая давала прощальный салют три выстрела. Поставили орудие, офицеры принесли носилки, на которых лежал Юра. Траурный митинг открыл начальник политотдела, майор Архангельский В.И. К опущенным глазам в землю добавлялись слёзы. Траурный митинг закончился. Санитарный узик (буханка) стоит около дороги. По команде офицеры взяли носилки и понесли их к машине. Узик увёз Юру в Вечность. Я не

мог уже сдерживаться, рыдая, отдал свой автомат своему наводчику Саше Ткаченко. Пошел на берег р. Кокчи. Зашел в воду, умывался грязной ледяной водой. Кое-как пришел в себя. Юры не стало, осталась злость. На одном из снарядов Виктор Мац, наводчик с первой батареи, написал мелом: «За Кожевникова» (приложение б). Юра Кот, наводчик с орудия, написал поэму-боль. Со временем мы заняли п. Бахарак и остались стоять вместе с первым батальоном пехоты. Служба моя подходила к концу. В сентябре вышел приказ Министра Обороны об увольнении в запас. Мои ребята мне сказали: "Тебе домой, и на боевые рейды ходить не будешь, хватит нам и одного Юры." Когда в декабре прощался с ребятами, было жалко. Было желание дембельнуться со всеми весной. Но так было нельзя. Из Бахарака я прилетел на "вертушке" в Файзабад. Пожив ещё несколько дней в 3 батарее, под марш "Прощание славянки" улетели в Кундуз, а на следующий день - в г. Термез. Поезд Термез-Москва за три дня домчал нас до Москвы...»

О гибели Юрия Кожевникова информируют разные источники.

Материалы сайта «Памирский марш 1979-1980гг. Ош-Хорог-Файзабад».
21.03.1980 г. Маршала С. Л. Соколов: *«При проведении операции в направлении Аше 21.03.1980 г. погиб командир огневого взвода 2-й гаубичной батареи лейтенант Кожевников Юрий Анатольевич, 5.01.1958 года рождения... Операция была проведена 21 марта, а это – афганский Новый Год... Операцию не простят, следует ждать пакостей, тем более, что сегодня пятница – священный день для мусульман. В пятницу, как правило, не воюют, а стараются воевать с четверга на пятницу, тогда, как они считают, душа возносится на небеса. Новый Год и пятница... Операция под Аше завершена, колонну на горной дороге необходимо развернуть обратно, в направлении лагеря (Файзабада). Стояла тишина, ничего не предвещало беды.*

Командир 2-го взвода 2-й гаубичной батареи лейтенант Юрий Кожевников стоял на дороге и командовал водителем, чтобы ему было легче развернуться. Тишину распорол одиночный винтовочный выстрел, пуля попала в живот. По почерку стрелял снайпер, видимо, долго выбирал артиллериста, под чьим командованием был нанесен артиллерийский удар, мятежники понесли потери в этот священный для них день».

Из наградного листа на лейтенанта Кожевникова Юрия Анатольевича (посмертно): *«Во время боя 21 марта 1980 года в тыл артиллерийской батареи, в состав которой входил огневой взвод лейтенанта Кожевникова Ю.А., неожиданно вышла группа противника. В неравной схватке, отражая нападение, лейтенант Кожевников Ю. А. проявил мужество и храбрость, героически погиб. Ценой своей жизни предотвратил гибель товарищей».*

Из статьи Владимира Хорькова «В горах Гиндукуша» (материалы сайта «Памирский марш 1979-1980гг.): *«Советская пресса изображала действия 40-й армии как какую-то гуманитарную акцию. По телевидению, в газетах рассказывалось про субботники, на которых вместе с афганцами наши солдаты сажают деревья, про оказание помощи населению. Никакие сведения об участии советских войск в боевых действиях не сообщались, потери замалчивались, мол, воюют сами афганцы. А в это время самолетами доставляли гробы в СССР. Кроме того, местные органы власти в СССР запрещали писать на могилах, что похороненный погиб в Афганистане. Об "эзоповском" языке журналистов можно привести пример. Летом 1982 года газета*

Туркестанского ВО "Фрунзевец" напечатала статью про наш полк. Статья занимала в газете целую полосу, но в ней не было и намека, что часть находится в Афганистане.

Вот отрывок из статьи: «В ходе тактических учений воины взвода лейтенанта Ю. Кожевникова метко поражали все цели, с опережением нормативов выполняли вводные. А когда на марше артиллеристы подверглись атаке группы "противника", лейтенант Кожевников приказал развернуть гаубицы на прямую наводку, в кратчайшие сроки организовал оборону, и в итоге подразделение вышло победителем". Все вроде верно, но противник был не в кавычках и лейтенант Юрий Кожевников в этом бою погиб. Под огнем противника развернул гаубицу и открыл огонь. Подавил огонь душманов, дал возможность мотострелкам развернуться и вступить в бой. Но пуля снайпера сразила молодого офицера...

Это было в марте 1980-го. Посмертно командир взвода 2-й артиллерийской батареи 860-го полка Ю. Кожевников был награжден орденом Боевого Красного Знамени».

Весть о смерти Юры пришла в родной поселок. Галина Гавриловна Кожевникова вспоминает: «...Про смерть Юры рассказывали так: бой уже закончился, стали отходить, всех отводить в укрытие. И вдруг тут снова сообщение: с тыла заходит еще группа душманов. И они развернулись обратно. Когда закончился этот бой, Юра стоял вместе с двумя этими командирами. Один из них говорил: «Мы стояли совсем рядом. Я живой, а в Юру попал снайпер». Попал в почечный пучок. Это сразу кровотечение. До госпиталя 15 минут надо было добираться. Юра тут же и скончался от потери крови. Они говорили о нем, что если бы он был жив, он бы был уже генералом, потому что все делал правильно и четко. Но жизнь есть жизнь... Юру очень любили солдаты. Один из них даже написал стихотворение о нем, мне его прислал Селиверстов.

А Юру, оказывается, должны были в другую батарею перевести, но очень не хотел этого, отказался. А если бы перешел, может, и жив бы был. У него был приказ на отпуск, он должен был приехать. Но не получилось. А у меня в это время муж лежал в больнице в тяжелом состоянии. Мог бы тоже дать телеграмму Юре, и он бы приехал и остался бы жив. Но, наверное, не судьба... Да, приготовились к свадьбе, а вместо свадьбы получились похороны. Прошло столько лет, но помню, что хоронили его – ощущение было, что пришла вся Кунья и Великие Луки...

Сообщили нам о гибели телеграммой. Мы жили в Луках, сообщили туда и сюда, в Кунью, в военкомат. Тело находилось сначала, наверно, в Ташкенте — их везли в Ташкент, делали обработку. Потом в Витебск — туда прилетали военные самолеты. Здесь у нас, в Великих Луках, большие самолеты аэродром не принимал. В Витебск поехал офицер из военкомата. Привезли Юру уже ночью, на седьмые сутки. Наш Юра лежал как живой. Мой Сергей и муж встречали машину на развилке дорог. Все плакали. Меня не пустили туда — я дома задремала, меня не стали тревожить. Я видела — был гроб, в нем — небольшое стеклышко, и там я вижу лицо: голова немножко набок, и струйка крови. Военком не разрешил открыть гроб, но муж сказал: «Нет, теперь мы хозяева, а не вы». Сняли цинк, запаха не было, он был хорошо обработан. Прощание состоялось в нашем Доме Культуры. Налево от входа стоял гроб. Люди входили в двери, обходили вокруг гроба и выходили через другую дверь...»

Из воспоминаний классного руководителя Егоровой Марии Дмитриевны:

«...Когда пришла весть о смерти Юры, всполошилась вся Кунья. Его привезли в цинковом гробу, было открыто только лицо. Мать, Галина Гавриловна, попросила, чтобы гроб вскрыли – привести тело в порядок. Ей помогли. Юра выглядел очень взросло и мужественно. Это был и наш Юрочка, и какой-то непохожий на него взрослый мужчина. От прежнего мальчишки мало что осталось...»

На похороны приезжали даже из Великих Лук. Слезы у матери остались на всю жизнь. Такое горе никогда не забывается. Но она молодец, держится. А вот отец не смог пережить смерть сына. Через год после смерти Юры он умер и был похоронен рядом с сыном».

Из воспоминаний Подгорной Ирины Валентиновны:

«...Хоронить офицера Юру Кожевникова пришли все жители поселка. У надломленных общим горем земляков стояли слезы в глазах. У многих сыновья служили в армии, и тогда совершенно не было гарантии, что следующий цинковый гроб не привезут в еще чью-то куньинскую семью... Говорят, пуля убивает не одного солдата. Она рикошетом ударяет по родным и близким — отцам, матерям... Так, отец Юры, получив похоронку, посидел за одну ночь ...»

Из газеты «Молодой ленинец» (04.04.1989 г.):

«...Сейчас в городе Файзабад в Афганистане есть Аллея Героев. На ней – имя нашего земляка, лейтенанта Юрия Анатольевича Кожевникова...»

Живой, пока помним...

Юрий Анатольевич Кожевников живет в памяти своих близких, знакомых, однополчан, земляков...

Через год после гибели Юры Кожевникова о нем написала статью Подгорная И.В., корреспондент районной газеты «Пламя». После вывода войск из Афганистана в прессе Куньинского и Великолукского района появились и другие статьи, посвященные землякам-афганцам. Например, в газете «Молодой ленинец» от 04.04.1989 г. говорится о Музее боевой славы имени А. Матросова и представленных в нем экспозициях, посвященных погибшим воинам афганской войны, проживавшим на территории Куньинского и Великолукского районов. Статьи о Юрии Кожевникове появлялись и в другое время (газета «Псковская Правда» от 12.09.1996 г., газета «Пламя» от 22.03.2005 г.

Материалы, связанные с жизнью Ю.А.Кожевникова, имеются в местном районном краеведческом музее: его биография, некоторые личные документы, вырезки из газетных статей.

Из воспоминаний Подгорной Ирины Валентиновны:

«... Через год после смерти Юры по заданию редакции районной газеты (я работала корреспондентом) я писала о своем погибшем в Афганистане сверстнике статью... Разговаривала с мамой, держала в руках личные вещи Юры Кожевникова,

переданные ею тогда еще в школьный музей. Это были офицерский планшет на ремне, книга с расчетными картами стрельбищ, артиллерийская логарифмическая линейка, компас... И все это было пробито насквозь пулей, оборвавшей жизнь молодого офицера. В тот момент у меня дрожали руки... Помню, с каким волнением читала строки письма солдат, командиром которых был Юра, к его матери Галине Гавриловне. Как тепло и благодарно они отзывались о нем... А потом в голове долго теснились, но никак не складывались строчки статьи... Еще и еще раз я переживала эту острую боль потери своего земляка. Ведь это было время, когда о таких потерях в Афганистане не принято было писать, говорить вслух, как это делается сейчас. Страна долго не называла имена своих героев, долго не соглашалась на открытое и откровенное обсуждение вопроса... О чем думали ребята в тех далеких уже 80-х, находясь на чужой территории, в горах Афгана? Может быть, Юрий со своими однополчанами ужаснулись одними из первых, видя, какой ценой для всей страны оборачивается интернациональная помощь Афганистану... Быть под огнем, под прицелом – это как-то у них, попавших в пекло настоящей войны на чужой земле, не считалось героизмом. Они выполняли свой солдатский долг, потому что давали присягу, потому что дома их ждали друзья и родные... И выполняли его до конца...

Прошли годы... У нас уже выросли дети, подрастают внуки, а Юрка все такой же двадцатилетний... Теперь он смотрит на нас с мрамора черной памятной доски, установленной при входе в его родную школу... Он снова здесь, теперь навечно, и он с нами - в нашей памяти, в рассказах однокашников, родных и друзей... А печальное тире между двух дат всегда будет напоминать нам и поколениям дальше живущим о простом куньинском пареньке, о мужественном офицере, о достойном сыне своего Отечества - Кожевникове Юрии Анатольевиче».

Память о Юрии Кожевникове хранится и благодаря его сослуживцам.

Из воспоминаний Галины Гавриловны Кожевниковой:

«...После смерти Юры его сослуживцы четыре раза сюда приезжали, в Кунью. В последний раз – когда памятник открывали. Сначала они долго не могли меня найти – мы же переехали в Луки. Писали письма, они не доходили: никто не знал, где мы живем в Луках. Хотя если б захотели, могли найти, мы ж сюда часто приезжали. А нашли меня случайно. Когда меня пригласили в музей Матросова, я выступила перед ребятами, рассказала про Юру. Это был День мужества. Об этом сообщили в Отдел культуры. Отдел культуры отчитался перед Москвой. И материалы выложили в интернет. Меня стал искать Сергей Селиверстов, однополчанин Юры. Всем своим знакомым он дал задание: если что-то услышат про меня, сразу сообщить. Передачу услышала соседка Селиверстова и сразу сказала ему. Он дозвонился до меня - правда, не сразу. Меня боялись беспокоить, потому что я сильно переживала. И я узнала случайно, что меня ищут – услышала телефонный разговор с Сергеем, захотела с ним поговорить. Так мы договорились встретиться на могилке Юры, и с тех пор он стал поддерживать с нами связь...»

В поселке Кунья более открыто и часто говорить о Ю.Кожевникове начали после посещения поселка его однополчан в феврале 2010 года. В местной газете «Пламя» об этом опубликован материал (статья «Боевое братство» от 19.02.2010 г.) Именно

однополчане привлекли внимание к судьбе афганца-героя и предложили память о нем увековечить в Куньинской средней школе, выпускником которой он является. Администрация школы и поселка поддержала их предложение, и в сентябре 2011 года на стене школы появилась мемориальная доска с фотографией и именем Юрия Анатольевича Кожевникова.

Из материалов сайта «Памирский марш 1079-1980 гг.»:

«...Теперь любого человека, проходящего к парадному крыльцу Куньинской средней школы, встречает мемориальная доска: с черного мрамора смотрит на нас портрет молодого, красивого офицера. Спустя 32 года после своего подвига подлинное бессмертие обрел выпускник школы, воин-интернационалист, на долю которого выпало начало боевых действий в Афганистане, лейтенант Юрий Кожевников, награжденный орденом Боевого красного Знамени посмертно.

На мемориальной доске надпись: «В этой школе с 1965 по 1975 год учился лейтенант Кожевников Юрий Анатольевич. Погиб при выполнении воинского долга в Афганистане 21 марта 1980 года. Награжден орденом Боевого красного Знамени посмертно».

В открытии мемориальной доски приняли участие 12 ветеранов 860 ОМСП во главе с бывшим начальником политотдела, полковником запаса Архангельским В.И.

Из воспоминаний Владимира Архангельского, бывшего начальника политотдела 860 ОМСП: «Если школа, мамина кровь и куньинская земля готовили Юрия, то нам довелось увидеть настоящего мужчину, офицера, который действительно воплотил в себе те лучшие качества, которые дали ему и школа, и семья, и земля». (Материалы газеты Куньинского района «Пламя» от 16.09.2011 г. – приложение 16)

В Куньинской средней школе ведется активная воспитательная работа, связанная с именем Ю.Кожевникова. Были разработаны информационные классные часы об афганской войне и подвиге героя-афганца, проводились общешкольные мероприятия, был учрежден переходной кубок имени Ю.Кожевникова для победителей школьной спортивной спартакиады; материалы, связанные с жизнью Ю.Кожевников, использовались при подготовке к районным творческим конкурсам (например, районный конкурс стенгазет в 2011-2012 учебном году). Учащимися школы осуществляются социальные проекты, посвященные памяти погибших героев. Кроме того, каждый год 21 марта учителя и ученики школы вспоминают Юру Кожевникова минутой молчания. Ему и всем афганцам посвящают стихотворения.

14 сентября 2013 года в поселке Кунья был торжественно открыт памятник воинам, погибшим при исполнении интернационального долга в Афганистане.

Из статьи А.Николаева «Памятник, открытый в Кунье – монумент-борец за историческую правду» районной газеты «Пламя» от 17.09.2013г.:

«Г.Н.Ковшиова особо отметила, что люди, которые прошли Афганистан, знают, что такое мужская дружба. Это люди, которые сохранили память о тех, кого теряли, люди, которые честны перед своей совестью, честны перед памятью своих погибших товарищей, честны перед народом. Такие памятники, мемориальные доски, ухоженные братские захоронения должны и будут передавать новым поколениям, тем, кто сегодня еще совсем маленький, историю России; будут передавать самое дорогое, что есть у человека, - память о людях...

...На церемонию открытия памятника собрались очень многие ветераны Афганистана из нашего района, а также смогли приехать однополчане Юрия Кожевникова из 860 отдельного мотострелкового полка (благодаря стараниям организатора – Сергея Селиверстова, служившего во взводе Юрия Кожевникова). Представителю гостей – генерал-майору В.В. Антоненко, рядовому А.А. Игауну, участникам Псковской региональной военно-патриотической общественной организации «Велес» Белугину Павлу и Кудрявцевой Анне было предоставлено право открытия памятника.

Панихиду по погибшим отслужил настоятель храма свт.Тихона Антоний.

Об еще одном важнейшем значении нового памятника собравшимся на площади у братского воинского захоронения напомнил приехавший из столицы замполит 860 ОМСП В.И. Архангельский: «Это великое дело – ставить и открывать памятники нашим героям, чтобы память о них жила в веках, - отметил он. - Но это великое и святое дело потому, что это наша совесть. И пока наша совесть будет чиста, будет и память о наших героях...»

Память о героях афганской войны жива. И пока мы помним об этих людях и помогаем узнать о них другим, память будет жить дальше...

Мемориальная плита возле Ленинградского артиллерийского командного училища им. Красного Октября

Открытие мемориальной доски

Открытие памятника героям-афганцам в п. Кунья

Стихотворение однополчанина Ю.Кожевникова. Автор – Юрий Кот.

Его любили все солдаты батареи.
Он был отличный – взводный командир.
Был рейд за Бахарак. У кишлака Ханаш,
Где нашей батарее отдан был приказ
Поддерживать пехоту огнем своих орудий
В горячей схватке против басмачей,
Приказ был выполнен. «Отбой!» - была команда.
Кожевников вытягивал колонну вдоль реки.
Вдруг начали стрелять в артиллеристов с фланга.
Огонь вели с ущелья басмачи.
И взводный наш упал, пронзенный пулей в грудь.
К нему на помощь бросились солдаты,
Но все бессильны были в этот смертный миг.
Напрасно гнал механик БМП,
Напрасно все надеялись и ждали,
Что выживет их друг, их взводный командир,
И счастья и удачи все желали...
Но рана оказалась роковой...
Он умер, пасмурным весенним утром.
Так спи спокойно, наш командир-герой.
Пусть будет пухом земля тебе навеки.
Мы будем помнить и твое лицо,
Твою улыбку, добрые советы...
И пусть не ждут теперь пощады басмачи,
Ведь им за смерть твою мы будем мстить жестоко
И с именем твоим пройдем Афганистан.
Ты будешь в наших душах жить навечно!!

Стихотворение Н.А.Никифоровой, посвященное Ю.А.Кожевникову:

Простой мальчишка жил у нас в посёлке,
Учился в школе, родину любил.
Профессию военного он выбрал
И радостно в училище отбыл.

Артиллерист — звучит почётно, гордо,
Они всегда на первом рубеже.
И Юра верил, что он тоже может
Стоять на страже родины своей.

Теперь он лейтенант, жениться можно,
Но вот беда — приказ в Афганистан.
Кожевников не в свадебной одежде,
А в кирзовых солдатских сапогах.

Был месяц март. Дождливый хмурым утром
Колонна двигалась в кишлак, и вдруг обстрел.
Кругом снаряды рвались, просто жутко,

Но лейтенант Кожевников успел.

Молниеносно занял оборону
И прикрывал своих однополчан.
Вот бой закончился. «Отбой!» - была команда.
Но кто-то «Юра!» громко закричал.

А он лицом к врагу лишь повернулся,
И пуля жаркая его пронзила грудь...
И только боль осталась, только память
И заклинание потомкам: «Не забудь!»

Он жизнь свою отдал за край родимый,
За мать свою, невесту, за отца,
За нас сегодняшних, за светлый день счастливый,
За то, чтоб Кунья на земле была!

Стихотворение Подгорной Ирины Валентиновны:

Для меня ты останешься Юркой,
Просто мальчиком с челкой короткой...
Энергичным, с веселой улыбкой
И стремительной легкой походкой...
А еще хорошо рисовал ты,
Хоть левша, но как рифму слагал!
За друзей ты любил заступаться,
Потому и военным ты стал.
Надо ж было такому случиться!
Я увиделась снова с тобой -
Твоя мать, как подбитая птица,
В черном платье, с седой головой...
Шел к машине отец через силу -
Сын вернулся с войны не живой...

.....
Мог ты сделать кого-то счастливым...
Но навечно на камне застыл
Твой гранитный портрет молчаливый,
Боль утраты в сердцах оголив.

Стихотворение Марии Егоровой, дочери Подгорной И.В.:

Однокашнику моей мамы посвящаю

Был мальчишка он шустрый и бойкий,
И энергию школе дарил.
Получал и пятерки, и двойки,
И друзей своих очень ценил.
Не спешите, постойте, ребята,
Побеседуем тихо о нем,
Скажем грустно: «Какой был когда-то!»

И какой же он был молодой...»
Подождите, девчонки, шептаться,
Посмотрите на Юрин портрет.
Там ему всего только 20,
Но на нашей Земле его нет...
Он войну одну страшную видел
И с друзьями в бои уходил,
Чтобы нас здесь никто не обидел,
Чтобы нас здесь никто не убил...
А ему бы сейчас быть с семьей,
Внуков малых из школы встречать...
Только он не вернулся из боя,
Жизнь прервала Афгана печать...
Вот таким молодым и веселым
Мы запомним его навсегда!
Его подвиг бойца-офицера
Понесет наша память в года!

Стихотворение Горюновой Л.В., посвященное воинам-афганцам:

Ваша юность безмянной не была,
И после школы вы не отдыхали.
Куда тропинка, что от дома шла,
Вас заведет, тогда еще не знали.
Никто из вас не мог предположить,
Что сразу после школы и покоя
Придется на чужой земле служить
И постигать науку боя.

Как выстояли – просто не пойму.
Что пережить пришлось – не каждому по силе.
И не в кино, а наяву
Друзей на поле боя смерть косила.
Вас и сейчас война в Афганистане
Не отпускает, не дает покоя...
Как часто ночью вместо сна
Покажется, что вы опять на поле боя...

Давайте вспомним всех по именам!
Кто жив, кого нет с нами,
Кто награжден и без наград –
От всей души спасибо вам,
Спасибо вам, Афганские солдаты!

Информационные источники

Воспоминания

- Белугина А.А.
- Вербицкого В.П.
- Вербовской Г.А.
- Гринева В.А.
- Горюновой Л.В.
- Дмитриевой В.С.
- Егоровой М.Д.
- Егоровой Н.А.
- Кожевниковой Г.Г.
- Лутохина В.В.
- Макаренко Л.Н.
- Окуньковой В.А. и Гордеевой А.С.
- Павловой Р.И.
- Подгорной И.В.
- Полеченкова Ю.М.
- Пятерневой А.П.
- Сбойнова Г.В.
- Селиверстова С.В.
- Селезневой Л.И.
- Столяровой Е.Д.

Литературные и электронные источники

- Ашкеев А. Славный защитник Истры // Ленинский путь. – 1986. - №107.
- Бек А.А. День командира дивизии. [Электронный ресурс] – Режим доступа:
http://thelib.ru/books/bek_aleksandr/den_komandira_divizii.html
- Белобородов А. П. Всегда в бою. [Электронный ресурс] – Режим доступа:
http://www.libok.net/writer/11706/kniga/46995/beloborodov_afanasiy_pavlantevich/vsegda_v_boyu/read/33
- Бойко Б. Н. Подводная лодка С — 13. Из цикла подводные лодки Маринеско. К 100-летию со дня рождения. [Электронный ресурс] – Режим доступа:
<http://grafskaya.com/?p=7729>
- Википедия. 9-я гвардейская стрелковая Краснознамённая дивизия.
[Электронный ресурс] – Режим доступа: https://ru.wikipedia.org/wiki/9-я_гвардейская_стрелковая_дивизия
- Википедия. 44-я лыжная бригада. [Электронный ресурс] – Режим доступа:
<https://ru.wikipedia.org/wiki/44>
- Википедия. С-13. [Электронный ресурс] – Режим доступа:
<https://ru.wikipedia.org/wiki/%D1-13>
- С.Гумерова. Не потускнели боевые ордена// Ленинский путь. – 1984. - №58.

- Егоров Федор Васильевич // Псковская энциклопедия. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.derjavapсков.ru/cat/cattema/catcattemaenci/611>
- Зверков Н.Ф. О Петре Курильчике и друзьях-связистах . В кн.: Истра. 1941. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.clubistok.ru/contents.php?id=219>
- История Великих Лук и окрестностей. [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://myvl.ru/blog/local_history/7435.html
- Книга памяти. Историко-документальная хроника. Псковская область.
- Куньинский район. Псков, 1994, 352 с.
- Материалы Ленино-Снегиревского военно-исторического музея.
- Материалы Новосибирского государственного краеведческого музея.
- Материалы музея истории родного края Куньинского района
- Материалы из личного архива Г.Г.Кожевниковой
- Материалы Центрального архива Министерства обороны РФ. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.podvignaroda.mil.ru/?#tab=navHome>
- Николаев А. Улица Докучаева// Пламя. – 2002. - №2.
- Они не вернулись из боя: Книга Памяти о псковичах, погибших в Афганистане // ГУК «Псковская областная универсальная научная библиотека ; сост. Е. Г. Киселева ; отв. ред. В. И. Павлова. – Псков, 2011. – 72 с. : ил.
- Памятные даты февраля. 2015 год. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://portal.pskovlib.ru/pushkinogorskiy-rayon/295-kuninskiy-rayon/images/stories/kuninski/mgnoveniavoyn.pdf>
- Потапенко Г. Гвардеец// Ленинское знамя, 26 июля 1984 г.
- Пузиков В. Бурлацкое дело. 13. Репрессированные после 1939 г. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.proza.ru/2015/01/08/412>
- Пузиков В. Шакин Василий в 44 лыжной бригаде. 1942-1943 гг.. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.proza.ru/2014/12/10/727>
- Сайт 250 Бобруйской Краснознаменной Ордена Суворова II степени стрелковой дивизии. [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://sd250.narod.ru/text/pr_42_01_12.html
- Сайт «Памирский марш 1979-1980 гг. Ош-Хорог-Файзабад» [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://860omsp.ru/khronologiya-boevykh-dejstvij-860-otdelnogo-motostrelkovogo-pskovskogo-krasnoznamennogo-polka-na-zemle-afganistana/zhizn-i-smert>
- А.А.Сычев «Из истории одной станции», г. Великие Луки, 2009 г.;
- Чалый П.Д. В той степи святой. [Электронный ресурс] – Режим доступа <http://rossgazeta.ru/index.php/istoriya/item/524>

- Фотографии из личного архива Вербовской Г.А.
- Фотографии из районного краеведческого музея;
- Фотографии из личного архива Белугина А.А.
- Фотографии из архива МБУ «Районный культурный центр»
- Фотографии из архивного отдела Администрации Куньинского района
- Фотографии из архива МБУ «Библиотечно-музейное объединение»